

Вятский государственный гуманитарный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 8

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор Т. Н. Котельникова

Компьютерная верстка: К. А. Ашихмина

Дизайн обложки: А. Ю. Чепурных

Ответственный за выпуск А. А. Харунжев (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Нижников С. А. М. Хайдеггер: преодоление метафизики</i>	6
<i>Карпенко И. А. Развитие представлений о пространстве от науки Нового времени до современности</i>	10
<i>Яковлева О. К. Благотворительность как социальная форма деятельности в контексте развития университетского образования</i>	17
<i>Волченкова Е. В. Особенности репродуктивных установок современной молодежи</i>	21
<i>Пашаева М. Р. Учреждения культуры и искусства в системе современного рынка развлечений: мнение молодого поколения</i>	25

ИСТОРИЯ

<i>Трушкова И. Ю. Современная этнокультурная ситуация в странах Балтии: исторические основания и направления развития</i>	30
<i>Поздеев П. В. Этапы становления совещательных, консультативных и координационных органов в России</i>	37
<i>Еремин А. В. Социокультурная деятельность Русской православной церкви и формирование цивилизационной идентичности российского общества</i>	44
<i>Чорбачиди С. А. К истории издания и распространения открыток Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны при Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении</i>	49
<i>Базин О. А. Позиция Японии по поводу участия в Первой мировой войне</i>	58
<i>Психомахова А. Р. Кавказская конная дивизия в Первой мировой войне</i>	62

ПРАВО

<i>Артемьев Н. С., Розуван А. М., Морозова Ю. А. Судебный контроль за деятельностью следственных изоляторов ФСИН России</i>	67
<i>Ложкина Т. Е. Местное самоуправление: снова реформа?</i>	70
<i>Бочкарев С. А. Метафизика как сфера соединения науки уголовного права с наукой в целом</i>	75

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бочкарёва А. С. Языковая норма и печать</i>	89
<i>Миловская Н. Д. Резервы полисемии в создании юмористического эффекта в немецких языковых бытовых анекдотах о блондинке</i>	94
<i>Миронина А. Ю. Война как объект эвфемизации в политическом дискурсе</i>	99
<i>Осипова А. А. Русские версии Послания апостола Павла к Титу (сопоставительный анализ Синодального и Современного переводов)</i>	105
<i>Рябушкина С. В. Собираательные числительные в современной русской речи: семантика и синтагматика</i>	110

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Перминов Е. А.</i> О методологии отражения элементов современной алгебры в содержании математической и методической подготовки будущих учителей	115
<i>Тарбеева О. В.</i> Профессионально ориентированная научно-исследовательская деятельность будущих менеджеров как средство формирования их информационно-коммуникационной компетентности.....	120
<i>Напалков С. В.</i> О практическом использовании тематических образовательных Web-квестов в школьном обучении математике.....	125
<i>Владимирова Е. Н.</i> Учебная деятельность как инструмент овладения школьниками аудированием на иностранном языке	129
<i>Бандаков М. П., Грязин Д. В.</i> О роли и месте координационных способностей в тренировочном процессе спортсменов, занимающихся греко-римской борьбой	135
<i>Бандаков М. П., Полевой Г. Г.</i> Развитие специфических координационных способностей у юных футболистов.....	138
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	146
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	151
INFORMATION ABOUT AUTHORS	154

CONTENTS

- Nizhnikov S. A. M. Heidegger: overcoming metaphysics*
Karpenko I. A. Developing of concepts of the space from modern science to present times
Yakovleva O. K. Charity as a social form of activity in the context of development of University education
Bushkova-Shiklina Je. V., Starikova M. M. Pension: what's next? The problem of employment of pensioners and raising the retirement age
Volchenkova E. V. Peculiarities in reproduction attitudes of modern youth
Pashaeva M. R. The culture and arts organization in terms of contemporary entertainment market: opinion of the younger generation
Trushkova I. Yu. Contemporary ethnocultural situation in Baltic countries: historical bases and developing's trends
Pozdeev P. V. The stages of growing of deliberative, consultative and coordinating bodies in Russia
Eremin A.V. Sociological-cultural activity of Russian Orthodox Church and formation of civilizational identity of Russian society.
Chorbachidi S. A. On the history of publishing and distribution of postcards belonging to the Charitable Society at St. Petersburg maternity institution under the Royal Guardianship of of Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna
Bazin O. A. The japanese position on the issue of participation in the First world war
Psikhomakhova A. R. Caucasian cavalry division in the first world war
Artemyev N. S., Rosuvan A. M., Morozova Yu. A. Judicial control over pre-trial detention facilities of Federal Penal Enforcement Service in Russia
Semenov A. V. (Candidate of History, Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law of Vyatka State University of Humanities) Provincial conventions of magistrates in 1918.
Lozhkina T. E. Local self-administration: reform again?
Bochkarev S. A. Metaphysics as sphere of conjunction of criminal law and science in general.
Bochkaryova A. S. Language norm and press
Dorohova A. S. The esseistical nraditions of M. Montaigne in «Night train to Lisbon» by P. Mercier
Milovskaya N. D. Reserves of polysemy in humorous effect creation in german anecdotes on everyday life about a blonde
Mironina A. Y. War as an object of euphemization in political discourse Osipova Anna Russian Versions of the Apostle Paul's Epistle to Titus (Comparative analysis of Synodal and Modern Russian Translations)
Ryabushkina S. V. Collective numerals in modern Russian speech: semantics and syntagmatics
Perminov E. A. About the methodology of reflection of elements of modern algebra in the content of mathematical and methodological training of future teachers
Tarbeeva O. V. Professionally oriented research activities of the future managers as a means of forming their information and communication competence
Napalkov S. V. About practical use of thematic educational Web quests in school training in mathematics
Vladimirova E. N. Learning Activities as an Instrument of Students' Acquisition in Foreign Language Listening Comprehension
Bandakov M. P. Dmitriy Gryazin On role and place of body coordination in greco-roman wrestling training process
Bandakov M. P., Polyevoy G. G. Development of specific coordination abilities of young football players. On science-methodological conferences of development of mathematical education

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1(091):11

С. А. Нижников

М. Хайдеггер: преодоление метафизики

В статье рассматривается хайдеггеровская интерпретация тезиса Ницше «Бог умер», состоящая в том, что хотя и объявляется решительная замена прежних ценностей иными, но в реальности они подменяются различными суррогатными идеями, не устраняющими нигилизм. Хайдеггер стремился восстановить «истинное», досократовское понимание бытия и метафизики, синтезируя его с трансценденцией.

The article considers Heidegger's interpretation of the thesis Nietzsche "God is dead", consisting in the fact that although he declared a resolute replace the old values by different ones, but in reality they substitute for others surrogate ideas. Heidegger also seeks to restore the "true", pre-Socrates understanding of being and metaphysics, synthesizing it with the transcendence.

Ключевые слова: метафизика, трансценденция, платонизм, бытие сущего, нигилизм.

Keywords: metaphysics, transcendence, Platonism, being exists, nihilism.

Ницшевский тезис «Бог умер» был известен в новоевропейской культуре задолго до самого Ницше. Из ближайших предшественников об этом писал Фейербах, и даже Гегель. Хайдеггер обнаруживает данное суждение в его раннем трактате *Вера и знание* (1802), которое он повторял и позднее в других произведениях. Гегель пишет о «чувстве, на которое опирается вся религия нового времени, о чувстве: сам Бог мёртв...» [1]. При этом Гегель отмечал, что философия иногда вынуждена встать на защиту веры от некоторых форм теологии, которые принимают чуть ли не атеистический характер. Хайдеггер призывает всмотреться в истину этих слов, а это предполагает мужественное вскрытие метафизического смысла высказывания Ницше «Бог умер».

Хайдеггер видит смысл высказывания Ницше в том, что «сверхчувственный мир лишился своей действенной силы. Он не подает уже признаков жизни. Пришел конец метафизики – для Ницше это вся западная философия, понятая как платонизм». Бог в этом смысле является символом сферы идей и идеалов, которые из трансцендентной выси ничтожили все земное, породив нигилизм. Но, как говорится, свято место пусто не бывает, поэтому оно заполнилось в XX в. тоталитарными идеологиями (фашизм и коммунизм), властью технократического мышления, всевозможными суевериями и т. д. Это отмечал и Достоевский, говоря, что человек если не Богу, то идолу поклонится [2]. Этот новый нигилизм, согласно Хайдеггеру («неполный нигилизм» у Ницше), хотя и заменяет прежние ценности иными, но по-прежнему ставит их на старое место. Однако изначальная область, где совершается сущность и разворачивается событие нигилизма, – это сама метафизика, так что и само христианство представляет собой следствие и определенное выражение нигилизма.

Нигилизм ницшеанский Хайдеггер определяет как завершённый, совершенный, тем самым классический нигилизм, в котором полагание ценностей исходит из новой области, уже не сверхчувственной, а выступает в качестве «идеала изобильнейшей жизни». Возникает понятие ценностей, когда «все ценностное становится позитивной заменой метафизического». Поэтому полагание ценностей «подобрало под себя все сущее как сущее для себя» – тем самым оно убрало его, покончило с ним, убило его. Таков общеметафизический смысл высказывания «Бог мёртв», в интерпретации же Хайдеггера произошло «убиение бытия сущего».

Ницше «оборачивает» метафизику, однако не преодолевает ее. В статье *Преодоление метафизики* Хайдеггер поясняет: «Перевертывание платонизма, когда для Ницше чувственное становится соответственно истинным миром, а сверхчувственное неистинным, целиком остается еще внутри метафизики. Такого рода преодоление метафизики, какое имеет в виду Ницше, причем в смысле позитивизма XIX столетия, есть, хотя бы и в своем высшем превращении, лишь окончательное увязание в метафизике. Создается, конечно, видимость, будто “мета-“, трансцендирование в сверхчувственное, отменяется в пользу опоры на чувственно-вещественную стихию, в то время как на деле просто завершается забвение бытия и сверхчувственное разнузывается и хозяйничает в виде воли к власти» [3]. Исходя из того, что жизнь означает волю к воле, воля к власти у Ницше рассматривается как «самая внутренняя сущность бытия», и «в воле заключено: всему давать цену»: «Живое – это уже значит: оно дает цену» [4]. Ценности же определяются как «условия сохранения, возрастания в пределах бытия сущего» [5]. На авансцену выходит новоевропейский субъект в качестве *сверхчеловека*, чтобы вершить судьбу сущего: «Мертвы все Боги; теперь мы волим, чтобы здоровал сверхчеловек!» [6]

В традиционной метафизике бытие, Бог были превращены в высшую ценность, если же «на бытии сущего ставят печать ценности... путь к постижению бытия совершенно стерт». «Последний же удар по Богу и по сверхчувственному миру, – уточняет Хайдеггер, – наносится тем, что Бог, сущее из сущего, унижается до высшей ценности. Не в том самый жестокий удар по Богу, что его считают непознаваемым, не в том, что существование Бога оказывается недоказуемым, а в том, что Бог, принимаемый за действительно существующего, возвышается в ранг высшей ценности. Ибо удар этот наносят не праздные зеваки, не верующие в Бога, а верующие и их богословы, которым, хотя и твердят они о сущем из сущего, никогда не приходит на ум подумать о самом бытии – ради того, чтобы при этом заметить, что такое их мышление и такое говорение их о Боге – это, если посмотреть со стороны веры, не что иное, как настоящее богохульствование, коль скоро они вторгаются в богословие веры» [7].

Но свойственное Богу место – это то, «откуда истекает причиняющее созидание сущего и сохранение сущего как сотворенного». Это место «сверхчеловек не заступает и никогда не может заступить», так как «место, на которое направлено воление человека, – это иная область, область иного обоснования сущего...». Поэтому и «ницшевское постижение нигилизма как обесценения высших ценностей – это нигилизм» [8]. Взгляд, превративший бытие, а с ним и Бога в разряд сущего, хотя и высшего, породил нигилизм, субъективизм, технократизм и все беды исторического, в особенной мере новоевропейского и современного человека. По сути, этот путь ведет мир по пути к катастрофе, о чем свидетельствуют глобальные проблемы современности.

Тогда остается вопрос, как спастись? Только в адекватном постижении бытия! – заявляет Хайдеггер и возвращает нас к истокам древнегреческого мышления, к тому месту, где начался отсчет метафизического времени, ибо вся метафизика в своей сущности – нигилизм. «История бытия начинается, притом необходимо начинается с забвения бытия», поэтому «сущность нигилизма состоит в том, что ничто же несть с самим бытием», и только «Самое бытие есть бытие в его истине, истина же принадлежит бытию» [9]. «Ищу Бога! Ищу Бога», – кричал без передышки безумец у Ницше. Так и Хайдеггер бросается в поиски заветного Бытия, оставляя читателей слова Ницше «Бог мёртв» на полпути. Может быть, весь позитив развертывается им в трактовке понятия Бытия? Но вначале коснемся того, в чем состоит сущность грехопадения метафизики.

В лекционном курсе *Основные понятия метафизики* Хайдеггер проводит анализ генезиса понятия метафизики. Здесь он останавливается на разборе древнегреческого понятия *фюсис*. В этом случае философия (метафизика) предстает в виде «осмысления *фюсис*» с целью высказать ее в *логосе*. На этом этапе *фюсис* подчинена логосу как своему собственному закону и *алетейе* как истине в смысле открытости. Таково было понимание метафизики в милетской школе и у Гераклита, однако уже у Парменида Хайдеггер обнаруживает имплицитно содержащийся изъян, двойственность, которая разрешится в теорию идей Платона.

Ценность Хайдеггер рассматривает как точку зрения, «въедение, в том смысле, в каком предопределено оно было греками» [10]. Истоки всех этих видов нигилизма и нигилистичско-метафизического мышления, как такового, Хайдеггер усматривает еще в древнегрече-

ском мышлении, так как «атомная бомба разорвалась» уже в поэме Парменида. В понятие *фюсиса* вкралась двусмысленность, что привело к порождению понятия *мета та фюсика* (метафизика). Первоначальный смысл *фюсиса* как внутренней сущности, закона вещей переносится в мир сверхчувственного. Метафизика понимается как строй господства сверхчувственного.

В самом зарождении метафизики, констатирует Хайдеггер, коренится и ее падение, извращение, выражением которого стала теория идей Платона и становление трансцендентных христианских ценностей, когда христианское богословие овладело греческой философией. Началась эпоха «нигилизма» по отношению ко всем земным ценностям, которая продолжалась вплоть до Ницше, но и им не была полностью преодолена. Более того, как выяснено, Ницше оказывается «самым разнузданным платоником внутри истории западной метафизики» [11].

Анализируя теорию идей Платона и понятие сущности, перводвигателя и теологии у Аристотеля, Хайдеггер квалифицирует отрыв идеи от вещи, сущности от явления, бытия от сущего как извращение метафизики и возникновение теологии. Хайдеггер упрекает как Платона, так и Аристотеля, что они назвали высшую и первую причину божеством: «После истолкования бытия как *идеи* мышление вокруг бытия сущего метафизично, а метафизика теологична. Теология означает здесь истолкование “причины” сущего как Бога и перенесение бытия на эту причину, которая содержит бытие в себе и испускает его из себя, будучи самым сущим из сущего». Вопрос о бытии приобретает двойственный *онто-тео-логический* характер [12].

На самом деле Хайдеггер осуществляет феноменологическую критику платонизма. Вместе с тем он стремился осмыслить проблему метафизики с высоты XX столетия, а не просто возвратиться к досократовскому ее пониманию, чтобы устранить трагический разрыв между горним и дольным мирами. Суть этого преобразования заключается в том, что Хайдеггер, пытаясь восстановить «истинное», досократовское понимание бытия и метафизики, синтезирует его с трансценденцией: «Метафизика – это вопрошание сверх сущего, за его пределы, так что мы получаем после этого сущее для понимания как таковое и в целом» [13]. Но трансценденция у него уже не мыслится теологически, она трансцендирует в зияющую пустоту и мрак хаоса, где открывается не благодать и свет, а Ничто, способное вызвать у человека лишь «фундаментальное настроение ужаса» и тоски [14]. Поэтому «Смерть Бога» не устранила, а только обнажила изначальный нигилизм.

Глубина этого исторического движения Запада такова, «что его разворачивание может лишь привести к мировым катастрофам. Нигилизм – это всемирно-историческое движение тех народов земли, которые вовлечены в сферу, где открывается не благодать и свет, а Ничто, способное вызвать у человека лишь «фундаментальное настроение ужаса» и тоски. Возможно, Хайдеггер здесь, с сохранением трансценденции, возвращается уже даже не к досократовской философии, а к еще более древней, хтонической мифологии, осмысляя ее на языке понятий и экзистенциалов. В результате, как и античные философы, он взывает «неведомого Бога», его трансценденция открывает лишь Ничто, перед которым цепенеет от ужаса человеческое существо. По словам Мартина Бубера, «он в своей заботе и в своем страхе стоит перед ничем»; «человек Хайдеггера является большим, решающим шагом от человека Кьеркегора к пропасти, где начинается ничто»; «чем-то непреодолимо пустым веет на меня от такого понятия бытия» [15]. Хайдеггер разрывает онтологический и аксиологический аспекты метафизики друг от друга, признавая лишь первый из них. Он критикует Платона за то, что у него «идея добра» есть «причина всего правильного, равно как и всего прекрасного». Для Хайдеггера две части высказывания не равноправны и не параллельны. Правильному, считает он, соответствует *алетейя*, а *прекрасному* – восприятие [16].

Критикуя Платона, Хайдеггер пытался разрешить проблему метафизического дуализма бытия и сущего, идеи и вещи, выявляя онтологический статус мышления и переосмысливая категорию бытия. Тожество мышления и бытия, сущего и бытия постулировал уже Парменид, однако с него началось и разобщение этих понятий. Хайдеггер пытался преодолеть отчуждение мышления от бытия: оно есть со-гласие с бытием, или его вообще нет. Он предпринял попытку построения такой онтологии бытия, что в ней к явленности выходит само бытие сущего не на манер предшествующей метафизики как сверхчувственного, а как «двусложность бытия и сущего». Само бытие – это значит: наличность наличного, т. е. двусложность этих двух в их односложности.

Философ развивает монистический взгляд на бытие как трансценденцию и бытие как сущее и имманентное, которые совпадают в своей двусложности. Именно исходя из существа двусложности возможно развертывание ясности, т. е. просвета, внутри которого наличное как таковое и наличность, бытие и сущее становятся различными для человека, в результате чего возможно осуществление познания. В понятии бытия как двусложности Хайдеггер на свой манер повторяет диалектику одного и иного Платона, бытия и ничто Гегеля, наполняя ее экзистенциальным смыслом. Он пишет о необходимости «увидеть явленность как сущность наличия в его сущностном происхождении». И что именно «в истоках явленности на человека находит то, в чем таится двусложность присутствия и присутствующего» [17].

Хайдеггер призывает вернуться к самым истокам греческого мышления и пойти глубже его, выйти за установившийся горизонт, который объективировался в истории западно-европейской философии. Хайдеггер мечтал на основе феноменологической методологии построить абсолютную онтологию человеческого бытия.

В хайдеггеровском понимании метафизики вступают во взаимодействие все эпохально-исторические ее концепции. Он работал, по сути, над проблемой синтеза всего более чем 2-тысячелетнего метафизического опыта европейской мысли. Насколько удалось ему разрешить данную задачу, еще предстоит осмыслить.

Примечания

1. Хайдеггер цит. по: *Hegel G. W. F. Werke*. Bd. 1. Berlin, 1832. S. 157. В русском переводе данное высказывание отсутствует в силу, видимо, сокращенного перевода (см.: *Гегель Г. В. Ф. Вера и знание // Эстетика: в 4 т. Т. 4. Фрагменты из философских произведений. Статьи. Письма. М.: Искусство, 1973. С. 57–67*).

2. На Достоевского, вскрывшего нигилизм русской революционной интеллигенции в *Объяснительном слове* к пушкинской речи, ссылается и Хайдеггер в начале работы *Европейский нигилизм* (см.: *Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 63*).

3. *Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 181.*

4. *Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 190–192.*

5. Там же.

6. Там же. С. 206.

7. Там же. С. 210.

8. Там же. С. 207, 210.

9. Там же. С. 214–215, 213.

10. Там же. С. 184.

11. *Хайдеггер М. Время и бытие. С. 355.*

12. См.: там же. С. 360, 364.

13. Там же. С. 24.

14. См.: *Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. С. 174, 181.*

15. *Бубер М. Проблема человека. Киев, 1998. С. 62, 71.*

16. См.: *Бубер М. Затмение Бога // Два образа веры. М., 1999. С. 494, 358.*

17. *Хайдеггер М. Время и бытие. С. 294.*

Notes

1. Heidegger cited. by: *Hegel G. W. F. Werke*. Bd. 1. Berlin, 1832. S. 157. In Russian translation this statement is absent, apparently, due to Acronym translation (see: *Hegel, G.W.F. Vera i znanie* [Faith and knowledge] // *Estetika – Aesthetics: in 4 vols. Vol. 4* [Fragments of philosophical works. Article. Letters]. Moscow: Iskusstvo, 1973. Pp. 57–67).

2. Dostoevsky revealed the nihilism of the Russian revolutionary intelligentsia in *Ob'yasnitelnoe slovo* [Explanatory remarks] to the Pushkin speech, Heidegger refers to the beginning of European nihilism (see: *Heidegger M. Evropeyskiy nigilizm* [European nihilism] // *Vremya i byitie: stati i vyistupleniya – Time and Being: articles and speeches. Moscow, 1993, p. 63*).

3. *Heidegger M. Vremya i byitie: stati i vyistupleniya* [Being and Time: articles and speeches]. Moscow, 1993, p. 181.

4. *Heidegger M. Raboty i razmyishleniya raznyih let.* [Works and thoughts over the years]. Moscow. 1993. Pp. 190–192.

5. Ibid.

6. Ibid. P. 206.

7. Ibid. P. 210.

8. Ibid. Pp. 207, 210.

9. Ibid. P. 214–215, 213.

10. Ibid. P. 184.
11. *Heidegger M. Vremya i bytie* [Being and Time]. P. 355.
12. See: *ibid.* Pp. 360, 364.
13. Ibid. P. 24.
14. See *Heidegger M.: Raboty i razmyishleniya raznyih let* [Works and thoughts over the years]. Pp. 174, 181.
15. *Buber M. Problema cheloveka* [The problem of man]. Kyiv. 1998. Pp. 62, 71.
16. See: *Buber M. Zatmenie Boga* [Eclipse of God] // *Dva obraza veryi – Two Visions of Faith*. Moscow, 1999, pp. 494, 358.
17. *Heidegger M. Vremya i bytie* [Being and Time]. P. 294.

УДК 114

И. А. Карпенко

Развитие представлений о пространстве от науки Нового времени до современности

Анализируются отдельные аспекты трансформации идей о понятии и свойствах пространства в исторической перспективе. Делаются частные выводы о развитии этих идей в контексте современной науки.

Analyzes some aspects of transformation of ideas about the notion and properties of space in historical perspective. Offers private conclusions about the development of these ideas in the context of science present times.

Ключевые слова: история и философия науки, пространство, физика.

Keywords: history and philosophy of science, space, physics.

В настоящей работе внимание акцентируется на научных представлениях Нового времени, и отсылки к более ранним представлениям совершаются лишь для указания очевидной преемственности или оспаривания соответствующих концепций. В качестве главного предмета выбрана идея физического пространства, точнее, её развитие. «Научная революция XVII–XVIII вв. утвердила новые принципы научности (и очертила границы научного в противовес спекулятивному), которые можно считать во многом актуальными и сегодня (впрочем, есть и иные точки зрения на проблему научного поиска, в связи с этим см., например, работы Пенроуза [1]).

Но представляется бесспорной ключевая роль в прогрессе научного познания именно этого исторического периода. Будет показано, что те выводы о свойствах пространства, которые казались неоспоримыми на протяжении столетий, внезапно перестали быть таковыми. Фактически это обусловлено другой «научной революцией», начавшейся на рубеже XIX–XX вв., в ходе которой произошёл отказ от старых аксиом физики (таких, например, как существование «эфира» [2]) и были сформулированы новые аксиомы (в теории относительности и квантовой механике).

В анализе первой из названных научных революций мы во многом опираемся на работу А. Койре, проделавшего тщательный анализ воззрений того времени. Среди тех, кто совершал научную революцию, утвердившую новый тип представлений о пространстве, Александр Койре в работе «От замкнутого мира к бесконечной Вселенной» выделяет нескольких, на его взгляд внёсших наибольший вклад, мыслителей. Это Николай Кузанский, Марчелло Палингениус, Николай Коперник, Томас Диггс, Джордано Бруно, Уильям Гилберт, Иоганн Кеплер, Галилео Галилей, Рене Декарт, Генри Мор, Николя Мальбранш, Ричард Бенгли, Исаак Ньютон, Джозеф Рафсон, Джордж Беркли, Готфрид Лейбниц.

Обозначим в общих чертах идеи некоторых из них, чтобы впоследствии обнаружить развитие этих идей (а также оспаривание, опровержение или подтверждение) в науке XX в., а точнее, в научной физической картине мира, пришедшей на смену механицизму Ньютона.

Несомненно, Николай Коперник внёс важнейший вклад в формирование представлений о Вселенной как о бесконечной и, возможно, сам того не желая, приступил к разрушению

представлений Средних веков о Космосе. Хотя мир, модель которого предлагает Коперник, как раз конечен (и на этом настаивает Койре): «...нигде Коперник не говорит нам, что видимый мир, мир неподвижных звёзд бесконечен. Он лишь указывает, что мир этот не поддаётся измерению...» [3] Система Коперника гелиоцентрическая: в центре располагается Солнце, вокруг него планеты и сфера неподвижных звёзд. Напомним, что в системе Аристотеля звезды двигались по кругу, а раз есть конечное расстояние, которое могут пройти звёзды, значит, как утверждал Аристотель, мир никак не бесконечен.

Но у Коперника сфера звёзд неподвижна. Тогда возникает вопрос: зачем вообще нужна эта сфера, чем обосновано её существование? Быть может, небо со звёздами простирается ввысь бесконечно далеко? Однако сам Коперник не решается перейти от мысли о конечной Вселенной к мысли о Вселенной бесконечной. Мир Коперника так велик, что не поддаётся измерению, он необозрим, но, тем не менее, конечен. Хотя эта «неизмеримость» в принципе и может трактоваться как основание для бесконечности. С другой стороны, надо понимать, что в мире Коперника есть центр – это Солнце. А бесконечность, в которой есть центр, то есть некая выделенная точка, от которой пространство простирается на равные расстояния – нонсенс.

Но заслуга Коперника на пути формирования образа бесконечной Вселенной бесспорна: «...психологически легче перейти к идее бесконечной Вселенной от идеи неизмеримо большой и всё время расширяющейся Вселенной... совершённое Коперником преобразование (или революция) в астрономии устранило один из наиболее серьёзных научных аргументов против идеи бесконечной Вселенной, основывавшийся на эмпирически очевидном, соответствовавшем позиции здравого смысла, факте движения небесных сфер» [4].

Более решительный переход к бесконечной модели мира осуществил Джордано Бруно. Интересно, что, признавая заслуги Бруно, Койре сообщает, что не считает мыслителя эпохи Возрождения ни хорошим философом, ни учёным, и утверждает, что своих идейных учителей (Лукреция Кара и Николая Кузанского) тот понял неправильно. Тем не менее Бруно первый предложил идею бесконечной Вселенной, не имеющей центра, с бесконечным множеством миров (как выразился Койре, мир Бруно «бесконечно бесконечный» [5]). Сам Бруно высказывается вполне ясно: «...уверен, что... все профессора при всей своей учёности не смогут отыскать сколько-нибудь вероятного довода, по которому существовал бы предел этому телесному миру и по которому, следовательно, также и звёзды, находящиеся в пространстве, имелись бы в определённом числе» [6].

Бруно утверждает бесконечную Вселенную, но не пустую, а изобильную, в которой есть, грубо выражаясь, всё, в том числе бесконечное число других населённых миров. К подобным следствиям приводит фактически отрицание ограничивающей сферы Коперника (которая уже в системе самого Коперника выглядит откровенно ненужной).

Иоганн Кеплер возвращается (точнее, не возвращается, а остаётся) к идее конечной Вселенной. Это, как отмечает Койре, в значительной мере обусловлено его религиозными воззрениями. Для него проявление Бога в мире – это наличие в нём порядка и гармонии, а «порядок и гармония не могут быть найдены в бесконечном и потому не имеющим ни формы, ни образа...» [7]. Но более важны другие основания Кеплера для принятия им конечной модели мира, имеющие уже скорее научный характер. Кеплер – эмпирик, для него наука – астрономия – должна согласовываться с опытом, с наблюдаемой реальностью: именно такой, какой она является нашим органам чувств (зрению). Таким образом, с этой точки зрения нет смысла измышлять гипотезы, которые не соотносятся с фактами, с нашими возможностями наблюдения: «...астрономия тесно связана со зрением, т. е. с оптикой. Она не может допускать вещи, противоречащие законам оптики» [8]. Следовательно, антинаучно допускать существование бесконечности, раз уж проверить это не представляется возможным.

Ещё одно направление аргументации Кеплера против бесконечности касается структуры мира: если мир бесконечен, то у него нет определённой структуры и он везде однороден, отовсюду выглядит одинаково, а это не так, говорит Кеплер, с Земли мир выглядит по-особенному, значит, это уникальная, выделенная точка, и мир не может быть бесконечным. То есть в данном случае аргументация Кеплера в корне неверна, но она основана на оптической иллюзии видимого размера звёзд – характерного заблуждения той эпохи.

Среди возражений, выдвигаемых Кеплером против бесконечности пространства (однородно заполненного звёздами), заслуживает внимания следующее. Не может быть беско-

нечно удалённой звезды от какой-либо точки, например от нашего Солнца. В самом деле, между любыми двумя точками существует конечное расстояние, а значит, звёзды, бесконечно удалённые от других звёзд, невозможны, и пространство конечно. Кеплер подводит такие итоги: «... мы называем бесконечным то, что не имеет пределов и конца, а следовательно – и измерений. Таким образом, любое число вещей актуально конечно, по той уже причине, что оно число...» [9]. Речь идёт о том, что раз не может быть бесконечно удалённых звёзд, то их число конечно, а из конечного нельзя составить бесконечное, имеющее размеры (и размерности).

И далее у Кеплера: «Пространство существует благодаря телам; не было бы тел, не было и пространства. И если Бог разрушит мир, после него не останется никакого пустого пространства. А будет просто ничто, как было ничто до того, как Бог создал мир» [10]. Здесь важно, что, с точки зрения Кеплера, пространство не существует, как таковое, есть только тела, а пространство – это, по сути, их свойство, размерность тел.

Шаг вперёд сделал Галилей с помощью принципиально нового орудия познания – телескопа. Он получил возможность расширить границы видимого, а следовательно, доступного научному обсуждению. Наблюдаемая Вселенная оказалась намного богаче, больше и разнообразнее, чем учёные могли до этого предположить. Тем не менее на вопрос о том, конечна Вселенная или бесконечна, Галилей ясного ответа не дал. Вернее, он уклонялся от ответа, возможно, по двум причинам: во-первых, из-за соображений безопасности ввиду угрозы преследования церковью, во-вторых, благодаря чисто научным причинам, схожим с основаниями Кеплера: какой смысл говорить о том, что в принципе не может быть нам известно? Но важно иметь в виду, что, как отмечает Койре, «в согласии с Николаем Кузанским и Джордано Бруно, Галилей отбрасывает идею существования центра Вселенной...» [11]. А отсюда один шаг до признания бесконечности: если нигде нет центра мира, значит, мир простирается бесконечно далеко. Однако сам Галилей такого вывода не делает. Он говорит только: «Ни вы, ни кто-либо другой нигде не доказали, ни что мир конечен и обладает размерами, ни что он бесконечен и не имеет предела» [12].

Вновь к идее бесконечности, после Кузанского и Бруно, возвращается Рене Декарт. Декарт отождествляет материю и пространство, т. е. нет такого пустого места, которое занимали бы тела и которое высвобождалась бы, когда они его покидают. Иначе говоря, не существует пустота. Декарт вполне убедительно это доказывает, рассуждая о том, что у пустоты (ничто) не может быть никаких измерений, поэтому говорить о километрах пустого пространства, отделяющих одни тела от других, не имеет смысла. Тела, разделённые ничем, фактически не разделены. Таким образом, существует лишь материя, но различающаяся качественно (вспомним Кеплера, который утверждал, что пространство есть свойство тел). Но из этого (отождествления протяжённости и материи) следует признание бесконечности пространства, так как «мы не в состоянии полагать предел, не преодолевая его самим этим полаганием» [13]. Речь идёт о том, что мы не в состоянии признавать границу Вселенной, предел материи, поскольку, кроме материи, ничего нет (пустоты нет). Значит, материя должна продлеваться бесконечно. Правда, и это немаловажно, Декарт принципиально избегает термина «бесконечность» в определении мира и предпочитает «беспредельность». Эта уловка носит теологический характер – бесконечен у Декарта один лишь Бог (это вполне объясняется той ролью, которую отводит Декарт идее Бога в постижении его человеком). Но отсюда против желания Декарта вытекает интересное следствие: раз мир материален, а Бог нет, то Богу как бы нет уже места в этом мире, становящимся тем самым чисто научным, математическим, геометрическим. Это важный шаг в формировании научных астрономических представлений: «...между Богом и миром не существует аналогии» [14].

Другим важным следствием теории Декарта является представление об однородности Вселенной. «Отсюда нетрудно заключить, что земля и небеса созданы из одной и той же материи; и даже если бы миров было бесконечное множество, то они необходимо состояли бы из этой же материи...» [15] Из этого он делает неожиданный вывод, что, стало быть, миров не может быть много.

Исаак Ньютон – профессиональный учёный, и он ни в коем случае не философ, и не мистик (хотя это не мешает ему оставаться глубоко верующим человеком и настойчиво вписывать Бога в свою картину мира). Для него, в отличие от Декарта, пространство и время абсолютны, т. е. они имеют свою собственную природу и существуют как бы независимо от

мира, от тел, расположенных в нём. По поводу пространства Ньютон говорит: «Абсолютное пространство по своей природе безотносительно чего бы то ни было внешнего всегда остаётся одинаковым и подвижным» [16]; по поводу времени аналогичное: «Абсолютное, истинное и математическое время само из себя и по своей природе течёт равномерно и безотносительно к чему-либо внешнему» [17].

Таким образом, пространство есть «место», в котором тела находятся и которое они могут покинуть (то, что отрицал Декарт, – в его концепции нет пустых «мест», которые можно было бы занять, потому что всё и так уже занято – материей). Пространство Ньютона содержит материю, состоящую из бесконечно малых частиц (атомы), которые разделяет пустота (вакуум). По поводу этих частиц Ньютона одолевают некие знаменательные сомнения: «Не обладают ли малые частицы тел некоторыми энергиями, мощностями, или силами, благодаря которым они действуют на расстоянии не только на лучи света, чтобы отражать, преломлять и отклонять их, но также и друг на друга, чтобы порождать огромную долю явлений природы?» [18] Хотя допущение, что это могли бы быть не частицы, а скажем, струны, мембраны, и прочие браны (разумеется, у него нет этих терминов), он отрицает, доказывая, что жидкости в противном случае не затвердевали бы. Но сомнения у него остаются, он не может понять, за счёт чего держатся друг друга мельчайшие частицы и почему материя не распадается на атомы [19].

Как хорошо известно, Ньютон дал математическое описание тяготения, но он «не верил в притяжение как в реальную, физическую силу» [20]. Он отказывался признавать, что тяготение – это свойства тел, которые притягиваются, и предпочитал предполагать, что существует некая внешняя сила (скорее всего, божественная), заставляющая тела притягиваться. Ньютон систематически уходит от провокационных споров о природе тяготения, он признается, что она ему неизвестна и этого довольно: главное, что он сумел дать её математическое описание, т. е. взять закон природы и сопоставить ему закон науки. А почему закон именно таков и какова его природа – об этом можно только гадать.

Фактически Койре делает следующий вывод, вкладывая его в уста Ньютона: «...обратно-квадратичный закон всемирного тяготения, действующий закон этого мира, ни в коем случае не был единственно возможным – хотя и был самым удобным, – и что Бог, если бы он того захотел, мог бы принять и другой» [21]. Как мы увидим, вывод этот, в общем, хорошо согласуется с некоторыми современными физическими представлениями.

В вопросе о статусе абсолютного пространства Ньютон однозначно принимает его бесконечность. Мир бесконечен и состоит из материи и пустоты, это некий точный механизм, который заводит Бог, а поскольку это абсолютный безотносительный механизм – наука способна давать абсолютно точные предсказания о будущем, пользуясь математическим аппаратом и средствами наблюдения. Проще говоря, можно указать положение и массу (энергию) атома в любой временной точке будущего, если мы точно знаем все начальные условия.

Фактически до XX в. (с некоторыми оговорками) теория Ньютона главенствовала и в своих основных положениях не подвергалась сомнению. Однако с появлением работ Планка, Эйнштейна, Бора, Гейзенберга, Шрёдингера и ряда других физиков ситуация резко изменилась. Основное изменение заключалось в том, что пространство и время, абсолютные у Ньютона, оказались относительными (правда, пространство-время осталось абсолютным как система отсчёта, но здесь это обсуждаться не будет). Та же судьба фундаментального переосмысления постигла и гравитацию. Если у Ньютона это некая сила мистического происхождения, мгновенно (!) распространяющаяся в пространстве, то у Эйнштейна «это не обычная сила, а следствие того, что пространство-время не является плоским, как считалось раньше, оно искривлено распределёнными в нём массой и энергией» [22]. Иначе говоря, тела движутся по искривлённым орбитам не вследствие действия особой силы, а потому что пространство искривлено массами расположенных в нём тел, таким образом, линии в искривлённом пространстве соответствуют линиям в прямом (евклидовом) пространстве (геодезические линии). Что касается устройства Вселенной как механизма, в котором можно предсказать её будущее состояние в любых деталях, зная начальные условия, то и это оказалось неверным. Как показал один из основоположников квантовой механики, Вернер Гейзенберг, существует принципиальная неопределённость положения и скорости частицы в настоящий момент. Иначе говоря, их невозможно одновременно измерить. Таким образом, Вселенная из полностью определённой и ясной превращается в вероятностную, когда точ-

ное предсказание становится принципиально невозможным (многообразие квантово-механических концепций и следствий для картины Вселенной см., например, в [23]).

Особо стоит остановиться на природе и свойствах гравитации. «В теории тяготения Ньютона одно тело притягивает другое с силой, которая зависит только от масс этих тел и расстояния между ними. ...Это означает, что если их массы или расстояния между ними изменятся, то тела, согласно Ньютону, немедленно почувствуют изменения взаимного гравитационного притяжения» [24]. А это приходит в противоречие со специальной теорией относительности Эйнштейна, в которой утверждается, что никакое взаимодействие (никакая информация) не может быть передано быстрее скорости света. Таким образом, гравитационное изменение распространяется в лучшем случае со скоростью света. Более того, оказалось, что ускорение и тяготение взаимозаменяемы, иначе говоря, движение с ускорением аналогично действию гравитации.

Вспомним в связи с этим, что Ньютон полагал ускорение абсолютным, на примере кругового движения он показал, что это движение ускоренное и абсолютное в том смысле, что оно является безотносительным к какому-либо другому движению. Теперь же Эйнштейн уравнивает тяготение и ускоренное движение (которое у него относительно, как любое движение вообще). По этому поводу один из ведущих современных специалистов в области теории струн Брайан Грин высказался следующим эмоциональным образом: «Осознание глубокой связи между гравитацией и ускоренным движением представляет собой главное озарение, снизошедшее на Эйнштейна в один счастливый день в патентном Бюро Берна» [25]. Впоследствии было экспериментально подтверждено, что модель гравитации Эйнштейна более точно описывает наблюдаемую реальность, и Ньютон, несмотря на крайне высокую точность экспериментальных подтверждений, предложил неверную теорию. Ошибка, повторимся, в том, что гравитационное взаимодействие распространяется не мгновенно.

Ньютон полагал, что мир состоит из мельчайших твёрдых частиц атомов. Современная теория суперструн (созданная с целью объединения квантовой механики и общей теории относительности) поставила это под сомнение, предположив, что основные «кирпичики» мироздания – это одномерные струны, моды колебаний которых задают существующие свойства Вселенной, законы физики (которые, в принципе, могут быть и совершенно другими). Помимо одномерных струн допускается существования и более сложных фундаментальных объектов (браны различной размерности и формы) [26]. Одним из важных (и крайне сложных для понимания) следствий такого отказа от привычных атомов является возникновение дополнительных пространственных измерений. То есть к привычным трём добавляются ещё шесть (но свёрнутых до ненаблюдаемого размера) плюс одно временное, таким образом, мир в теории суперструн предстаёт десятимерным [27]. Впрочем, есть варианты Вселенных с другими комбинациями, вплоть до введения нескольких временных измерений или вообще отказа от каких-либо измерений. Правда, отказ от «твёрдых частиц» Ньютона произошёл значительно раньше гипотез теории суперструн: в стандартной модели физики элементарных частиц частицы нульмерны, т. е. это точечные частицы, фактически не имеющие реальных размеров (в частности, из-за этого стандартная модель не может включать гравитационное взаимодействие) [28].

Что касается спора Декарта и Ньютона о пустом пространстве – возможна ли пустота? Декарт отказывается от пустоты, Ньютон утверждает существование вакуума. В связи с этим показательно, что в некоторых современных моделях Вселенной постулируется существование так называемого «ложного вакуума». В соответствии с теорией Большого взрыва Вселенная расширяется. Но почему это случилось? Почему началось (и продолжается) раздувание Вселенной? (Интересно, что Лейбниц допускал божественное начало Вселенной [29], не допуская её конечности; для Ньютона также начало Вселенной – это сотворение её Богом, но уже в готовом, статичном виде.) Алан Гут выдвинул идею, согласно которой «за раздувание Вселенной отвечает отталкивающая гравитация. Он предположил, что ранняя Вселенная содержала очень необычную материю, которая порождала мощные силы гравитационного отталкивания» [30]. «Ложный вакуум» и есть то сверхэнергетическое состояние, которое обеспечивает отталкивание (энергию вакуума предлагал ещё Эйнштейн). Существуют различные виды вакуума, мы, например, живём в так называемом «истинном вакууме» – самом низкоэнергетичном. Различных видов вакуума может быть много, и в каждом из них разные свойства элементарных частиц и различные состояния взаимодействий. Ложный вакуум –

это вакуум с самой высокой энергией, но он не стабилен и быстро распадается. Согласно теории инфляции начальное состояние Вселенной – это состояние ложного вакуума. Он быстро раздувается, распадается, и этот момент распада соответствует Большому взрыву (который, возможно, продолжается и сейчас на окраинах Вселенной).

Американский физик Алекс Виленкин, работавший с Аланом Гутом, предлагает теорию вечной инфляции, в которой инфляция никогда не заканчивается и постоянно возникают новые области Вселенной или даже новые «островные» Вселенные, и процесс этот бесконечен. «...Нам уже не надо считать Большой взрыв одномоментным событием в нашем прошлом. Множество таких взрывов отгремело до него в отдалённых частях Вселенной, и бесчётное число других ещё произойдёт повсюду в будущем» [31]. В этой теории можно наблюдать интересный возврат к идеям Кузанского и Бруно с их бесконечными Вселенными, состоящими из миров, где в соответствии с принципом полноты, на который опирается в особенности Бруно, должны быть реализованы все возможные миры. Мир вечной инфляции не обязательно бесконечен, но это постоянный акт творения, в котором с необходимостью создаётся всё многообразие возможного, все вероятные комбинации элементарных частиц. Это в известной степени согласуется с принципом достаточного основания, на котором настаивал Лейбниц: если нет разумных причин для того, что нечто не было реализовано, значит это должно быть реализовано. Наш мир создан таким, какой он есть, следовательно, он самый лучший и совершенный.

Проблема, правда, в том, что мы видим лишь незначительную часть мира (ойкумену), а существуют регионы (и возможно, даже другие Вселенные), в которые, в силу принципиальных ограничений, накладываемых физикой, мы никогда не сможем заглянуть. Впрочем, Лейбниц в своё время потерпел полное поражение от Ньютона, особенно в споре о свойствах пространства и времени: абсолютны они или относительны. Но Грин, резюмируя рассмотрение самых современных физических теорий, делает вывод: «Несмотря на то, что точка зрения Ньютона, поддержанная его тремя экспериментально проверенными законами движения, господствовала в течение более двух сотен лет, концепция Лейбница, развитая австрийским физиком Эрнстом Махом, гораздо ближе к современной картине» [32].

Бесконечность Вселенной, как показал Койре, была безоговорочно утверждена в науке и философии XVIII в. (и на века), но современная физика далека от такой однозначности, особенно там, где предполагается явное начало – момент возникновения Вселенной. Впрочем, это вопрос до конца не прояснённый – что считать началом? И где оно было? Что было до начала? И можно ли вообще говорить о чем-либо существующем до начала времени? А. Виленкин предложил теорию возникновения бесконечного многообразия Вселенных из ничего: он показал, что для начала вечной инфляции достаточно лишь квантового туннелирования. Но даже в этих случаях «"большая" Вселенная, содержащая все бесконечные, островные Вселенные, может быть замкнутой и конечной» [33].

Фактически на сегодняшний день существуют три главных претендента на адекватную модель Вселенной: сферическая (конечная и безграничная), плоская, как конечная, так и бесконечная, и Вселенная с отрицательной кривизной (которая также может быть конечной либо бесконечной) [34]. При этом детали даже в рамках одной модели могут существенно различаться: возможно, что теория осциллирующей Вселенной окажется верной, но есть шансы и у таких экстравагантных (впрочем, в последнее время переставших быть экстравагантными) теорий, как теория Вселенной на бране или концепции параллельных Вселенных.

Примечания

1. Penrose, R. The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and The Laws of Physics. N. Y., 1991; Penrose, R. The Road to Reality. A Complete Guide to the Laws of the Universe. L., 2004.
2. Интересно, что в физике второй половины XX в. снова появляется сюжеты, в каком-то смысле возвращающие идею эфира (разумеется, не буквально, а как некоей необходимой среды), например океан Хиггса.
3. Койре А. От замкнутого мира к бесконечной Вселенной. М.: Логос, 2001. С. 24.
4. Там же. С. 26–27.
5. Там же. С. 31.
6. Бруно Д. Пир на пепле. Диалоги. М.: Политгиз, 1949. С. 107–108.
7. Койре А. Указ. соч. С. 49.
8. Там же. С. 52.

9. Там же. С. 73.
10. Там же. С. 74.
11. Там же. С. 82.
12. Там же. С. 83.
13. Там же. С. 89.
14. Там же. С. 85.
15. Там же. С. 90.
16. Там же. С. 143.
17. Там же. С. 142.
18. Там же. С. 185.
19. Там же. С. 188.
20. Там же. С. 156.
21. Там же. С. 195.
22. Хоккинг С. Краткая история времени. М.: Амфора, 2009. С. 45.
23. Wheeler, J. A., Zurek, W. H. (ed.). Quantum theory and measurement. Princeton, 1983.
24. Грин Б. Элегантная Вселенная. М.: УРСС, 2004. С. 44.
25. Там же. С. 47.
26. Там же. С. 95–127.
27. Там же. С. 127–143.
28. Там же. С. 95–96.
29. Койре А. Указ. соч. С. 234.
30. Виленкин А. Мир многих миров. Физики в поисках иных вселенных. М.: Астрель, 2011.
31. Там же. С. 112.
32. Грин Б. Указ. соч. С. 243.
33. Виленкин А. Указ. соч. С. 136.
34. См., напр.: Грин Б. Указ. соч.

Notes

1. Penrose R. The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and The Laws of Physics. N. Y., 1991; Penrose, R. The Road to Reality. A Complete Guide to the Laws of the Universe. L., 2004.
2. It is interesting that in the physics of the second half of XX century, subjects appear, that, in a sense, return the idea of ether (of course, not literally, but as a kind of necessary environment), such as the Higgs ocean.
3. Koyre A. Ot zamknutogo mira k beskonechnoy Vselennoy [From the closed world to the infinite universe.] Moscow: Logos Publ. 2001. P 24.
4. Ibid. Pp. 26-27.
5. Ibid. P. 31.
6. Bruno D. Pir na peple. Dialogi [Pier in ashes. Dialogues]. Moscow: Politgiz Publ. 1949. Pp. 107-108.
7. Koyre A. Op. cit. P. 49.
8. Ibid. p. 52.
9. Ibid. P. 73.
10. Ibid. P. 74.
11. Ibid. P. 82.
12. Ibid. P. 83.
13. Ibid. P. 89.
14. Ibid. P. 85.
15. Ibid. P. 90.
16. Ibid. P. 143.
17. Ibid. P. 142.
18. Ibid. P. 185.
19. Ibid. P. 188.
20. Ibid. P. 156.
21. Ibid. P. 195.
22. Hawking S. Kratkaya istoriya vremeni [Brief History of Time]. Moscow: Amphora Publ. 2009. P 45.
23. Wheeler, JA, Zurek, WH (ed.). Quantum theory and measurement. Princeton, 1983.
24. Green B. Elegantnaya Vselennaya [The Elegant Universe]. Moscow: URSS. 2004. P. 44.
25. Ibid. P. 47.
26. Ibid. Pp. 95-127.
27. Ibid. Pp. 127-143.
28. Ibid. Pp. 95-96.
29. Koyrŷ A. Op. cit. P. 234.

30. Vilenkin A. Mir mnogih mirov. Fiziki v poiskah inyih vseennykh [World of many worlds. Physics in search of other universes]. Moscow: Astrel Publ. 2011.
31. Ibid. P. 112.
32. Green B. Op. cit. P. 243.
33. Vilenkin A. Op. cit. P. 136.
34. See, eg. : Green B. Op. cit.

УДК 378:316.3

О. К. Яковлева

Благотворительность как социальная форма деятельности в контексте развития университетского образования

Внимание акцентируется на проблеме ценностного характера благотворительности, деятельности, посредством которой частные ресурсы добровольно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся людям, решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни. Рассматривается как особый случай благотворения в развитии университетов.

Focuses on the problem of the valuable nature of charity, activities, through which private resources are distributed freely by their owners to help people in need, solving social problems, and improvements of the conditions of social life as well. Considered as a special case of charity towards the development of universities.

Ключевые слова: благотворительность, университет, объект-субъект благотворительности.

Keywords: charity, university, object-subject charity.

Сегодня вопрос, связанный с благотворительностью, тех ценностей, на которых она зиждется, носит как академический, так и мировоззренческий характер. В социологическом словаре под благотворительной деятельностью понимается: «Благотворительная деятельность граждан и физических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию любой поддержки» [1].

Обращение социологов к теме благотворительности – явление не случайное. Ещё Г. Спенсер, выделяя четыре типа обществ: простые, сложные, двойной и тройной сложности, характеризуя последние как развитые, в которых «функции государства сведены до охраны членов общества от возможного нанесения вреда друг другу...» [2], полагал, что государство в этом состоянии уже не должно заниматься коммерческой и благотворительной деятельностью, ибо это мешает действию конкуренции и дифференциации, регулирующих социальную жизнь общества. Спенсер, сторонник естественной эволюции видов, считал, что такая помощь вредна, ибо в результате индивид слабый получает поддержку и уравнивает своё положение против сильного, что нарушает дифференциацию. Близкой по смыслу является точка зрения П. Лафарга, высказанная им в очерке «О благотворительности», согласно которой благотворительность как таковая бессмысленна и безнравственна, поскольку она не исправляет, а только усугубляет положение бедных и обездоленных людей. Можно согласиться, что, несмотря на то что через благотворительную деятельность осуществляется право любого нуждающегося на помощь, благотворительностью провоцируется появление надежды на помощь и формирование привычки получать помощь. Известная конфуцианская мудрость гласит, что лучше подарить голодному сеть и научить ловить рыбу, чем все время кормить его рыбой, спасая от голода. Тем самым будет удовлетворено право каждого человека на помощь, а одновременно будет дана каждому надежда на решение его проблем собственными силами. Программы социального обеспечения в так называемых обществах благосостояния, ставшие широкомасштабным социальным экспериментом, развёрнутым после Второй мировой войны в Швеции, Нидерландах, Франции, Германии, Канаде и США, должны были решить несколько насущных для того времени задач, снять тяжесть политического и

экономического кризиса. Сторонящаяся интернационализации экономика, государственное планирование, проекты социальной солидарности, громогласные и ставшие активно наступательными профсоюзы, создание либерального и толерантного общественного устройства создают в определённый период видимость благоприятного воздействия на экономический процесс и создания благоприятных условий жизни для каждого члена общества. Однако уже через десять лет экономически развитые страны столкнулись с побочным эффектом развёрнутой социально-экономической политики – фактом появления массового и самовоспроизводящегося слоя иждивенцев, живущих только на пособие по бедности и ни на что, как только получение социальной помощи, не способных.

Современные критики благотворительности неоднократно указывали на то, что с помощью благотворительности имущие классы пытаются откупиться от эксплуатируемых ими трудящихся и снять остроту социальных антагонизмов. Благотворительность, по меткому выражению самых «левых» из них, – это оружие буржуазии в обмен на «бульжник, как оружие пролетариата». Радикальные критики указывают на то, что организованная представителями высших классов благотворительность на деле является разновидностью бизнеса, инструментом политического и идеологического влияния, средством организованного развлечения для богатых, так что сплошь и рядом организация благотворительной деятельности стоит больших денег, чем те, что идут на действительную помощь нуждающимся, а благотворительные мероприятия обставляются через масс-медиа с такой помпезностью, что именно своей формой привлекают внимание. Достаточно распространена и точка зрения, что существует тесная зависимость между благотворительностью и властью, её сторонники приводят в пример, в частности, давнюю историю с властью церкви, которая не только проповедовала милосердие, настаивала на его пользе, но и распределяла плоды его. Можно отметить, что в последнее время особенно усилилось экономическое содержание благотворительности как деятельности, посредством которой частные ресурсы добровольно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся людям, решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни. В качестве частных ресурсов стали выступать также способности и энергия людей. В последние три десятилетия сложилось устойчивое представление о благотворительности не только как о денежных и имущественных пожертвованиях, но и как о безвозмездной (добровольной, «волонтерской») деятельности – как об общественной (т. е. некоммерческой и неполитической) деятельности в собственном смысле этого слова.

Благотворительность, конечно, необходима нуждающимся. Вместе с тем она должна способствовать тому, чтобы число людей, нуждающихся в посторонней помощи, сокращалось. Однако именно благотворительность, организованная как профессиональная и широкомасштабная деятельность, порождает слои населения, которые обречены на иждивенчество, которые не способны, не умеют и не желают себе помочь. Поставленная на поток благотворительность обуславливает также и появление групп людей, которые живут за счет того, что организуют помощь бедным. Неявная заинтересованность в сохранении бедности и бедных оказывается составной частью их профессиональной мотивации. Такая общественная помощь, решая одни текущие проблемы, порождает другие, более серьезные: живущие за счет помощи в любом случае оказываются униженными, чувство зависимости порождает раздражение, злобу, становится источником дополнительного социального напряжения.

Благотворительность и в самом деле направлена на ослабление социальных противоречий, но надо сказать, что социальные (государственные и гражданские) институты и механизмы в любом обществе призваны «амортизировать» напряжения и конфликт. Нельзя не согласиться и с той трезвой мыслью, что, в конечном счете, принципиальные цели благотворительности – избавление общества от нищеты – могут быть решены лишь при масштабных структурных социальных преобразованиях. Прошло не так много лет, а опросы и исследования, проводившиеся в разных странах (например, в США, Ч. Клэри и Дж. Снайдер), позволяют сделать вывод о том, что, по мнению многих респондентов, их активное участие в благотворительных акциях и программах обусловлено, с одной стороны, желанием преодолеть чувство вины перед обездоленными и нуждающимися, а с другой – войти в группу и сохранить свою принадлежность к ней, больше узнать о чем-то, развить какие-то умения, получить информацию для карьерного продвижения и т. д. Не все из этих мотивов можно отнести к альтруистическим, однако исследования показали, что число людей, вовлеченных в благотво-

рительные программы, растёт. Итак, мы можем констатировать, что в современном развитом обществе благотворительность – не только социальный феномен, это общественный институт, встроенный в систему управления обществом, даже в систему государственного управления (вопреки спенсеровской идее), институт социальной помощи, более или менее успешно выполняющий социально компенсирующую роль. Однако есть сторона благотворительности, которая редко привлекает внимание исследователей проблемы – направленная в область знаний, порождённая и поощряемая благотворительностью деятельность институтов образования, науки, которая порождает и порождает активность, творческий поиск, новаторство. Становление в этих условиях личностей неординарных, талантливых, распространяющих энергию поиска – вот главный результат, к которому приводит благотворительность такой направленности. Показательно, что история благотворительности как явления социального тесно связана с историей возникновения и развития университетов, которые в Средние века стали одним из первых объектов крупной благотворительности.

Так, Оксфорд, начавший своё существование в 1117 г. как построенный на благотворительные средства комплекс закрытых католических монастырей и долгие годы являвшийся поначалу высшей школой духовенства в Англии, к XVI в. превратился в высшее светское образовательное учреждение, где могла учиться не только аристократия. Соучредителем колледжа им. Иисуса, основанного в 1571 г., стала сама Елизавета Английская. В эпоху Возрождения университет пережил мощный культурный подъем. Здесь учились поэт Донн, сатирик Свифт, в 1602 г. основана главная библиотека Оксфорда – Бодлеанское собрание (сейчас оно уступает только Британскому музею). В 1621 г. в Оксфорде был разбит первый ботанический сад, ставший учебной базой для студентов-медиков, появились кафедры древней истории и музыки, а самым крупным научным достижением явилось открытие кровообращения, сделанное Уильямом Гарвеем. В конце XVII в. здесь открыли первый в Англии естественно-исторический Ашмолеанский музей, где были выставлены кости динозавров. Эдмонд Галлей еще студентом определил местоположение 341 новой звезды, а затем точно предсказал периодичность появления кометы, названной позже его именем. Выпускник Бэллиола Адам Смит стал основоположником современной экономической науки и статистики. В середине XIX в. Оксфорд, всегда считавшийся цитаделью гуманитарного знания, повернулся лицом к естественным наукам. Построенная в 1872 г. Кларендонская лаборатория одной из первых в Европе приступила к физическим исследованиям, а во Вторую мировую войну разработала систему радарного оповещения о немецких налетах. В 1916 г. была основана химическая лаборатория. Технологизация Оксфорда не мешала появлению в рядах оксфордцев все новых и новых выдающихся гуманитариев, например великолепных писателей. Можно долго перечислять достижения выпускников Оксфорда, говорить о могучем потенциале научных идей, рождённых в его стенах и «подаренных» человечеству, но мне хочется обратить внимание на масштаб и направленность благотворительной деятельности современного университета Оксфорд – только в России с 2005 г. созданный выпускниками Оксфорда Российский Оксфордский фонд поддерживает развитие студентов гуманитариев 20 университетов России. История самого престижного американского университета не такая древняя (первый выпуск был в 1892 г.), но также показывает, насколько плодотворно вложение благотворительных средств в науку и развитие знания. Великая американская история создания университета Стэнфорд началась с печального факта – умер от тифа, не дожив до шестнадцати лет Леланд Стэнфорд-младший, единственный сын губернатора Калифорнии Леланда Стэнфорда, одного из самых богатых людей Калифорнии. Безутешные родители решили в память сына основать для детей Калифорнии университет, строительство которого обошлось в 5 миллионов долларов. С этого времени губернатор, жесткий человек с сомнительной репутацией и такими же деньгами, начинает «вторую» жизнь – жизнь для университета. Как человек обстоятельный, он изучил тонкости организации учебного процесса в других университетах и решил, что в его университете будет всё самое лучшее в мире. И действительно, и по сей день корпуса университета строятся по проектам самых известных архитекторов: последний квадрат (застройка модулей ведётся квадратно-гнездовым способом), в котором между медицинским и технологическим корпусами возведён медико-технологический корпус, проектировал один из самых известных архитекторов – Норман Фостер. Скульптуры любимого Стэнфордом Родена украшают скверы и перекрёстки университетского городка, есть музей с огромным собранием картин. Университет до сих

пор живёт и развивается по принципу, заложенному Стэнфордом, – единства практики и культуры, бизнеса и политики. До сих пор работает и принцип Стэнфорда – всё здесь должно быть самым лучшим: лучшие профессора (3,5 студента на одного профессора), лучшие лаборатории, новейшие технологии. Неудивительно, что через сто лет после смерти основателя именно здесь образовалась Силиконовая долина с её Yahoo, Google, одной из лучших генетических школ. Тенденция благотворительности здесь живёт до сих пор – дарят университету, занимается благотворительной деятельностью и сам университет, хотя, к слову сказать, бесплатно учили в университете только первые 20 лет [3].

История русской благотворительности уходит корнями к тем временам, когда церковь была основой государственности. К концу XVII в. государственная политика постепенно стала заменять главенствующую роль церкви в вопросах заботы о нуждающихся. Важной вехой этого периода явилось открытие при Петре I (в 1715 г.) первых воспитательных домов для детей-подкидышей. 25 января 1755 г. императрица Елизавета Петровна подписала указ об основании Московского университета, в преамбуле которого выделялось, что он создан «для генерального обучения разночинцев» (за исключением крепостных крестьян). Государственные ассигнования лишь частично покрывали потребности университета, тем более что первоначально со студентов не взималась плата за обучение, а в дальнейшем от нее стали освобождать неимущих студентов. Руководству университета приходилось изыскивать дополнительные источники дохода, не исключая даже занятия коммерческой деятельностью. Огромную материальную помощь оказывали меценаты (Демидовы, Строгановы, Е. Р. Дашкова и др.). Они приобретали и передавали университету научные приборы, коллекции, книги, учреждали стипендии для студентов. Не забывали о своей alma mater и выпускники. Не раз в трудное для университета время они собирали средства по подписке. По установившейся традиции профессора завещали университетской библиотеке свои личные собрания. Среди них – богатейшие коллекции И. М. Снегирева, П. Я. Петрова, Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, Ф. И. Буслаева, Н. К. Гудзия, И. Г. Петровского и др. Тогда же университет начал издавать дважды в неделю первую в стране неправительственную газету «Московские ведомости», а с января 1760 г. – первый в Москве литературный журнал «Полезное увеселение». Десять лет, с 1779 по 1789 г., типографию возглавлял питомец университетской гимназии, выдающийся русский просветитель Н. И. Новиков. http://www.msu.ru/info/himg/novikov_n_i_01.jpg. Через год после создания университета первых читателей приняла университетская библиотека. Свыше 100 лет она выполняла функции единственной в Москве общедоступной библиотеки. Просветительская деятельность Московского университета способствовала созданию на его базе или при участии его профессуры таких крупных центров отечественной культуры, как Казанская гимназия (с 1804 г. – Казанский университет), Академия художеств в Петербурге (до 1764 г. – в ведении Московского университета), Малый театр и др. Так университет становится субъектом благотворения, с лихвой восполняя вложенные в его развитие средства.

У Пермского государственного национального исследовательского университета происхождение связано с благотворительностью. Сначала – отделение Императорского Петроградского университета (1916 г.), а затем самостоятельный статус Пермский университет получил благодаря старанию и хлопотам купца, делового человека, мецената и общественного деятеля Николая Васильевича Мешкова. Николай Васильевич не просто отдал университету собственные дома (просветительские учреждения им. Е. И. Мешковой), он пожертвовал на нужды университета 500 000 рублей и учредил 200 стипендий для неимущих студентов. Университет впоследствии дал жизнь техническому, медицинскому, фармацевтическому, педагогическому, сельскохозяйственному и ветеринарному (г. Глазов) институтам. С 10 декабря 2013 г. университет получил статус партнёра Оксфордского университета, традиция благотворительности поддерживается благотворительным фондом попечительства «УНИ-ФОНД». В нашей стране революция прервала процесс превращения «дикого капитализма» в цивилизованный, была прервана и традиция благотворительности в такие сферы жизни общества, как здравоохранение, развитие фундаментальных наук, культуру, образование, наконец. Полагаю, настало время создания общества, где будут развиваться такие структуры, которые, подобно университету, будут в состоянии не только заботиться сами о себе, но и являться не конкурентами, а партнёрами государства. Не нужно только забывать, что энергия, стратегия университета должны быть направлены на то, чтобы «растить» личность творческую, неординарную, способную изменить мир к лучшему хотя бы в одной точке.

Примечания

1. Социологический энциклопедический словарь / под ред. В. Г. Осипова. М., 2007. С. 75.
2. *Спенсер Г.* Основные начала: пер. с 5-го англ. изд. П. Алексеева. СПб., 1886. С. 52.
3. См.: *Улицкая Л. Е.* Священный мусор. М.: Астрель, 2012. С. 326.

Notes

1. Sociological encyclopedia / ed. V.G. Osipov. Moscow. 2007. P. 75.
2. *Spencer G.* Osnovnyie nachala [Basic Principles]: Transl. from the 5th Eng. ed. of P. Alexeev. St. Petersburg. 1886. P. 52.
3. See: *Ulitskaja L. E.* [Holy garbage]. Moscow: Astrel Publ. 2012. P. 326.

УДК 314

Е. В. Волченкова

Особенности репродуктивных установок современной молодежи

В статье рассматриваются сущность, составляющие репродуктивных установок, факторы, влияющие на их формирование и реализацию. Представлены данные о рождаемости и воспроизводстве населения в России. Отдельное внимание уделяется особенностям репродуктивных установок молодежи, выявленных в ходе социологического исследования, проведенного в гг. Кирове, Н. Новгороде, Самаре в 2010 г.

The article deals with the notion and components of reproduction attitudes as well as factors influencing their formation and realization. Data on births and reproduction of population in Russia are given herein. Special attention is devoted to reproduction attitudes of youth, revealed in the sociologic questionnaire carried out in Kirov, Nizhny Novgorod and Samara in 2010.

Ключевые слова: репродуктивные установки, молодежь, воспроизводство населения, детность.

Keywords: reproduction attitudes, youth, reproduction of population, child-woman ratio.

Важнейшим показателем демографической ситуации в стране является рождаемость, на уровень которой непосредственное влияние оказывают репродуктивные установки молодежи. Под термином «репродуктивные установки» понимается психическое состояние личности, обуславливающее взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей. Помимо установки на количество детей в состав репродуктивных установок также включают установку на пол детей, установки на беременность и благополучный ее исход, на интервалы между беременностями, рожденьями и т. д. [1]

Установки на количество детей традиционно измеряются посредством таких показателей, как идеальное, желаемое и ожидаемое число детей. Истоки происхождения данных показателей уходят в 1930-е гг. и активно используются в современных исследованиях.

Идеальное число детей обычно определяется как представление индивида о наилучшем числе детей в семье вообще, без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений [2]. Данный показатель, по сути, отражает социальную норму детности. При этом следует учитывать, что по большому счету идеальное число связано со степенью информированности людей о значимости проблемы рождаемости: у людей более осведомленных представление о том, сколько должно быть детей, выше, но фактическое их число ниже.

Желаемое число детей – количество детей, которое индивид предпочел бы иметь в своей семье исходя из собственных склонностей, без учета конкретных обстоятельств жизни и индивидуальной биографии. Ожидаемое число детей – количество детей, которое индивид «планирует» иметь в своей семье к концу репродуктивного периода. Желаемое число ориентировано на реальные обстоятельства жизнедеятельности семьи, но при создании всех необходимых условий. Имеется в виду, что на практике есть лишь некоторые из них. При определении ожидаемого числа детей за основу берутся конкретные условия жизни семьи [3].

Таким образом, определение показателей предпочитаемого числа детей осуществляется с точки зрения тех или иных условий жизни. Вместе с тем это далеко не единственный

фактор, влияющий на потребность в детях. Более того, как отмечает А. И. Антонов, «обиходное представление о “прямой” связи между условиями жизни и рождаемостью противоречит всем методологически и методически правильно осуществленным исследованиям, в которых зафиксирована обратная связь» [4].

Помимо условий жизни на репродуктивные установки в целом (и на установки, связанные с количеством детей в семье) влияют следующие факторы [5]:

- социально-демографические факторы (пол, возраст, состояние в браке, этническая принадлежность, вероисповедание, состояние здоровья, уровень образования);
- экономические и трудовые (уровень дохода, профессиональный статус);
- разделяемые ценности и нормы (значимость для индивида семейных и профессиональных ценностей, влияние модели родительской семьи, отношение к детям);
- реализуемая социальная политика, включающая эксплицитную (предоставление пособий, в том числе «материнского» капитала, различных выплат семьям с детьми) и имплицитную компоненты (улучшение жилищных условий, качества медицинского обслуживания, предоставление налоговых льгот и т. д.);
- уровень стабильности экономической и политической ситуации.

По расчетам демографов, для простого воспроизводства населения, необходимого для элементарного замещения поколений, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной за ее репродуктивный период) должен составлять не менее 2,1–2,2 ребенка или, если рассматривать необходимый «минимум рождаемости» в брачно-семейном контексте, на каждый эффективный брак должно приходиться не менее 2,6 детей [6].

Для достижения таких показателей в семейной структуре российского (и любого другого) общества необходимо следующее соотношение семей с различным типом детности: 4% – бездетных семей; 10% – однодетных; 35% – двухдетных; 35% – трехдетных; 14% – семей с 4 детьми; 2% – с 5 и более детьми. Следовательно, для недопущения, точнее, для ликвидации убыли населения семейный состав российского общества должен более чем на 50% состоять из семей, в которых рождается трое и более детей [7].

Следует отметить, что речь идет лишь о простом воспроизводстве (так называемом нулевом приросте), которого недостаточно для существенного роста населения. Численность населения в этом случае, как правило, стабилизируется на определенном количественном уровне, не сокращаясь и почти не увеличиваясь. Соответственно, для достижения расширенного воспроизводства, при котором наблюдается более ощутимый рост населения, показатели рождаемости и семейная структура населения должны кардинально измениться в сторону большего распространения среднететного (3–4 детей) и многодетного (5 и более детей) типов рождаемости [8].

График динамики суммарной рождаемости в России схож с кривыми идеального, желаемого и ожидаемого числа детей в последние годы, причем величины этих показателей существенно ниже уровня простого воспроизводства населения. На рисунке также видно, что репродуктивные установки населения неуклонно снижались вплоть до начала XXI века (рис. 1) [9].

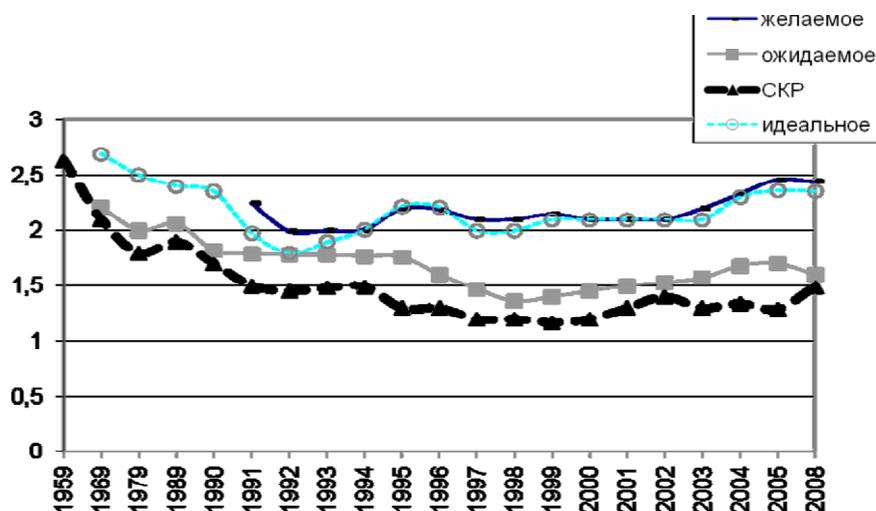

Рис. 1. Динамика коэффициентов суммарной рождаемости в 1959–2008 гг. в России, показателей желаемого, ожидаемого и идеального числа детей

В сентябре – октябре 2009 г. Росстатом было проведено выборочное обследование «Семья и рождаемость». Опрос проводился в 30 субъектах Российской Федерации, представляющих все федеральные округа (1999 человек, в т. ч. 1118 женщин и 881 мужчина). Опрашивались как супруги (881 супружеская пара), так и незамужние матери (237 человек). Общее количество семей, в которых проводился опрос, составило 1118. В ходе обследования опрашивались женщины в возрасте до 45 лет, у мужчин ограничений по возрасту не было.

Среднее число рожденных женщиной детей, по результатам обследования, составило 1,28. У опрошенных состоящих в браке женщин оно равняется 1,29, а у незамужних матерей – 1,25.

Свыше половины опрошенных женщин имеют одного рожденного ребенка. Среди незамужних матерей таковых почти 80%. Трое и более рожденных детей – менее чем у 5% замужних респонденток.

Более половины респондентов (57,7% женщин и 51,4% мужчин) при наличии всех необходимых условий (желаемое число детей) хотели бы иметь двоих детей, а немногим более четверти (25,2% женщин и 26,4% мужчин) – троих.

В качестве ожидаемого числа детей респонденты также чаще всего называли двоих (46,5% женщин и 49,5% мужчин). Треть женщин и 21,8% мужчин собираются ограничиться одним ребенком, а троих и более детей намереваются иметь лишь 8,6% женщин и 12,2% мужчин.

У мужчин в среднем несколько выше, чем у женщин как желаемое (2,38 против 2,28), так и ожидаемое (1,90 против 1,72) число детей.

В рамках обследования «Семья и рождаемость» были также выявлены репродуктивные установки молодежи. Исходя из данных, представленных в табл. 1, можно констатировать, что с возрастом уменьшается желаемое и ожидаемое число детей, причем и у мужчин, и у женщин. Следует отметить, что среднее ожидаемое число детей недостаточно для воспроизводства населения.

Таблица 1

Репродуктивные установки молодежи
(Росстат, выборочное обследование «Семья и рождаемость», 2009)

Возраст респондентов, лет	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
До 25 лет	2,34	2,01	2,46	2,10
25–29 лет	2,21	1,74	2,32	1,98

Среди помех к рождению желаемого числа детей респонденты чаще всего отмечали материальные трудности (47,8%) и неуверенность в завтрашнем дне (44,5%). На жилищные трудности ссылались чуть больше трети респондентов (33,3%). Вместе с тем в списке ценностей такая цель, как «воспитать ребенка», занимает первое место у женщин и второе у мужчин.

Ниже остановимся на некоторых результатах социологического исследования «Молодежь в системе человеческого потенциала как социально-экономический ресурс региона», организованного Научной социологической лабораторией Вятского государственного гуманитарного университета при участии автора статьи, при поддержке Российского государственного научного фонда (10-03-00265А, 2010 г.). Базовым эмпирическим методом данного исследования являлся уличный опрос различных категорий населения и опрос на рабочих местах при помощи формализованной анкеты. Территория реализации выборки – г. Киров (Кировская обл.), г. Нижний Новгород (Нижегородская обл.), г. Самара (Самарская обл.). Целевая группа исследования – население указанных городов в возрасте от 15 до 35 лет, обоюбого пола, разного рода деятельности и уровня образования. Выборка двухступенчатая: первая ступень – территориальная, вторая – квотная. Объем выборки – 1200 чел., по 400 чел. в каждом названном городе. Для расчета квотной выборки использовались наиболее устойчивые параметры генеральной совокупности – пол и возраст.

Было установлено, что в гг. Кирове и Н. Новгороде примерно у каждого четвертого опрошенного есть ребенок/дети, в г. Самаре – у каждого третьего. У 69,1–79,5% мужчин и 61,9–

74,1% женщин детей нет. С возрастом увеличивается количество молодых людей, у которых есть дети (рис. 2).

Среднее количество детей у респондентов гг. Н. Новгорода и Самары совпадает и составляет 1,4 чел., что отличается от г. Кирова (1,2 чел.). Можно объяснить данный факт тем, что социально-экономическое развитие Кирова отстает. Планируемое количество детей у молодых людей указанных городов сходно и составляет 1,9–2,0 чел. Также близки мнения респондентов относительно количества детей (2,7–2,8 чел.) в семье при хороших материальных условиях (идеальное число детей).

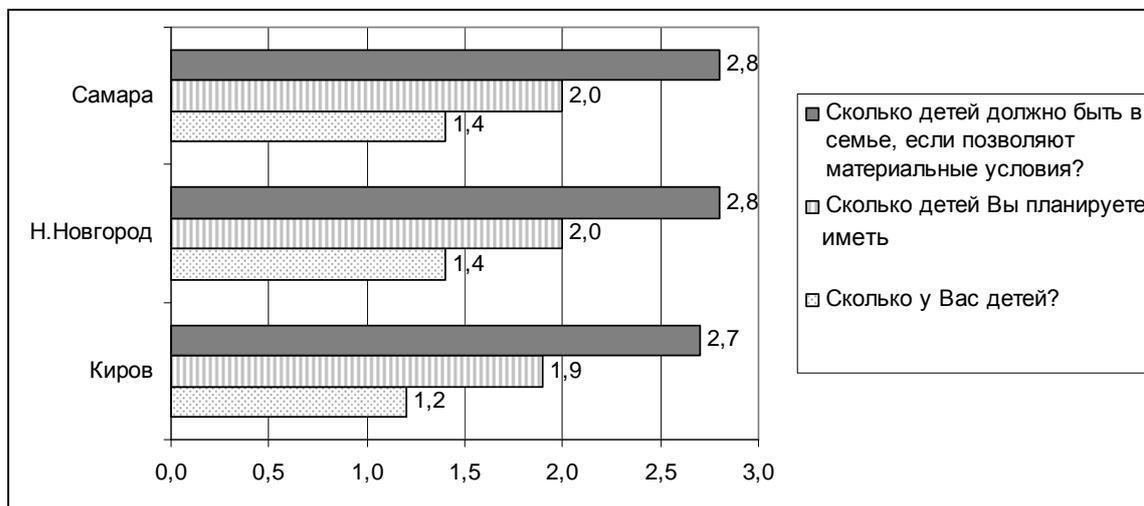

Рис. 2. Установки респондентов на число детей, чел.

В ходе социологического исследования выявлялись репродуктивные установки представителей разных возрастных групп молодежи. В г. Кирове у опрошенных 25–29 лет среднее количество детей составляет 1,0, в то время как у 18–24-летних – 1,6 чел., у 30–35-летних – 1,3 чел. В г. Н. Новгороде большее среднее количество детей у опрошенных 30–35 лет – 1,5 чел., наименьшее у респондентов 25–29 лет – 1,2 чел.; у опрошенных 18–24 лет – 1,4 чел. В г. Самаре не выявлено зависимости среднего количества детей от возраста опрошенных.

Что касается планируемого количества детей, то в г. Кирове молодые люди 18–24 лет хотят большее количество детей – 2,1 чел. по сравнению с 25–29-летними (1,8 детей) и 30–35-летними (1,7 детей). В г. Н. Новгороде выявлены различия в планируемом количестве детей в группе респондентов 18–24 года (2,1 чел.) и 30–35 лет (1,8 чел.). Мнения опрошенных молодых людей разных возрастов относительно количества детей, которое должно быть в семье, если позволяют материальные условия, совпадают – 2,7–3,0 чел.

Не выявлено статистически доказательных расхождений в количестве детей у опрошенных мужчин и женщин (табл. 2), а также в мнениях по поводу планируемого и идеального количества детей (Т-критерий Стьюдента, $p > 0,05$).

Таблица 2

Установки опрошенных на число детей
(в зависимости от пола), чел.

Вопросы	Киров		Н. Новгород		Самара	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Есть ли у Вас дети (если да, то сколько)?	1,3	1,2	1,5	1,3	1,4	1,4
Сколько детей Вы планируете иметь?	2,0	1,9	2,1	2,0	2,1	2,0
Сколько детей должно быть в семье, если позволяют материальные условия?	2,8	2,6	2,9	2,7	2,8	2,8

В ходе исследования также было выявлено, какое место занимает «собственный ребенок» в системе ценностей опрошенных молодых людей: в гг. Кирове и Самаре – шестое, в г. Н. Новгороде – пятое. Лидируют ценности: «здоровье», «друзья, близкие», «любовь», «своя семья», «высокий доход».

Таким образом, можно констатировать тот факт, что репродуктивные установки современной молодежи не позволяют обеспечить необходимый для естественного прироста населения уровень рождаемости и требуют корректировки.

Примечания

1. Социология семьи: учеб. / под общ. ред. А. И. Антонова. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 376.
2. *Смирнова А. В.* Брак с детьми или без детей: установки молодоженов (на материале Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 9.
3. Социология семьи. С. 392–393.
4. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учеб. пособие для вузов. М., 1998. С. 261.
5. *Смирнова А. В.* Указ. соч.
6. *Борисов В. А.* Демографическая ситуация в современной России // Демографические исследования. 2006. № 1.
7. *Антонов А. И., Сорокин С. А.* Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000. С. 98.
8. *Белобородов И.* Изображение семьи и родительства в телерекламе. http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=833.
9. *Антонов А. И.* Институциональный кризис семьи и возможности его преодоления в России (ч. 1) // Демографические исследования. 2011. № 11. http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1882.

Notes

1. Sotsiologiya sem'i: ucheb [Sociology of the Family: tutorial] / Under gen. ed. of Antonov A.I. Moscow: INFRA-M. 2010. P. 376.
2. *Smirnova A.V.* Brak s det'mi ili bez detej: ustanovki molodozhenov (na materiale Ivanovskoj oblasti) [Marriage with children or without children: position of the honeymooners (on the basis of the Ivanovo region)] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve – Woman in Russian society, 2010, № 3, p. 9.
3. Sotsiologiya sem'i [Sociology of the Family]. Pp. 392-393.
4. *Antonov A.I.* Mikrosotsiologiya sem'i (metodologiya issledovaniya struktur i protsessov) [Microsociology of the family (methodology of the study of structures and processes)]: tutorial for high schools. Moscow, 1998, pp. 261.
5. *Smirnov A.V.* Op. cit.
6. *Borisov V.A.* Demograficheskaya situatsiya v sovremennoj Rossii [Demographic situation in Russia today] // Demograficheskie issledovaniya – Population Studies, 2006, № 1.
7. *Antonov A.I., Sorokin S.A.* Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka [The fate of the family in Russia in XXI century]. Moscow: Graal. 2000. P 98.
8. *Byeloborodov I.* Izobrazhenie sem'i i roditel'stva v telereklame. [Image of family and parenthood in television commercials]. Available at: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=833 (in Russ.).
9. *Antonov A.I.* Institutsional'nyj krizis sem'i i vozmozhnosti ego preodoleniya v Rossii (ch. 1) [An institutional crisis of the family and the possibility of overcoming it in Russia (h. 1)] // Demograficheskie issledovaniya – Population Studies, 2011, № 11, available at: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1882. (in russ.)

УДК 316.334.2:339.13; 316.74

М. Р. Пашаева

Учреждения культуры и искусства в системе современного рынка развлечений: мнение молодого поколения

Данная статья посвящена исследованию учреждений культуры и искусства в системе современного рынка развлечений. Также обсуждается положение учреждений культуры и искусства в обществе, их функции и социальная значимость. Вопрос рассматривается с позиции молодого поколения г. Новосибирска.

In this study we analyze the culture and arts organization in terms of contemporary entertainment market. Also we consider importance, functions and social significance of the culture and arts organization in the society. The question is discussed from a perspective opinion of the younger generation.

Ключевые слова: учреждения культуры и искусства, рынок развлечений, молодое поколение, социальная значимость учреждений культуры и искусства в обществе.

Keywords: the culture and arts organization, entertainment market, the younger generation, social significance of the culture and arts organization in the society.

Сфера культуры и искусства является специфической областью государственного участия, в которой стирается некая черта между функционированием по принципам полноценного участника рынка развлечений, прямой целью которого является получение прибыли, и выполнением социально-просветительских функций перед обществом в целом.

На современном этапе учреждения культуры и искусства находятся на стадии так называемого переходного периода. Доминирующим взглядом является концепция, где включение культуры в систему рынка, которое предполагает прямое наложение на сферу культуры и искусства рыночных отношений, может привести к некоторому ухудшению качественного уровня культурного продукта на этапе его реализации. Как следствие этого, наступает период стагнации, а затем и кризиса духовного и нравственного состояния общества в данный период времени. С точки зрения социологии такое положение обусловлено тем, что общество превращается в общество потребления [1], в котором начинает доминировать система противоречивых ценностей [2].

Контраргументом данной концепции является положение о том, что истинная свобода творчества возможна при условии соблюдения и реализации рыночной концепции, где концертная или иная другая творческая деятельность предполагает наличие продуманной стратегии на нише исполнительских искусств.

Эффективная реализация рыночной концепции предполагает экономическую независимость и свободу от государственных и иных структур. Однако эта свобода имеет определенные границы, установленные самим рынком исполнительских искусств. Для понимания этого положения необходимо изменение психологических установок и другого уровня мышления трудового коллектива учреждения.

С позиции менеджмента учреждения культуры и искусства в определенном плане выступают специфическими бизнес-структурами, которые предлагают интеллектуальные и духовные товары в виде несвойственного товара – искусства. Для того, чтобы продать этот специфический товар широкой аудитории, необходимо привлечь внимание потребителей, то есть слушателей и зрителей произведения. При этом нужно учесть финансовые интересы учреждения и эстетические предпочтения потребителей культурных товаров.

Отечественный исследователь культурных процессов М. А. Кошкина, рассуждая на эту тему, пишет, что «полное выведение сферы культуры из-под влияния рынка невозможно по следующим причинам: довольно трудно представить функционирование отрасли культуры и искусства в отрыве от всей экономики, развивающейся по рыночному пути. Функционирование культуры и искусства вне рынка далеко не является залогом высокого профессионального, духовного и нравственного уровня» [3].

Актуальной проблемой для руководителей учреждений культуры и искусства становится осознание необходимости борьбы на рынке развлечений. Рынок развлечений является одним из самых развивающихся и конкурентоспособных в современном социальном пространстве. Менеджеры культуры четко понимают, что продукт деятельности их учреждений на данном этапе уже не является априорной ценностью. Культурный продукт вынужден конкурировать со всем массивом предложений на рынке развлечений. Именно поэтому учреждения культуры и искусства должны адаптироваться к вкусам и потребностям конкретной аудитории.

Некоторые специалисты сравнивают сферу культуры и искусства со сферой обслуживания. То есть культурные продукты выходят на микроуровень и обслуживают интересы узкой аудитории. Эта тенденция опасна для учреждений культуры и искусства уходом творческих коллективов, отдельных артистов. Также к одному из сдерживающих механизмов в сфере управленческой деятельности относится высокий уровень стереотипизации представлений руководителей культуры о стратегиях выживания и видении острых проблем.

С другой стороны, необходимо четко понимать социальную значимость и необходимость культуры и искусства как для отдельной личности, так для всего общества в целом.

Культура и искусство являются неотъемлемой частью жизнедеятельности любого современного общества. Ф. Котлер вводит следующие функции культуры и искусства в обществе:

- создание образа общества за рубежом;
- средство коммуникации и, соответственно, взаимопонимания между государством и другими странами;
- самоопределение нации;
- мобилизация социальных, моральных и образовательных ресурсов общества;
- противопоставление меркантилизму современного общества [4].

Э. Макилрой называет пять аргументов в пользу культуры и искусства: развитие, объединение общества, маркетинг, экономика знаний, творческий потенциал [5]. Остановимся на данных аргументах более подробно.

Аргумент первый: развитие. Культура и искусство играют огромную роль в экономическом и социальном развитии сообществ и наций. Культура и искусство способны положительно влиять на здоровье населения и на образование. В местах, где сохранились памятники культуры, может развиваться туристический бизнес, стимулируя улучшение инфраструктуры городского пространства.

Аргумент второй: объединение общества. Этот аргумент относится к созданию гражданского общества и имеет особое значение для стран с переходным типом государственного строя. Культура и искусство заставляют общество функционировать, создают особые условия, при которых люди могут общаться в доверительной и безопасной обстановке, несмотря на этнические и другие различия.

Аргумент третий: маркетинг. Искусство и культура могут стать мощными факторами изменения негативного восприятия страны, особенно если она пострадала в результате агрессивных военных действий или экономического кризиса. Многие европейские города и регионы используют культуру как способ самопрезентации и продвижения своих интересов во внешней и внутренней среде.

Аргумент четвертый: экономика знания. Культурное разнообразие является важным ресурсом развития креативных индустрий, в том числе и экономики знания. Такие индустрии, как туризм, развлечения и высокие технологии, нуждаются в интересном содержании и продуктивных идеях, которые может дать только культурный сектор. Чтобы удержать в стране людей, способных правильно выстраивать необходимые траектории, им нужно предложить сложное сочетание культурных продуктов: традиционных и современных, национальных и иностранных.

Аргумент пятый: творческий вклад. Культура и искусство играют большую роль в развитии творческого начала в бизнесе, бизнес-образовании и в обществе в целом. Оно является основой развития творческих отраслей экономики, обновления и развития сообществ, инструментом профессионального роста и развития сотрудников организации.

М. Б. Гнедовский отмечает особую роль культуры и искусства с позиции взаимовыгодного диалога с бизнес-структурами:

- развитие творческих индустрий и отношений между культурой и бизнесом создает новые источники финансирования и благодаря этому помогает решать внутренние проблемы сферы культуры;
- внутренние творческие ресурсы культуры представляют непосредственный интерес для бизнеса, так как творческий подход в бизнесе является сегодня залогом конкурентоспособности;
- развитие творческого сектора в экономике – один из эффективных путей преодоления экономического кризиса, связанного с перепрофилированием городов;
- развитие культурных индустрий создает ситуацию востребованности творческого труда;
- развитие творческого сектора в экономике – признак развитой страны, ступившей на путь постиндустриального развития. Сегодняшняя альтернатива для России – развивать собственный творческий сектор или производить на экспорт товары по чужой лицензии и чужому дизайну [6].

Л. А. Золотова также придерживается подобной позиции. В своей статье «Культура и бизнес: новый опыт» она приводит данные агентства Arts and Business, которое считает, что

«искусство имеет определенные особенности, существенные в контексте взаимодействия культуры и бизнеса» [7]. Вот некоторые из них: искусство апеллирует к творческим способностям личности, искусство оперирует категориями качества и совершенства, искусство – это торжество разнообразия, искусство несет положительный заряд, демонстрируя потенциал и перспективы человеческой деятельности.

Учитывая вышеописанные аспекты, актуальным вопросом является отношение потенциальной и фактической аудитории к этому вопросу. Вопрос о положении учреждений культуры и искусства крайне актуален для самих учреждений: общественное мнение играет роль внешнего регулятора и цензора. Изучение общественного мнения по этому поводу позволяет менеджерам и экспертам в сфере культуры и искусства четко понимать позицию аудитории, а значит, и ожидаемые результаты от культурного продукта. Важно понимать, какую позицию, по мнению аудитории, должны занимать учреждения культуры и искусства в обществе, потому что «эффект обманутых ожиданий» крайне опасен для эффективного функционирования организации.

Менеджеры, работающие в сфере культуры и искусства, осознают, что часть аудитории всегда будет воспринимать культурный продукт, каким бы качественным он ни был, как развлечение или часть тренда в поведенческой модели индивида. Другая же часть аудитории хочет удовлетворить свои эстетические, культурные, образовательные потребности.

Согласно проведенному нами в 2013–2014 гг. в г. Новосибирске исследованию, в котором приняли участие 220 респондентов в возрасте от 20 до 30 лет, только 33% ответивших на вопрос «Можно ли приравнять сферу культуры к сфере услуг?» считают, что, вероятно, можно, так как здесь мы получаем услуги, как и в любой другой сфере услуг. 18% респондентов также соотносят сферу культуры и искусства, но уже по другой причине – сфера культуры и искусства функционирует в системе рыночных отношений. 39% считают, что нельзя приравнять культуры к сфере услуг, так как культура отвечает за формирование культурного и нравственного потенциала общества. 10% ответивших затрудняются сформировать свою позицию относительно этого вопроса.

На вопрос «Должны ли учреждения культуры и искусства подстраиваться под предпочтения зрителей?» 42% респондентов ответили, что делать это необходимо, однако оценивая все обстоятельства. 29% также придерживаются подобной позиции, они уверены, что учреждения культуры и искусства должны каким-то образом учитывать мнения зрителей. 21% респондентов придерживаются позиции, что учреждения культуры и искусства должны обязательно подстраиваться под предпочтения зрителей. Только 2% ответивших считают, что этого делать категорически не нужно. 6% респондентов не могут сформулировать свое отношение.

На вопрос «Необходимо ли учреждениям культуры и искусства заниматься еще какой-либо деятельностью помимо основной?» 28% отвечают на этот вопрос положительно, так как это позволяет развиваться и учреждению, и персоналу. 12% также утвердительно отвечают на этот вопрос, но по другой причине, они считают, что сейчас в принципе есть такая необходимость. 21% отвечающих считают, что такой необходимости нет в связи с тем, то это затрудняет выполнение основной работы. 24% указывают на то, что выполнение еще какой-либо деятельности помимо основной обесценивает учреждение. 15% затрудняются ответить на этот вопрос.

Далее мы предложили респондентам различные варианты дополнительной деятельности учреждений культуры и искусства и попросили указать, необходимо ли их осуществлять. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов. 30% высказались против любой деятельности, настаивая на том, что учреждения культуры и искусства не должны заниматься еще какой-либо деятельностью помимо основной. 30% респондентов в качестве дополнительной деятельности выбрали выезд актеров и музыкантов на мероприятие. 10% ответили, что такой деятельностью может выступать сдача в аренду помещения театра, концертного зала для проведения корпоративного праздника. 20% указали выдачу театральных костюмов и декораций. 31% респондентов выбрали проведение экскурсий. 5% респондентов дополнительную деятельность учреждений культуры и искусства видят в сдаче в аренду площадей учреждения для осуществления иной деятельности, такой, как торговля, распространение косметики.

Суммировав вышесказанное, можно сделать вывод, что вопрос о соотношении сферы культуры и сферы услуг вызвал некий резонанс. Мнения респондентов разделились таким образом, что 51% приравнивают сферу культуры к сфере услуг, 39% считают это невозможным. Подавляющее количество респондентов (92%) считают, учреждения культуры и искусства должны подстраиваться под предпочтения зрителей в той или иной степени.

Большинство респондентов (45%) считают, что учреждениям культуры и искусства не нужно заниматься дополнительной деятельностью, так как это затрудняет выполнение основной работы и обесценивает учреждение. Только 40% респондентов осознают эту потребность. Наиболее подходящей деятельностью является выезд актеров, музыкантов на мероприятия и проведение экскурсий.

Отметим, что для эффективного функционирования учреждений культуры и искусства необходима специфическая модель, сочетающая в себе как рыночные, так и вне рыночные механизмы внешнего и внутреннего регулирования. Именно это показывает проведенное нами исследование. Учреждения культуры и искусства, функционирующие в системе современного рынка развлечений, должны понимать потребности и предпочтения зрителей. При этом должна сохраняться идентичность и уникальность учреждения, именно поэтому активизация дополнительной деятельности, в том числе и приносящей дополнительный доход, требует изучения всех обстоятельств и факторов.

Примечания

1. Ильиных С. А. Ключевые понятия общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. XIV. № 5. С. 29–40.
2. Ильиных С. А. Ценности россиян: проблемы и противоречия // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 9. С. 178–182.
3. Кошкина М. Некоммерческий сектор культуры: социально-экономическая эффективность и уровень менеджмента // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 11. С. 91.
4. Котлер Ф. Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских искусств. М.: Классика-XXI, 2004. С. 32.
5. Маклрой Э. Пять новых аргументов в пользу культуры // Деньги и благотворительность. 2007. № 4. С. 18.
6. Гнедовский М. Б. Внутренние и внешние ресурсы культуры // CPOLICY.RU: сервер Института культурной политики. 2009. URL: <http://www.cpolicy.ru/doc.plx?id=77> (дата обращения: 09.12.2013).
7. Золотова Л. А. Культура и бизнес: новый опыт // Деньги и благотворительность. 2007. № 4. С. 59–61.

Notes

1. Il'inykh S.A. Klyuchevye ponyatiya obshchestva potrebleniya [Key concepts of the consumer society] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology, 2011, XIV, № 5, pp. 29-40.
2. Il'inykh S.A. Tsennosti rossiyan: problemy i protivorechiya [Values of the Russians: problems and conflicting] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki – Herald of Tambov University. Ser.: Humanities, 2007, № 9, pp. 178-182.
3. Koshkina M. Nekommercheskij sektor kul'tury: sotsial'no-ehkonomicheskaya ehffektivnost' i uroven' menedzhmenta [Nonprofit sector of culture: socio-economic efficiency and management level] // Problemy teorii i praktiki upravleniya – Problems of the theory and practice of management, 2008, № 11, p. 91.
4. Kotler F. Vse biletu prodany. Strategii marketinga ispolnitel'skikh iskusstv [All tickets are sold. Marketing strategy for the Performing Arts]. Moscow: Classica-XXI Publ. 2004. P. 32.
5. McIlroy E. Pyat' novykh argumentov v pol'zu kul'tury [Five new arguments in favor of culture] // Den'gi i blagotvoritel'nost'- Money and charity, 2007, № 4, p. 18.
6. Gnedovsky M.B. Vnutrennie i vneshnie resursy kul'tury [Internal and external resources culture] // CPOLICY.RU: server Cultural Policy Institute. 2009. Available at: <http://www.cpolicy.ru/doc.plx?id=77> (date accessed: 09/12/2013) (in Russ.).
7. Zolotova L.A. Kul'tura i biznes: novyj opyt [Culture and Business: new experience] // Den'gi i blagotvoritel'nost'-Money and charity, 2007, № 4, pp. 59-61.

Современная этнокультурная ситуация в странах Балтии: исторические основания и направления развития

Статья посвящена историческим основаниям современной этнической истории стран Балтии. Рассматривается полиэтничность и поликонфессиональность территории. Отмечены финно-балто-славянские связи в древности и Средневековье. Показаны направления межэтнического взаимодействия этносов региона в аграрную эпоху, стойкость крестьянских традиций, отношения города и деревни; эстонцев, латышей и литовцев, а также немцев, шведов и русских, включая индустриальное время. При выявлении перспектив целесообразно учитывать полиэтничность региона и его нахождение между соседями, экономические и другие контакты.

The paper is devoted to historical bases of contemporary ethnic history in the Baltic. Polyethnic and polyconfession character of territory is analysed. The Finno-Balto-Slavic relations in Pre-History and Middle Ages are marked. The directions of interethnic interaction in region during agrarian era, peasant traditions resistance, attitudes of towns and villages and also of Estonians, Latvians, Lithuanians and Germans, Swedes and Russians (including industrial period) are showed. In the aim of identifying prospects it's need to consider the multi-ethnicity of the region, its location between the neighbors, economic and other contacts.

Ключевые слова: финно-балто-славянские контакты, национальные отношения в Прибалтийском регионе в аграрное и индустриальное время, современная национальная политика в Балтии.

Keywords: Finno-Balto-Slavic contacts, ethnic relations in the Baltic region in the agricultural and industrial era, modern national policy in the Baltics.

На рубеже XX–XXI вв. и в первом десятилетии особое внимание не только российских ученых и общественности привлекает этнокультурная ситуация в странах Балтии, бывших республиках Советской Прибалтики, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Витебской губерниях Российской империи.

Вхождение в ЕС и НАТО, появление или обновление этноэлит (смена социалистических на либеральные), их путь на политический олимп свободных республик, заигрывание с неофашизмом, институт негражданства, экономическая зависимость от территорий на Западе и Востоке от рассматриваемого региона, миграции титульного населения в качестве гастарбайтеров в страны Западной Европы – все это характеризует этнокультурную ситуацию в странах Балтии в наши дни. Такая этнокультурная и общественная ситуация имеет свои исторические корни.

Данный район на протяжении веков развивался как полиэтничный и поликонфессиональный. Экскурс в историю выявляет ряд закономерностей. В Балтийском регионе издавна контактировали балто-славянско-финские этнические образования. Достаточно посмотреть на археологический и этнографический материал, чтобы обнаружить параллели в орудиях труда, предметах быта, одежде, украшениях и орнаментах [1]. Размежевание населения на северо-западе Европейской части России произошло примерно в бронзовом веке, когда ойкумена была не только расширена, но и упрочена вплоть до прибрежных, лесных и болотистых районов Прибалтики. Поэтому ученые выявляют сходства в языках летто-литовской группы и славян, касающиеся лексики периода родовой общины и соответствующего быта (начальные числительные, названия культурного ландшафта, соляная лексика и т. д.) [2]. В латышском языке термин «русский» – это «криеви», в эстонском – «вене» [3]. Эти термины говорят о ранних контактах и восприятии местными финно-угорскими и летто-литовскими группами славян еще в период существования венедов и кривичей.

Относительно рано и относительно дисперсным стало прибалтийское этническое сообщество – финно-угорские компоненты фиксируются в Латвии – ливы, далее, конечно же, в Эстонии, Карелии и везде вплоть до финно-угорских общностей на Вятке («чудь белоглазая» и собственно – коми, удмурты, мари). Латгалы, сету представляются многокомпонентными этносами. Такая же многокомпонентность фиксируется и в уникальном регионе, на Русском Севере. На западе Вологодчины с древнейших времен шло взаимодействие славян и западнофинских групп населения [4].

Этнография Русского Севера и Европейского Северо-Запада выявляет солидную базу взаимодействия и взаимопроникновения балтских, финно-угорских и славянских культур. Орнаменты латышей, эстонцев, вепсов, карел, русских (поморов) коми, удмуртов, мари включают сходные солярные компоненты. Вышивки с оленями, аналогичные русским, встречаются у тверских карел, в русском и финно-угорском искусстве Севера... Ромбический орнамент известен начиная с палеолитической древности и кончая современностью на протяжении более двух десятков тысячелетий... А. К. Амброзом прослежены земледельческие знаки, известные с энеолита [5]. По мнению Д. К. Зеленина, «русский и финские народы в течение многих веков переживали одни и те же «моды» – культурные международные влияния; и это обстоятельство сделало многие элементы их национальных культур одинаковыми. Кроме того, значение имела конвергенция культурных явлений в силу сходств в социально-экономических передвижениях» [6]. Этнические процессы в пограничных территориях, «этнических перифериях» всегда происходили с отличиями от этнических центров, основных этнических массивов. Роль и место, а также направления развития малых этнических групп в них всегда определялись специфически, с довольно сильной долей корреспонденции с большими по масштабу и численности этническими образованиями. Пример Балтии – это взаимодействия небольших этносов со значительными («имперскими») этносами Запада и Востока.

Во времена оформления государственности контакты продолжались. Общеизвестным является факт основания города Тарту, отмеченного в знаменитой «Повести временных лет», где в записях значится: «В год 6538 (1030) Ярослав Белз взял и родился у Ярослава четвертый сын и дал ему имя Всеволод. И в тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев» [7]. Прибалтика втягивалась в орбиту древнерусского мира, важными становились экономические, торговые отношения.

Известно, что еще до Ганзы «строительством в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра в 1192 г. и заключением договора 1191–1192 гг. начинается новый период в торговых связях Новгорода на западном направлении... Новгород во все времена был одним из главных партнеров Ганзы. Здесь ганзейские купцы покупали меха, известные во всей средневековой Европе, отсюда вывозили воск, мед и другие товары» [8]. Известно, что в 1209 г. в битве при Ерсикском замке против нападавших войск епископа Альберта у ворот города стояли русские и были разбиты, а при нападении на Ерсикский замок Айзкрауклеского правителя было убито 600 русских. Можно сомневаться, что летописец так называл местное население... В Риге в самом начале XIII в. жили русские купцы, в XIV в. у них оформился целый квартал, в средневековых немецких документах значившийся как «Dat Russche dorp, Ruschen dorpe» [9]. Рига и Балтика воспринимались как некий промежуточный пункт в торговых путях. На примере торговли видно, что экономические связи с Русью в то время стабилизировали развитие рассматриваемого пограничья.

Аграрная эпоха была длительной, в ее время воспроизводилось консервативное и инертное сельское хозяйство, хутора воспринимались как микромиры, традиционная культура выступала основой для культуры в будущем. Калевипоэг, Дайны, Калевала, северорусские былины выявляют немало общего. «Но стоит отправиться в пограничные районы Латвии – Литвы – Эстонии – Белоруссии – России – Польши, чтобы увидеть, что реальность прошлого не исчезла, он все еще подвергается переработке, своеобразному перелому и в рассказах живущих людей о том, как было и как сегодня живет, и в памятниках истории, и в топонимах, и в логике их смены» [10]. Общеизвестным является факт наличия у разных населенных пунктов двух или трех названий: Юрьев – Дерпт – Тарту, Двинск – Данибург – Даугавпилс, Резекне – Режица, Либава – Лиепая и т. д.

Время существования аграрной эпохи в этом регионе, географическое положение и климат повлияли на модель этнических общностей и с направленностью вовнутрь («мой

дом – мой мир»). Небезынтересный сюжет связан с появлением после церковного собора 1666 г. новой волны населения из России – приверженцев «древлего благочестия», в том числе и в Латвии, которая входила в то время в состав Речи Посполитой и Швеции, появилась большая масса русских старообрядцев, составивших основное ядро русского населения земли латышей [11]. Появившиеся в Прибалтике немцы и русские в «доиндустриальное время» особо не конфликтовали с коренными жителями-хуторянами; выходцы из Германии и частично из России обосновывались в городах, которые для сельского жителя оставались во многом чужими. Другая часть русских – староверы, которые жили обособленно и также не довели над коренным населением. Поэтому наблюдалось относительное невмешательство в дела друг друга. В этом специфика складывания межэтнических отношений на данном побережье. Хотя, конечно, нобилитет у местных народностей складывался не всегда из собственных выходцев; остзейские немцы, бароны выступали верхушкой этнического сообщества, этнической элитой тех веков, со всеми вытекающими последствиями для этнического самосознания эстонцев, латышей и отчасти литовцев.

В XIX в. вошла в свои права индустриальная эпоха, но, пожалуй, больше для нобилитета и городов. Национальная политика царизма в Прибалтике отличалась от политики в Польше и, безусловно, центральных губерний России. В Эстляндии подчеркивались такие черты: «...даже в городах, включая Тарту, эстонское простонародье было в численном перевесе, немало было эстонцев среди мещан и ремесленников, задним числом это трудно уточнить, так как общество делилось не по национальности, а по сословиям и фамилии переводились. До отмены крепостничества население делилось на “немцев” и “не-немцев”... Причем “не-немцы” были обычно несвободные, а “немец”, невзирая на национальность, обозначал барина всех степеней» [12]. Так межэтнические отношения усложнились, важное место в них стало занимать усложнившееся этническое самосознание.

В Лифляндии «в середине XIX в. зародилось движение молодой латышской буржуазии – движение “младолатышей”, выступавшее за национально-культурное возрождение и освобождение от немецкого господства. Чувствуя себя ущемленными ввиду доминирования немецкой торговой и немецкой промышленной буржуазии и особенно – остзейских помещиков, представители этого движения искали поддержку у “народных низов”. Младолатыши вели просветительскую работу среди народа, способствовали развитию латышской литературы и языка, призывали народ овладевать знаниями, “просвещать ум”. Они протестовали против подчинения школ церкви, онемечивания, требовали введения обучения на родном языке расширения содержания школьного образования» [13].

Обращает на себя внимание следующее понимание национальной политики России в индустриальную эпоху. «Нажим русификации. Последняя четверть XIX века мало изменила во внешнем облике города, зато много – во внутренней жизни. Стремление Бисмарка объединить Германию вызвало у некоторой части прибалтийских немцев надежду на присоединение т. н. Остзейских провинций (Эстляндия, Лифляндия и Курляндия) к великой Германии и определенные страхи в славянофильских кругах. Ни та, ни другая сторона не допускала мысли, что эстонцы и латыши могут иметь будущее как самостоятельные нации, поэтому шел спор о том, надо ли их онемечивать или русифицировать. Мнения эстонцев и латышей никто не спрашивал, но исконная ненависть к немцам, плюс журналистская пропаганда... погубили немецкую инициативу. Русификация стала после воцарения Александра III в 1881 г. официальной государственной политикой, но эстонцы быстро нашли противоядие. Хотя школы и делопроизводство перевели на русский язык и Тарту стал называться Юрьевым, закрутилась карусель всевозможных обществ. Будь то общества трезвости, духовной музыки, хорового пения, театра или спорта – все они были на эстонском языке и в патриотическом духе. Эстонцы больше не стыдились своей национальности. Как показало сравнение городской переписи населения 1876 и 1881 годов, без особой миграции численность немцев в Тарту уменьшилось настолько же, насколько возросла численность эстонцев. В университете возникло в 1870 г. Эстонское студенческое общество, которое в 1884 году осватило свой сине-черно-белый триколор, ставший эстонским национальным и с 1922 года – государственным флагом» [14]. Обозначенная модель «русификации» позволила коренным этносам не только увеличить свою востребованность на общероссийском рынке труда, но и развивать свои языки и культуру, причем на необходимом для индустриально-рыночных перемен уровне.

Набирающая силу промышленность сопровождалась демографическими изменениями. «В период с 1867 г. по 1913 г. численность населения Риги выросла в 5 раз (1867 г. – 102600 человек, 1897 г. – 269000, 1913 г. – 507660). Доля латышей здесь увеличилась с 23,6% в 1867 г. до 41,6% в 1897 г., затем до 1913 г. оставалась на том же уровне (41,6% в 1913 г.), соответствующие показатели для немцев: 1867 г. – 42,9%, 1897 г. – 23,5%, 1913 г. – 13,5%. Доля русских изменялась следующим образом: 1867 г. – 25,1%, 1897 г. – 16,9%, 1913 г. – 19,5%. Доля евреев постоянно составляла около 5%» [15].

Межнациональные отношения по-прежнему характеризовались значительным влиянием остзейских баронов. «О немцах можно сказать, что они по-прежнему удерживали старые позиции: городская элита оставалась преимущественно немецкой. И большинство промышленных и ремесленных предприятий принадлежало немцам. В аграрном секторе немецким дворянам также удалось сохранить свое экономическое доминирование. Хотя в 1866 г. монополия дворян на землевладение была подорвана, однако это не вызвало значительных изменений в структуре земельной собственности. Например, между 1840 и 1913 гг. 2/3 лифляндских поместий принадлежало матрикулярному дворянству, в то время как доля наделов, принадлежавших крестьянам, поднялась только с 0,23 до 4,47%.

От произошедших перемен значительно выиграли латыши, совершившие быстрый социальный подъем. Это проявилось не только в их участии в расширявшейся внутренней торговле, но и в постоянном росте их удельного веса в профессиях, требующих академического образования, – юристов, учителей, журналистов и врачей... Еще недавно покорные немцам, они стали довольно откровенно говорить, что Прибалтийский край не немецкий, но, конечно, и не русский, а эстонско-латышский, что следует добиваться для края известной автономии и, прежде всего, путем назначения на местные коронные должности в школе, суде, администрации представителей коренного населения. Считалось, что и духовенство в крае не только лютеранское, но и православное должно формироваться из числа представителей местных народностей. В отличие от немцев, которые обратили внимание на «национальные вождения» латышей, представители центральных ведомств в крае не только не придали им значения, но даже как бы поддерживали зарождавшееся националистическое движение, которое, имея антинемецкий характер, приобретало и антирусский подтекст... Ненависть к рыцарям как угнетателям, конечно, не исчезла, но она причудливым образом уживалась с преклонением перед всем немецким» [16]. Вдохновляющей стала тема деятельности местной разночинной интеллигенции в XIX столетии. На нее возлагались надежды поднять престиж местных сельских этносов. В «выходящим в город» сельским жителям приходилось становиться полиглотами. Типичное объявление в газете: «Девушка, знающая русский, немецкий и эстонский языки, желает получить место продавщицы или кассирши. Справляться по Яманской ул. № 20» [17].

Промышленность больше была развита в Лифляндии, Рига стала главным городом, где сосредотачивались фабрики, иные промышленные производства, и главное – крупным портом, с его докерами разных национальностей. Примечательно, что в ней опять был оформившийся район, где жили русские купцы, в этот раз – старообрядцы. Это – «Московский форштадт». Со здешними старообрядцами Гребенщиковской общины связано индустриальное развитие Прибалтийских губерний. Известно, что часть торговли, производств и зданий в стиле «модерн» в центре Риги построено именно ими.

Разумеется, история Первой мировой войны, театр военных действий, ставший самым разрушительным в Прибалтийском крае, повлиял на настроения жителей Латвии, и в революции 1917 г. некоторые из них увидели спасение не только от экономических бедствий, но и возможность поднять свой общественный имидж и не быть униженными. Так на арену истории вышли латышские красные стрелки, хотя в целом «пролетарскость» Прибалтики была «притянута за уши». Представители автохтонных этносов по-прежнему оставались в основном «третьим податным сословием». Их место жительства по-прежнему связывалось с хуторами. Полиэтничность и поликонфессиональность воспроизводились в 1920–30-е гг. Как должное, праздновались Дни русской культуры. По воспоминаниям старожилов, в 1930-х гг. взорвали все средневековые немецкие здания в центре Риги, потом на их месте в 1950-х гг. появилась советская архитектура [18]. В этот период снова наблюдалось лавирование в национальной политике между Западом и Востоком. Часть жизни и творчества ряда русских интеллигентов-иммигрантов связана с Прибалтикой 1920–30-х гг., с чем можно соотносить новую волну русских миграций в этот край.

Советское время с 1940 г. – период искусственного создания этноэлит, пусть инспирированным образом созданных, но коммунистических, для большего влияния социалистических властей в экономике и культуре. Вкладывались значительные средства, чтобы регион стал самодостаточным. Значительная и отдельная тема – сколько финансов, промышленных и людских ресурсов было вложено в годы советской власти в республики Советской Прибалтики, как развились издательское дело на родных языках, музыка, театр, сколько появилось заслуженных деятелей науки, культуры и искусства из своей среды и т. д. Отдельная тема – взаимоотношения местного, полиэтнического населения с приезжими, также неоднородными в национальном плане, советскими людьми, но мыслящимися новой волной – «коммунистическими русскими».

Исследователи отмечают ряд закономерностей. «Прибалтийские страны сохранили и в Советском Союзе, как в свое время в царской России, реноме культурной заграницы. Деньги отпускались сюда щедрее, так как было известно, что их действительно используют по назначению. С этим связано и то, что почти все крупные предприятия в республике, а также в Тарту, носили приставку “опытный” или “экспериментальный”, что было обозначением ведущего предприятия, имеющего свое научно-конструкторское бюро, более щедрое финансирование и высшие категории зарплаты. Это давало возможность строить роскошные административно-клубные и спортивные комплексы и дома отдыха за городом... Вообще во всей Эстонии, а также в Тарту в последние 20 лет советской власти было построено не только больше жилой площади, учреждений здравоохранения и культуры, чем за предыдущие 200 лет, но и производственных и административных зданий, рабочих столовых, детских садов и клубов, за городом выросли дома отдыха и пионерские лагеря. Многие из этого теперь уже в руинах, распродано по частям или сдано в аренду частным лицам, некоторые кое-как перебиваются» [19]. Вероятно, в национальных отношениях стали проявляться некая искусственность, привычка к дотациям, преувеличение собственной значимости вместе с нерешенными проблемами. Словно внутри продолжал чувствоваться хуторской менталитет, бывшие обиды на город из-за своего униженного крестьянского происхождения, страх и непонимание репрессий. Но все это гасилось вливанием ресурсов и интернационализмом.

«В период с 1940 по 1982 г. прирост промышленной продукции Латвии составил 4.650%, в том числе деревообрабатывающей (минимальный) – 1100%, химической и нефтеперерабатывающей (максимальный) – 69.200%. Подобные цифры свидетельствуют об экспорте промышленного потенциала из других регионов СССР. Население Латвии в период с 1979 г. по 1989 г. выросло на 6% (в том числе за счет естественного прироста – 2%, “механистического” – 4%). Это предпоследнее место среди бывших союзных республик (на последнем – Украина). Прирост населения СССР в целом составил 9%. Население Риги за этот период увеличилось на 10%, что среди столиц нынешних суверенных государств, составлявших СССР, занимает последнее место (вместе с Москвой). В среднем за этот период прирост населения в городах, имевших от 50 тысяч до миллиона жителей, составил 18%. Таким образом, в этот период имело место не целенаправленно изменение этнодемографической ситуации в Латвии, а, напротив, целенаправленное сдерживание естественного демографического давления» [20]. Ярко выраженному индустриальному этапу сопутствовала культурная миксация, переезды населения, начало глобализационных явлений.

К «рубежному периоду» – перестройке – демографические характеристики в Латвии изменились следующим образом.

Latvijas etniskais sastavs (%) no 1935 gada līdz 1989 gadam [21]

	1935 g	1943 g	1959 g	1970 g	1979 g	1989 g
Latvieši	75,50	81,9	62	56,7	53,7	52,04
Krievi	1059	9,5	26,5	29,8	32,9	33,9
Baltkrievi	1,38	2,7	2,9	4	4,4	4,4
Ukraini	0,1	0,6	1,4	2,2	2,6	3,4
Poli	2,5	2,1	2,8	2,6	2,5	2,2
Ebreji	4,79	-	1,7	1,5	1,1	0,8

Русское население по городам распределялось так.

Krievi skaits pilsetas un rajonos 1995. gada 1. Janvari [22]

pilseta	Skaits un %
Rīga	360.610 (44,5%)
Daugavpils	67.838 (55,8%)
Liepāja	37.371 (38%)
Jelgava	22.879 (32,9%)
Rezekne	22.462 (52,5%)
Jurmala	21.723 (38%)
Ventspils	14.191 (32,6%)

Разумеется, часть населения попала в когорту «неграждан».

Жители Латвии по этническому происхождению и гражданству 2009 г. [23]

Этническое происхождение	Граждане	«Неграждане»	Прочие	Всего
Латыши	1339957	1616	1177	1342750
Русские	367662	235908	26810	630380
Белорусы	31271	48104	2841	82216
Украинцы	17853	34016	4905	56774
Поляки	40246	12148	915	53309
Литовцы	18463	9666	2345	30474
Евреи	6455	3050	473	9988

Этническая ситуация в наши дни по-прежнему характеризуется полиэтничностью и наличием солидного исторического опыта сосуществования разных культур как в естественной форме, так и при внешнем инспирировании.

В целом в этнической истории Прибалтийского края, стран современной Балтии наглядно демонстрируется неравномерность развития этносов, живущих на одной территории, находящихся на разных стадиях с точки зрения «классической» градации: «племя» – «народ» – «нация». Комбинаторика этнических взаимодействий в полиэтничном регионе выявляет детали естественного и искусственного их совместного развития. Искусственное подталкивание процессов перехода от «народа» к «нации» может привести к издержкам в оформлении этнических элит и проблемам во взаимоотношениях с естественно развивающимися нациями. С точки зрения просмотра перспектив ясно, что во всех случаях надо учитывать полиэтничность и поликонфессиональность, промежуточное положение Балтии между Западом и Россией, масштабы и численность контактирующих стран.

Примечания

1. Вятский археолого-этнографический архив. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1, 4. Л. 2, 7.
2. Бромбей Ю., Подольный Р. Человечество – это народы. М.: Мысль, 1990. С. 391; Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981. С. 74.
3. Eesti-vene хрресхнастик. Tallinn: Valgus, 1984. 512 Lk.; Латышско-русский словарь / сост. Я. В. Локк. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1942. С. 101; Latviešu – krievu un krievu-latviešu vārdnīca. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1959. С. 96, 486.
4. Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX веков. М.: Наука, 2001. С. 20.
5. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: «София. Гелиос», 2002. С. 76, 24, 25.
6. Зеленин Д. К. Общие элементы в древних финских и русских костюмах // УЗ ЛГУ. 1947. № 105. С. 90.
7. Повесть временных лет (по Лаврентьевскому списку) // Русские летописи XI–XVI вв. Избранное. СПб.: Изд-во «Амфора», 2006. С. 107.
8. Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 107, 128.
9. Заварина А. А. Русское население Латвии (к истории поселения) // Русские в Латвии. Из истории и культуры староверия. Рига: «Веди», 2003. С. 12, 13, 15.
10. Курсите Я. Соприкосновение балтского и славянского // Балто-славянские культурные связи: сб. статей. Рига: «Мадрис», 2009. С. 291.

11. Заварина А. А. Указ. соч. С. 20.
12. Салупере М. Тысячелетний Тарту. Тарту: Грейф, 2011. С. 19.
13. Воробьева Л. История Латвии от Российской империи к СССР. Кн. 1. М: «Стрит принт», 2009. С. 57.
14. Салупере М. Указ. соч. С. 27–28.
15. Воробьева Л. Указ. соч. С. 59.
16. Воробьева Л. Указ. соч. С. 60–61, 63.
17. Дерптский листок. 1891. № 6. С. 24.
18. ВЭАА. Ф. 3. Оп.1. Ед. хр. 5. Л. 3.
19. Салупере М. Указ. соч. С. 41.
20. Современная европейская этнократия. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М.: «Стрит принт», 2009. С. 194.
21. Nacionalas un Etnikas grupas Latvija. Informativs materials Latvijas Republikas Tieslietu Ministrija. Riga, 1996. С. 11.
22. Там же. С. 33.
23. По данным: Современная европейская этнократия. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. С. 201.

Notes

1. Vyatka archaeological and ethnographic archives. F. 3 Op. 1 St. unit 1, 4. Sh. 2, 7.
2. Bromby Yu, Podolny R. СHelovechestvo – ehto narody [Humanity is the nations]. Moscow: Mysl'. 1990. P 391; Ivanov V. V., Slavyanskij, baltijskij i rannebalkanskij glagol: indoevropskie istoki [Slavic, Baltic and Early-Balkan verb: Indo-European origins]. Moscow: Nauka. 1981. P. 74.
3. Eesti-vene xppesxnastik. Tallinn: Valgus, 1984. 512 Lk .; Latvian-Russian dictionary / Ed. YV Locke. M.: OGIZ. State. Izd. and nat. dictionaries, 1942 S. 101; Latviešu – krievu un krievu-latviesšu vārdnīca. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1959. S. 96, 486.
4. Russkij Sever. Ehtnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura XII–XX vekov [Russian North. Ethnic history and popular culture XII-XX centuries]. Moscow: Nauka, 2001, p. 20.
5. Rybakov B. A. YAzychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow: "Sofia. Helios ". 2002., pp 76, 24, 25.
6. Zelenin D. K. Obshchie ehlementy v drevnikh finskikh i russkikh kostyumakh [Common elements in ancient Finnish and Russian costumes] // LSU. 1947. № 105. S. 90.
7. Povest' vremennykh let (po Lavrent'evskomu spisku) [The Tale of Bygone Years (at Laurentian list)] // Russkie letopisi XI–XVI vv. Izbrannoe – Russian chronicles XI-XVI centuries. Favorites. St.Petersburg: Publ "Amphora". 2006. P. 107.
8. Rybina E. A. Torgovlya srednevekovogo Novgoroda: istoriko-arkheologicheskie ocherki [Trade medieval Novgorod: historical and archaeological essays]. Veliky Novgorod: Publishing House of Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. 2001. Pp. 107, 128.
9. Zavarina A. A. Russkoe naselenie Latvii (k istorii poseleniya) [Russian population of Latvia (the history of the settlement)] // Russkie v Latvii. Iz istorii i kul'tury staroveriya – Russian in Latvia. From the history and culture of the Old Believers. Riga: "Vedi". 2003. Pp. 12, 13, 15.
10. Kursite Ya. Soprikosnovenie baltskogo i slavyanskogo [Touch of Baltic and Slavic] // Balto-slavyanskije kul'turnye svyazi -Balto-Slavic cultural ties: coll. articles. Riga: "Madriz". 2009. P. 291.
11. Zavarina A. A. Op. cit. P. 20.
12. Salupere M. Tysyacheletnij Tartu [Millennial Tartu]. Tartu: Grejf. 2011. P. 19.
13. Vorobyova L. Istoriya Latvii ot Rossijskoj imperii k SSSR [History of Latvia from the Russian Empire to the Soviet Union]. Book 1. Moscow: "Street Print". 2009. P. 57.
14. Salupere M. Op. cit. Pp. 27-28.
15. Vorobyov L. Op. cit. P. 59.
16. Vorobyov L. Op. cit. Pp. 60-61, 63.
17. Derptskej listok – Dorpat leaf. 1891, № 6, p. 24.
18. VEAA. F. 3. Op.1. St. unit 5 Sh. 3.
19. Salupere M. Op. cit. P. 41.
20. Sovremennaya evropejskaya ehtnokratiya. Narushenie prav natsional'nykh men'shinstv v EHstonii i Latvii [Modern European Ethnocracy. Violation of the rights of national minorities in Estonia and Latvia]. Moscow: "Street Print". 2009. P. 194.
21. Nacionalas un Etnikas grupas Latvija. Informativs materials Latvijas Republikas Tieslietu Ministrija. Riga, 1996. S. 11.
22. Ibid. P. 33.
23. According to the Contemporary European Ethnocracy. Violation of the rights of national minorities in Estonia and Latvia. P. 201.

Этапы становления совещательных, консультативных и координационных органов в России

В статье дается определение совещательных, консультативных и координационных органов в системе взаимодействия власти и общества; рассматриваются основные периоды развития данных органов в дореволюционной России, в советской и современной системах государственного управления; отмечаются проблемы и перспективы их дальнейшего изучения.

The article defines consultative, advisory and coordinating bodies in the interaction between government and society; discusses the main periods of development of these bodies in pre-revolutionary Russia, Soviet and modern systems of government; pointed out the problems and prospects for their further study.

Ключевые слова: совещательные органы, координационные органы, консультативные органы, советы, комитеты, комиссии.

Keywords: advisory bodies, coordinating bodies, consultative bodies, councils, committees, and commissions.

I

В теории и истории государственного управления особое место занимают совещательные, консультативные и координационные органы. Необходимо признать, что они не были объектом изучения в той мере, в какой это следовало бы при современном возрастании их роли в системе государственного и муниципального управления. Одной из причин этого можно назвать отсутствие полного обзора исторического становления и развития совещательных, консультативных и координационных органов. Это, в свою очередь, объясняется рядом проблем, которые будут указаны в данной работе.

Прежде всего, следует определить, о каких органах идет речь. Понятие «совещательные, консультативные и координационные органы» довольно широко, в него могут входить самые разные структуры, с различным статусом и функциями. Предварительное определение рассматриваемых органов может быть сформулировано так: это коллегиальные органы, с координационными, консультативными и совещательными функциями, созданные по решению органов и должностных лиц государственной власти и местного самоуправления и состоящие из представителей власти и (или) из представителей общества; имеющие различный статус и способы формирования; и решения которых, как правило, имеют рекомендательный характер.

Такое определение справедливо только для современных органов этого типа. В ходе исторического изменения в системе государственного управления такие органы могли иметь разные функции, которые они преимущественно выполняли.

Совещательные органы могут быть рассмотрены с разных сторон и методами различных общественных наук. Но одним из важнейших принципов изучения государственных и общественных институтов и процессов является принцип историзма. Анализ становления и исторического развития такой формы взаимодействия публичной власти и представителей общества, как совещательные органы, представляется необходимым и для их изучения на современном этапе.

В современную эпоху о совещательных органах справедливо говорят, что, «неоднородные по своим функциям и носящие разные наименования, они обладают одним общим свойством: это совещательные органы, чьи заключения носят рекомендательный характер и участниками которых являются представители внешних для правительственных структур групп» [1]. Многие авторы, анализируя деятельность совещательных органов, действующих на разных уровнях публичной власти в настоящее время, указывают на то, что эти органы возникли «недавно», «в текущем тысячелетии». Но такое утверждение нуждается в серьезном пересмотре. Поэтому цель данной статьи – рассмотреть возникновение и историческое

развитие данных форм взаимодействия власти и общества и определить основные проблемы и перспективы их изучения. В этой работе будут использованы материалы, проанализированные современными авторами, которые так или иначе рассматривали деятельность совещательных органов [2].

Хронологическими рамками данного обзора будут XIX – начало XXI в.; предметом изучения выступают органы, создававшиеся на уровне центрального государственного управления, на региональном и на местном (муниципальном) уровнях. Не относятся к числу рассматриваемых органов коллегиальные органы, состоявшие из представителей исключительно государственной администрации (межведомственные и внутриведомственные комитеты и комиссии; секретные комитеты; временные комитеты и тому подобные структуры).

История возникновения совещательных органов обусловлена, прежде всего, потребностью государственной власти привлечь определенных представителей общества к процессу подготовки, выработки и реализации управленческих решений. Это, в свою очередь, объясняется усложнением задач, стоящих перед государством, и необходимостью их решения с учетом интересов наиболее влиятельных и заинтересованных кругов.

Созданию собственно совещательных органов как постоянно действующих структур предшествовало эпизодическое привлечение некоторых представителей общества к обсуждению ряда вопросов, прежде всего, в финансово-экономической области. Н. П. Ерошкин отмечал, что в начале XIX в. «на заседания общих присутствий, департаментов и министерских советов разрешалось приглашать фабрикантов, заводчиков, купцов, ученых, инженеров и т. д. Вынужденное ходом истории проявлять интерес к развитию промышленности и торговли и считаться с мнением предпринимателей самодержавие допускало временное “соучастие” верхов буржуазии и интеллигенции в совещательных органах центрального правительственного аппарата» [3].

Таким образом, возникновение совещательных органов было связано с необходимостью придать этому «соучастию» институциональный характер. От более или менее регулярного приглашения «сведущих» людей на заседания собственно государственных структур возможно было перейти к созданию постоянно действующих советов с консультативно-экспертными функциями. Так, в 1818 г. для «высшего надзора» за деятельностью Ассигнационного и Заемного банков был создан совет государственных кредитных установлений, состоявший из государственных чиновников ряда ведомств и из представителей помещиков и купцов. Совет формально не входил в состав министерства финансов, но действовал в тесном контакте с этим государственным органом.

Потребность государственных органов в более квалифицированной подготовке управленческих решений в некоторых сферах государственного управления обусловила возникновение так называемых Ученых комитетов, состоящих, как правило, из государственных служащих, но имеющих ученые звания или специальную подготовку. Так, в 1817 г. был создан Ученый комитет при министерстве народного просвещения; с 1825 г. при министерстве финансов существовал Ученый горный комитет по горной и соляной части (с 1867 г. назывался Горным ученым комитетом).

В 1828 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин учредил при департаменте мануфактур и внутренней торговли Мануфактурный совет; а в 1829 г. по ходатайству купечества был учрежден Коммерческий совет. На уровне губерний создавались комитеты и отделения этих советов. Основными функциями этих органов, состоявших из представителей предпринимательского сообщества, были: собирание сведений о состоянии промышленности и торговли, разработка мероприятий по их улучшению, ходатайства перед государственной властью о своих «пользах и нуждах» [4].

Середина и вторая половина XIX в. характеризуются увеличением числа и усилением значения совещательных органов. Исторической причиной этого было возрастание роли представителей некоторых социальных групп и одновременно потребность государственной власти использовать определенные формы участия представителей ряда сословий в выработке государственных актов и решений. Как писал Н. П. Ерошкин, «в министерствах возник ряд других органов (советов и комитетов), на заседаниях которых вместе с чиновниками заседали представители самых различных ведомств. На заседания чаще, чем в дореформенное время, приглашались “сведущие” люди – представители промышленной, железнодорож-

ной, банковской, торговой буржуазии, различные буржуазные специалисты (инженеры, ученые и прочие)» [5]. Наиболее яркий пример таких органов – это дворянские губернские комитеты «по улучшению быта владельческих крестьян» и «Редакционные комиссии» в период подготовки отмены крепостного права. Но и в других сферах государственного управления в этот период создаются совещательные органы. В 1872 г. Мануфактурный и Коммерческий советы при министерстве финансов были объединены в Совет торговли и мануфактур. С 1863 г. в составе министерства внутренних дел и под председательством министра действовал Совет министра по делам книгопечатания, состоящий из государственных служащих, а также из представителей науки и литературы. С 1863 г. в том же министерстве был учрежден Статистический совет. В 1882 г. при Горном департаменте был создан Геологический комитет, а с 1888 г. его директор был введен в состав Горного совета [6]. С 1885 г. в составе министерства путей сообщения был создан Совет по железнодорожным делам; действовал также инженерный совет. При министерстве земледелия и государственных имуществ функционировал Сельскохозяйственный совет, в который приглашались «сельские хозяева» [7]. Достаточно освещена в историографии деятельность Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, созданного по инициативе С. Ю. Витте в 1902 г.; Страхового совета, действовавшего при министерстве торговли и промышленности с 1912 г.; Совета по делам местного хозяйства [8].

В меньшей степени известны деятельность, состав и статус совещательных органов, так сказать, регионального уровня. К ним можно отнести губернские отделения Совета торговли и мануфактур; действовавшие с 1864 г. училищные советы в уездах и губерниях. Приведем некоторые примеры, опираясь на материалы Вятской губернии. Так, уже в начале 1850-х гг. в составе Строительной и Дорожной комиссий присутствовал как «непременный член» депутат от дворянства. Вятский городской голова был по должности членом комитета о земских повинностях, губернского оспенного комитета и губернского комитета общественного здоровья [9]. Это были, скорее, координационные, чем совещательные органы, но в дальнейшем увеличилось число и значение именно совещательных органов и возросло представительство общества в них. Таким органом стал, прежде всего, губернский статистический комитет. В его составе были не только чиновники и священники, но также почетные члены из представителей купечества и выборный «со стороны магометанского населения Вятской губернии» [10]. Несколько позже в состав комитета входили председатель вятской губернской земской управы, уездной земской управы, городской голова Вятки [11]. В 1873 г. в составе присутствия по городским делам были председатель губернской земской управы, городской голова и городской секретарь [12]. В первой половине 1880-х гг. и с 1890-х гг. членами губернского училищного совета были выборные от земств [13]. В 1890-е гг. в состав губернского по земским и городским делам присутствия входили: председатель губернской земской управы, городской голова и выборные от губернского земского собрания и Вятской городской думы. Председатель губернской земской управы и один из членов управы были в составе губернского комитета по улучшению кустарной промышленности. В губернском податном присутствии состояли, кроме чиновников, представители земства, купеческого общества и города. Представители городов и земств были и в уездных податных присутствиях. Лесоохранительный губернский комитет включал в себя председателя губернской земской управы и выборных представителей владельцев частных лесов и представителей купечества [14]. В начале XX в. тенденция расширения общественного представительства в подобных органах сохранилась. В 1900 г. в состав губернского Общего присутствия вятской казенной палаты по промысловому налогу входили: председатель губернской земской управы, член управы, представители вятской городской думы и купеческого общества. Городской голова и два члена, избранные городской думой, входили в присутствие по квартирному налогу. Представительство фабрикантов, заводчиков и горнозаводчиков предусматривалось в губернском присутствии по фабричным и заводским делам [15]. После 1907 г. в губернское присутствие по делам об обществах входили городской голова и выборный от городской думы [16]. Таким образом, на губернском уровне постепенно шел процесс увеличения численности совещательных органов и усиления общественного представительства в них.

Наконец, уровень земского самоуправления также может продемонстрировать тенденцию к созданию и функционированию совещательных органов. Прежде всего, это были экономические советы, созданные при большинстве губернских и уездных управ, в период с

1895 по 1901 г. В состав этих советов входили кроме членов управ и гласных земств агрономический персонал и специалисты по различным отраслям. Современные историки земств отмечают, что в ряде случаев эти органы «приобретали неофициальный статус земских исполнительных органов в тех земствах, где хозяйственно-экономическая деятельность вышла на более высокий уровень» [17]. Указывается также, что эти органы сыграли положительную роль в создании и развитии земской агрономии, ветеринарии и прочих направлений деятельности земств. Еще раньше, в 1880-е гг., при большинстве губернских управ были учреждены санитарные или врачебные советы, состоявшие из представителей земств и врачей. Это были совещательные органы, действовавшие по инструкциям, утвержденным земскими собраниями [18]. В условиях Первой мировой войны некоторые земства создали «волостные хозяйственные советы», имевшие целью сбор сведений о своем районе и учет семей мобилизованных для оказания им помощи [19].

Таким образом, возрастание количества и увеличение значения совещательных органов было симптомом модернизационных процессов в России. Анализ статуса, состава и функций этих органов может позволить уточнить многие представления, сложившиеся в историографии, в особенности в историографии государственного управления.

II

Советский период истории государственного управления, при всем отличии от предшествующего периода, сохранил, по крайней мере, в 1920-е гг. тенденцию к развитию и умножению совещательных органов. Это было обусловлено идеей о максимально возможном привлечении широких масс к управлению государством, но также и необходимостью использования опыта «специалистов» в отдельных сферах государственного управления. Вот лишь некоторые примеры совещательных органов, учрежденных при высших органах власти РСФСР. При ВЦИК были образованы: Всероссийский комитет содействия сельскому хозяйству; Федеральный комитет по земельным делам; Комиссия по улучшению жизни детей; Центральная комиссия помощи голодающим (1921–1922 гг.); Комитет содействия народностям северных окраин [20]. При СНК РСФСР действовал особый временный комитет по науке (1922–1924 гг.). При коллегии наркомата просвещения действовал совет по просвещению национальных меньшинств [21]. Но основную массу таких органов представляли собой комиссии, группы, совещания, комитеты, секции, которые создавались на губернском, уездном, городском и волостном уровнях при исполнительных комитетах. Эти органы состояли из членов и кандидатов в члены советов, представителей общественных организаций и «актива трудящихся». Как отмечал А. А. Нелидов, «кроме основных отраслевых органов в составе исполкомов, и прежде всего, губернских, создавались различные органы вспомогательного, а также обслуживающего характера: комиссии, группы, совещания, комитеты...» [22]. Секции и комиссии могли заниматься такими вопросами, как сельское хозяйство, культурно-просветительская деятельность, местное хозяйство и благоустройство, торговая и кооперативная деятельность. Основными функциями таких органов были: предварительное рассмотрение тех или иных вопросов; заслушивание отчетов; обследование учреждений и предприятий. Они действовали без своего аппарата, используя аппарат соответствующих исполкомов. При сельских советах во время коллективизации создавались производственные совещания [23]. В последующее время существования советской системы такие органы продолжали существовать, например, в форме комиссий по наименованию и переименованию улиц, площадей и других составных частей городов [24].

В целом в советский период истории государственного управления совещательные органы не были особенно распространены как на уровне центрального государственного управления, так и на уровне территориальном. Это связано и с особенностями советской партийно-государственной системы, и с теми формами, которые преимущественно использовались для привлечения представителей общественности к участию в государственном управлении.

III

С 1990-х гг. начался новый период не только в истории Российского государства, но и в истории совещательных органов. Кратко говоря, это период увеличения численности таких органов на всех уровнях публичной власти; развития их специализации и усиления их зна-

чения в системе государственного и муниципального управления. Вот лишь некоторые цифры: на начало 2014 г. при Президенте РФ действует 15 совещательных органов; при Председателе Совета Федерации – 15 органов; при Председателе Правительства РФ – 12. Кроме того, при каждом министерстве, федеральной службе и агентстве существуют общественные советы. Существуют научные и экспертные советы при высших органах судебной власти и Генеральной прокуратуре. Совершенно особенную форму представляет собой Общественная палата и общественные палаты в субъектах федерации. На региональном и муниципальном уровнях действуют многочисленные совещательные, координационные, консультативные органы в самых разных сферах общественной жизни.

Рассмотрим основные виды совещательных органов на муниципальном уровне в 2000-е гг. Если рассматривать проблему статуса, то едва ли возможно отнести эти органы к «иным органам», упоминаемым в статье 34 закона № 131, поскольку они не имеют собственных полномочий по решению вопросов местного значения. С другой стороны, возможно их сопоставление с муниципальными избирательными комиссиями, муниципальными органами, «которые не входят в структуру органов местного самоуправления» [25].

Классификация таких органов может проводиться по многим критериям. На практике имеет место большое разнообразие в наименованиях органов и определении их функций. Один и тот же орган в «Положении» о его деятельности может быть назван и совещательным и консультативным органом. Более объективной будет классификация по функциям: можно выделить органы широкого функционального назначения (Общественные палаты и советы, координационные советы ТОС и т. д.); с другой стороны, можно выделить советы специального назначения, с более узкой сферой деятельности (градостроительные советы, советы по профилактике правонарушений и т. д.). Вполне возможна классификация органов и по отношению к каким-либо муниципальным органам и должностным лицам. Но следует заметить, что возможно существование советов не «при» каком-то органе или должностном лице, а вообще муниципальных совещательных органов, хотя бы они и были учреждены решением конкретного органа. Можно выделить: 1) советы при представительных органах; 2) советы при главах муниципальных образований; 3) советы при руководителях местных администраций. По способу формирования можно разделить эти органы: 1) на органы с избираемым составом; 2) органы с назначаемым составом. Отметим, что преобладают органы второго типа и даже состав органов с избираемыми членами утверждается решением соответствующего местного органа или должностного лица. По численности участников можно разделить эти органы на малочисленные (до 15 человек) и многочисленные (свыше 15 человек). От численности во многом зависит и структура советов. Выделяются органы с простой структурой (председатель – секретарь – члены совета) и со сложной структурой, когда орган имеет в своем составе комиссии, секции, рабочие группы. Наконец, возможна и классификация по типам муниципальных образований: 1) органы, действующие в обычных муниципалитетах; 2) органы, действующие в особых муниципалитетах (внутригородских территориях городов федерального значения, наукоградах, закрытых административно-территориальных образованиях). Таким образом, очевидно, что многие критерии классификации тесно связаны друг с другом и взаимообусловлены.

Следует указать также и на то, что полномочия и функции совещательных органов не могут дублировать полномочий органов местного самоуправления, муниципальных предприятий и учреждений. Решения подобных органов носят рекомендательный характер и нуждаются в утверждении.

Рассмотрим некоторые направления деятельности и разновидности совещательных и консультативных органов. В муниципальных образованиях существуют как совещательные органы без специализации (общественные советы); так и органы со своими, иногда довольно узкими функциями. Это могут быть: советы по развитию малого и среднего предпринимательства, по содействию молодежной политике, по развитию территориального общественного самоуправления; градостроительные советы, топонимические советы, экологические советы, советы по межнациональным и межконфессиональным отношениям, советы по борьбе с коррупцией, экономические советы. Изучение истории возникновения и деятельности таких органов даже на материалах одного или нескольких муниципалитетов даст возможность установить закономерности, характерные для всей истории совещательных органов в России.

Таким образом, проведенный обзор показывает, что совещательные, консультативные и координационные органы имеют долгую и насыщенную историю. Рассмотрение эволюции системы государственного управления России без учета становления и развития этих органов значительно обедняет наши представления о ней. В то же время основными проблемами исторического изучения этих органов представляются: во-первых, те факторы, которые обусловили появление совещательных органов в системе государственного управления. Во-вторых, установление особенностей их статуса, состава, форм деятельности, взаимоотношений с государственными и общественными структурами. В-третьих, выявление в деятельности совещательных органов тех моментов, которые сохраняют свою актуальность и в настоящее время. Для современных совещательных, консультативных и координационных органов может быть полезно использование многих аспектов деятельности аналогичных органов прошлых периодов истории государственного управления.

Примечания

1. *Гарифуллина Г.* Общественные советы при ведомствах: функции, задачи, структура // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 2. С. 120–126; *Гарифуллина Г.* Совещательные органы при исполнительной власти // Государственная служба. 2011. № 5. С. 104–106.
2. См.: *Панов А. А.* Совещательные и консультативные органы при Президенте Российской Федерации: общие принципы формирования и наделения компетенцией, место в системе президентской власти // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3. С. 20–24; *Черкасов К. В.* К вопросу о консультативных и совещательных органах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах // Право и политика. 2007. № 6. С. 23–32; *Пешин Н. Л.* Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели М., 2007; *Юшина Е. А.* Теоретико-методологические аспекты муниципальной деятельности. Киров, 2012. С. 123.
3. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России М.: РГГУ, 2008. С. 174.
4. Там же. С. 181.
5. Там же. С. 229.
6. *Клеопов И. А.* Геологический комитет 1882–1930: история геологической науки в России. М.: Наука, 1964. С. 32–33.
7. *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 240–241.
8. *Могилевский К. И.* Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008; *Могилевский К. И.* Столыпин и Совет по делам местного хозяйства в 1908–1910 годах // Российская история. 2012. № 2. С. 100–108.
9. Памятная книжка Вятской губернии на 1854 г. Вятка, 1853. С. 13–18.
10. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 гг. Вятка, 1866. С. 7–8.
11. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии на 1871 г. Вятка, 1871. С. 15–17.
12. Памятная книжка Вятской губернии на 1873 г. Вятка, 1873. С. 56.
13. Календарь Вятской губернии на 1881 г. Вятка, 1881. С. 121.
14. Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка, 1896. С. 3–35.
15. Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1900 г. Вятка, 1899. С. 16–28.
16. Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1907 г. Вятка, 1907. С. 163.
17. Земское самоуправление в России 1864–1918. Кн. 1 / под ред. Н. Г. Королевой. М., 2005. С. 338.
18. Там же. С. 416.
19. Земское самоуправление в России 1864–1918. Кн. 2 / под ред. Н. Г. Королевой. М., 2005. С. 271.
20. *Нелидов А. А.* История государственных учреждений СССР 1917–1936. М.: МГИАИ, 1962. С. 199.
21. *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991. М.: РГГУ, 1995. С. 120.
22. *Нелидов А. А.* Указ. соч. С. 251.
23. *Нелидов А. А.* Указ. соч. С. 251, 262, 277, 280.
24. СП РСФСР. 1968. № 5. С. 86.
25. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Ст. 34 // [Электронный ресурс].

Notes

1. *Garifullina G.* Obshchestvennye sovety pri vedomstvakh: funktsii, zadachi, struktura [The Public Councils at the Offices: functions, tasks, structure] // Problemy teorii i praktiki upravleniya – Problems of the theory and practice of management, 2012, № 2, pp. 120-126; *Garifullina G.* Soveshchatel'nye organy pri ispolnitel'noj vlasti [Deliberative bodies with executive] // Gosudarstvennaya sluzhba – State Service, 2011, № 5, pp. 104-106.

2. See: *Panov A. A. Soveshchatel'nye i konsul'tativnye organy pri Prezidente Rossijskoj Federatsii: obshchie printsipy formirovaniya i nadeleniya kompetentsiej, mesto v sisteme prezidentskoj vlasti* [Advisory and Consultative Bodies under the President of the Russian Federation: the general principles of the formation and provision of competence, in the system of presidential power] // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and municipal law*, 2007, № 3, pp. 20-24; *Cherkasov K. V. K voprosu o konsul'tativnykh i soveshchatel'nykh organakh pri polnomochnykh predstavitelyakh Prezidenta Rossijskoj Federatsii v federal'nykh okrugakh* [On the consultative and advisory body to the Plenipotentiary of the President of the Russian Federation in the federal districts] // *Pravo i politika – Law and Politics*. 2007. № 6. pp. 23-32; *Peshin N. L. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie v Rossii: problemy razvitiya konstitutsionno-pravovoj modeli* [Government and local government in Russia: problems of development of the constitutional-legal model] Moscow. 2007; *Yushin E. A. Teoretiko-metodologicheskie aspekty munitsipal'noj deyatel'nosti* [Theoretical aspects of municipal activities]. Kirov. 2012. P. 123.
3. *Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii* [History of public institutions of pre-revolutionary Russia] Moscow: State Humanitarian University. 2008. P 174.
4. Ibid. P. 181.
5. Ibid. P. 229.
6. *Cleopov I. A. Geologicheskij komitet 1882–1930: istoriya geologicheskoy nauki v Rossii* [Geological Committee 1882-1930: the history of geological science in Russia] Moscow: Nauka. 1964. Pp. 32-33.
7. *Eroshkin N.P.* Op. cit. Pp. 240 -241.
8. *Mogilev K.I. Stolypinskie reformy i mestnaya ehлита: Sovet po delam mestnogo khozyajstva (1908–1910)* [Stolypin's reforms and the local elite: the Council for the local economy (1908-1910)]. Moscow. 2008; *Mogilevsky K. I. Stolypin i Sovet po delam mestnogo khozyajstva v 1908–1910 godakh* [Stolypin and the Council for the local economy in the years 1908-1910] // *Rossijskaya istoriya – Russian history*. 2012, № 2, Pp. 100-108.
9. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1854 g* [Memorial book Vyatka province in 1854] Vyatka. 1853. Pp. 13-18.
10. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1866 i 1867 gg* [Memorial book Vyatka province in 1866 and 1867]. Vyatka. 1866. Pp. 7-8.
11. *Adres-kalendar' lits, sluzhashchikh v Vyatskoj gubernii na 1871 g* [Address-calendar of clercks in the Vyatka province in 1871] Vyatka. 1871. Pp. 15-17.
12. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1873 g* [Memorial book Vyatka province in 1873] Vyatka. 1873. P. 56.
13. *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1881 g* [Calendar of Vyatka province in 1881] Vyatka. 1881. P. 121.
14. *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1897 g* [Calendar and commemorative book of Vyatka province in 1897] Vyatka. 1896. Pp. 3-35.
15. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Vyatskoj gubernii na 1900 g* [Memorial Address book and calendar of Vyatka province in 1900] Vyatka. 1899. Pp. 16-28.
16. *Pamyatnaya knizhka i kalendar' Vyatskoj gubernii na 1907 g* [Memorial book and calendar of Vyatka province in 1907] Vyatka. 1907. P. 163.
17. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii 1864–1918* [Territorial self-government in Russia 1864-1918]. Book 1 / ed. N.G. Koroleva. Moscow. 2005. Pp. 338.
18. Ibid. P. 416.
19. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii 1864–1918* [Territorial self-government in Russia 1864-1918]. Book 2 / ed. N. G. Koroleva. Moscow. 2005. Pp. 271.
20. *Nelidov A. A. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenij SSSR 1917–1936* [History of public institutions of the USSR 1917-1936]. Moscow: MGIAI. 1962. P. 199.
21. *Korzhihina T. P. Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 – dekabr' 1991* [Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991] Moscow: State Humanitarian University. 1995. P. 120.
22. *Nelidov A. A.* Op. cit. P. 251.
23. *Nelidov A. A.* Op. cit. Pp. 251, 262, 277, 280.
24. SP RSFSR, 1968, № 5, p. 86.
25. Federal Law "On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" dated October 6, 2003 № 131-FZ. Art. 34 // [electronic resource] (in Russ.).

Социокультурная деятельность Русской православной церкви и формирование цивилизационной идентичности российского общества

В статье исследуются особенности эволюции социокультурной деятельности Русской православной церкви в контексте формирования цивилизационной идентичности русской цивилизации. Определяются факторы, влияющие на процесс трансформации основных методологических принципов деятельности Церкви в связи с последствиями глобализации. Актуализируется значение провинции как центра духовной жизни современной России.

The article investigates the features of the evolution of social and cultural activities of the Russian Orthodox Church in the context of the formation of civilizational identity of Russian civilization. The factors influencing the process of transformation of the main methodological principles of the Church with regard to the effects of globalization, are determined. Value of the province as a center of spiritual life in modern Russia is actualized.

Ключевые слова: церковь, глобализация, идентичность, кризис, патриарх, священнослужители, секуляризм.

Keywords: church, globalization, identity crisis, the Patriarch, clergy, secularism.

В начале XXI в. оценка РПЦ глобализации сформировалась. Глобализация признается как данность современной эпохи, РПЦ может бороться только с негативными ее проявлениями. Однако радикальный дискурс оценки глобализации в церкви и в православной среде все же преобладает: целью борьбы являются не последствия глобализации а сама глобализация как парадигма, угрожающая христианству.

Осознание неизбежности глобализации и определение ее негативных последствий происходило на протяжении всего постсоветского периода истории Церкви. В 90-х гг. XX в. РПЦ гораздо громче заявляла о своей позиции, когда дело касалось конкретных политических решений. Сложная политическая и социальная ситуация в стране, нестабильное положение власти, государственные кризисы и экономические трудности способствовали тому, что Церковь стала главным социальным институтом, обеспечивающим стабильность в обществе. Поэтому Церковь фактически возглавила процесс за разработку нового законодательства, которое появилось в 1997 г. (Закон о свободе совести и религиозных объединениях), добилась ряда правовых преимуществ, вернула себе статус приоритетной религии и способствовала формированию кооперационной модели взаимодействия с государством.

В XXI в. голос Церкви слышен не так громко. После заявлений Патриарха Алексия II о том, что «состояние государственно-церковных отношений близко к идеальным», сложилась такая ситуация, что причин выступать так же громко, как и в конце XX в., не стало. Церковь заняла то место в государстве, которое соответствует ее представлениям в контексте модели «Византийской симфонии», заявленной в «Основах социальной концепции Церкви». Поэтому оснований выступать более радикально за отмену тех реалий, в которой живет и сама Церковь, не представляется возможным по принципу «не руби сук, на котором сидишь». Главный враг для Церкви в современных условиях не глобализация, а ее проявления – секуляризм. Задача Церкви – бороться с проявлением секулярного мира с его влиянием на конкретного человека. Как отметил Митрополит Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, «Церковь – это армия, которая борется за то, чтобы в мире царствовали абсолютные нравственные ценности и идеалы, а секулярное общество очень активно противостоит ей в этой борьбе. И силы, конечно, неравны. Представители секулярного мировоззрения в количественном отношении часто превосходят представителей религиозного. Причем борьба идет не за богословские истины. Наша миссия заключается не только в том, чтобы доказывать людям существование Бога, и уж тем более не в каких-то институциональных интересах. Эта борьба, прежде всего, за человеческую душу» [1].

В связи с анализом указанной проблемы важными представляются слова Патриарха Кирилла, который отмечал, что «целью Русской Православной Церкви является не «инкультурация христианства, а христианизация культуры... Культуру нельзя использовать тактически: культура сама должна стать носителем Христового благовестия» [2]. То есть сама культура должна стать христианской. Возможно ли это в условиях глобализации, секулярного мира и всеобщего релятивизма? Возникают аналогии с католической Церковью, которая выбрала путь обновленчества и христианской инкультурации, понимаемой как процесс усвоения христианских ценностей и традиций. Осознавая невозможность противостояния секуляризму, вместо того чтобы инициировать борьбу с новой глобализационной парадигмой путем создания парадигмы неохристианской, было объявлено о необходимости христианской инкультурации в светской, секулярной культуре. Да возможно ли было инициировать развитие «неохристианской культуры» в условиях всеобщего обмирщения жизни? Каким образом поддерживать и распространять этот дискурс? Поэтому задача инкультурации для католической Церкви выглядела самым приемлемым вариантом.

С распадом СССР Россия активно включилась в процессы глобализации. Последняя по своей сути, прежде всего, обозначилась через курс на вестернизацию культуры и повседневности, который не мог удовлетворить ментальные потребности людей к осознанию цивилизационной идентичности. Осознание причастности к русской культуре и к «русскому миру» порождало стремление к поиску национальной идеи. Вновь стали актуальны и популярны философские споры о путях развития России, начался массовый «исход» в Церковь, в том числе и интеллигенции. Духовный вакуум создавал ощущение неопределенности, «потерянности». Несмотря на активную глобализацию сознания и жизни людей, существовало веками привитое чувство «других». В этих условиях возросла роль Русской православной церкви, которая многими воспринималась как та идентифицирующая сила, которая может объединить людей. И РПЦ «почувствовала» этот запрос общества. Патриарх Кирилл справедливо сравнивает современную ситуацию в России и в мире с эпохой распада и гибели Римской империи. По его мнению, как и тогда, христианство должно стать основой системы ценностей общества.

Действительно, мы можем сказать о том, что христианство стало основой западной цивилизации и более того, системой ценностей, которая была в основе инициируемой различными империями христианской глобализации. Возможно ли повторение истории? Историко-культурный процесс России позволяет сказать, что православные христианские ценности, дополненные политическими идеями сакральной миссии государства, стали цивилизационной основой России, а Русская православная церковь долгие годы была государственно образующей религией. В связи с этим РПЦ видит свою историческую миссию в сохранении православной культуры, как основы российской цивилизации. По словам Святейшего Патриарха, перед христианами стоят две задачи. «Они должны хорошо знать современную культуру и современного человека... и должны стремиться преобразовать эту культуру на христианских началах, сделать ее культурой «охристовленной»» [3].

Итак, подведем итог. Главная особенность официальной позиции Церкви – признание неизбежности глобализации и попытка противостояния (борьба) с негативными ее проявлениями. Анализ высказываний церковных иерархов, официальных заявлений, принятых решений и конкретных действий представителей Церкви позволяет сказать, что средством борьбы с этими проявлениями РПЦ видит христианизацию культуры. В условиях духовного вакуума эпохи постмодерна необходимо, чтобы православная христианская парадигма стала основой мировосприятия людей, что позволит обеспечить России цивилизационную идентичность в глобализирующемся мире. Необходимо транслировать, распространять эту парадигму как на институциональном уровне, так и на личном.

Характеризуя становление позиции РПЦ в отношении процессов глобализации, а также эволюцию видения церковью направлений своей социокультурной деятельности, важно акцентировать внимание еще на одной тенденции, имеющей прямое отношение к последствиям глобализации.

В современном мире наблюдается кризис коллективной идентичности, основанной на идеологических факторах. О кризисе идентичности писали в разное время С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, А. Панарин, указывая на то, что происходит процесс стирания идентичности, источником которой были такие императивы, как страна, нация, государство.

Главным императивом цивилизационной идентичности С. Хантингтон считал религию, которая, по его мнению, является «ядром цивилизации» [4]. Действительно, в условиях поиска основ цивилизации внимание людей обращается к традиционной религии, которая воспринимается как возможно единственное и главное объединяющее начало. С этим связано повышенное внимание к Церкви, к ее жизни, и не важно, какое это внимание – негативное или позитивное. Срабатывают механизмы коллективного бессознательного, действующего на протяжении длительных периодов истории.

Религиозное мировосприятие, определявшее жизнь многих поколений людей, проявляет себя на первых порах в бессознательной форме, и эта тенденция определяет социокультурную деятельность Церкви, которая осознает свою важнейшую задачу – обеспечение коллективной идентичности.

Нужно отметить, что речь идет не только об осознании причастности к единому «православному миру», которое имеет тенденцию к переходу от бессознательного к сознательному, но и о религиозных архетипах, константах, которые реанимируются в конкретные жизненные практики.

Другими словами, Церковь, борясь за сохранение нравственных устоев, за традиции и русскую культуру, за сохранение архетипа сострадательного, коллективистского, мессианско-ориентированного человека, как раз и провоцирует тип поведения, который был присущ людям на протяжении всей истории независимо от сменяющихся идеологий. Тип поведения, который и позволил нашим предкам сформировать единое цивилизационное пространство.

А. Панарин, анализируя взаимосвязь православия и коллективной идентичности, пришел к выводу о том, что российская цивилизация является уникальной православной цивилизацией, имеющей свои специфические особенности, сохраняющиеся на протяжении всей русской истории. Российская цивилизация, такая разная и многоликая, по его мнению, существовала только потому, что ее ментальной основой был христианский архетип, который не сохранился в других цивилизациях. В своей работе «Православная цивилизация» он отмечает, что «драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной» [5].

С развитием глобализации происходит процесс актуализация коллективной идентичности общества, что приводит к процессу поиска основ цивилизации и, более того, реанимации устойчивых моделей поведения. Происходит своего рода бессознательное «возрождение прошлого», так как цивилизация обращается к своим основам. Опять становятся актуальными такие понятия, как «православный мир», «католический мир», «мусульманский мир» и др.

В какой-то степени ситуация напоминает исторический период до формирования наций и государств, когда коллективную идентичность определяла прежде всего религия. В истории России мы легко можем найти свидетельства данного обстоятельства: до начала XVI в., до момента завершения формирования единого российского государства и оформления идеи «Москва – третий Рим», «русский мир» имел, прежде всего, религиозную идентичность. Это происходило по причине отсутствия идеологических императивов. Религия представляла собой не только осознаваемую систему ценностей, но и модели, архетипы, ментальные основы восприятия жизни людей, в большей степени бессознательных.

Кризис идентичности приводит, с одной стороны, к поиску новых или хорошо забытых (и тем самым не осознаваемых) цивилизационных основ, которые бы обеспечивали осознание общности. С другой стороны, многовекторный процесс актуализации новых идентификационных императивов приводит к повышению роли провинции, которая становится центром духовной и культурной жизни. То есть процесс поиска коллективной идентичности приводит к развитию глокализации, что само по себе может являться показателем ответа на глобализационные процессы. Таким образом, провинция становится негласным центром духовного возрождения цивилизации.

Переориентация внимания общества от центра к провинции затрагивает все сферы жизни. Это происходит часто на уровне бессознательного. То есть внимание людей с идеологических факторов переориентируется на реальную жизнь, повседневность. Начинается поиск символов, смыслов, значений. Происходит поиск императивов коллективной идентичности.

В рамках данной работы необходимо обратить внимание на процессы регионализации (глокализации) социокультурной деятельности Церкви, которые являются следствием процессов глобализации.

С середины 90-х гг. XX в. наряду с федеральными Соглашениями по всей России подписывались региональные Соглашения. В качестве примера региональных соглашений между Церковью и государственными органами могут служить Договор о взаимодействии администрации Белгородской области Российской Федерации и Белгородской епархии Русской православной церкви в сфере образования от 15 сентября 2001 г., Договор о сотрудничестве Московской епархии Русской православной церкви и Министерства образования Московской области от 22 октября 2002 г., Соглашение о сотрудничестве между Московской епархией Русской православной церкви и Комитетом по делам молодежи Московской области от 15 апреля 2002 г., Соглашение о совместной научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности между Министерством общего и профессионального образования Свердловской области и Управлением Екатеринбургской епархии Русской православной церкви от 10 января 2001 г., Соглашение о сотрудничестве между Московской епархией Русской православной церкви и Управлением исполнения наказаний Московской области от 28 ноября 2002 г., Соглашение о сотрудничестве между Екатеринбургской епархией Русской православной церкви и Управлением Государственной противопожарной службы ГУВД Свердловской области от 3 апреля 1998 г., Соглашение о сотрудничестве между Екатеринбургской епархией Русской православной церкви и Среднеуральским УВД на транспорте МВД России от 11 февраля 2002 г., Соглашение о сотрудничестве между Ставропольской епархией и Министерством образования Ставропольского края от 16 мая 2002 г., Соглашение о сотрудничестве администрации Кемеровской области и Кемеровской епархии от 20 февраля 1998 г. и т. д.

В Ярославской области также сложилась целая система действующих договоров и соглашений с ведущей конфессией области – Русской православной церковью. Соглашения о сотрудничестве РПЦ и власти в различных сферах жизни подписывались напрямую с администрацией и руководством департаментов области, при посредничестве советника губернатора по религиозным вопросам.

В прошедшие десятилетия после распада СССР проводилась целенаправленная работа по взаимодействию областной администрации и Ярославской епархии по широкому кругу вопросов, связанных с православным образованием и просвещением. Приведем некоторые примеры.

Последствием соглашения от 22 мая 1995 г. стал рост количества воскресных школ (до 46), увеличилось количество православных гимназий, организована работа детских летних православных лагерей, созданы отделы православной литературы в ряде городских библиотек области; администрация оказывала финансовую поддержку в выпуске газеты «Ярославские епархиальные ведомости»; на базе института повышения квалификации работников просвещения проведена учеба учителей области по программе, разработанной епархией и согласованной с департаментом образования; подписано Соглашение о сотрудничестве между Ярославской епархией и Управлением внутренних дел Ярославской области; организована духовно-просветительская деятельность священнослужителей Ярославской епархии в учреждениях, исполняющих наказание. В ЯГПУ им. К. Д. Ушинского открыта кафедра теологии, выпускающая специалистов-теологов, работающих в сфере государственно-церковных отношений.

Существенный импульс активизации социокультурной деятельности РПЦ придало постановление губернатора области от 24 декабря 1998 г. «О подготовке и проведении 2000-летия христианства». Согласно постановлению были разработаны мероприятия, включающие проведение православных и церковно-государственных праздников, концертов, музыкальных фестивалей, научных конференций; организация циклов передач на областном радио и телевидении, публикаций в периодической печати, издание книг и брошюр. В области регулярно устраивались научно-практические конференции, «круглые столы» и семинары. Так, 14–16 мая 1996 г. состоялась Всероссийская конференция «Культура. Православие. Образование». С 1998 г. при содействии администрации устраивались Всероссийские «Иеринарховские чтения», традиционными стали «Игнатъевские чтения». На них разбирались как богословские, так и насущные проблемы российского общества. Событием всероссийского

масштаба стала научно-практическая конференция «Церковь и общество: пути взаимодействия в сфере образования, науки и культуры», состоявшаяся с 18 по 20 февраля 2003 г. в Ярославле. Конференция была организована администрацией Ярославской области, Ярославским епархиальным управлением и Российской академией образования. В центре внимания участников конференции находился вопрос о введении преподавания основ православной культуры в образовательных учреждениях Ярославской области. Конференция проходила под патронажем Управления Администрации Президента РФ, полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко.

Необходимо обратить внимание на еще один важный показатель процесса регионализации социокультурной деятельности РПЦ: противостояние сектам. Процесс глобализации спровоцировал тенденцию распространения различных религиозных групп и обществ во всем мире, в том числе и в России. Распространение новых религиозных движений, подчас деструктивных, большинство специалистов называют сектами. Данный термин принял законодательную окраску после рассмотрения ряда дел в судах Российской Федерации, в том числе в Верховном суде России. Активизация деятельности Церкви в борьбе с этими организациями произошла именно в регионах.

Это произошло не только вследствие отсутствия федерального законодательства. Здесь можно увидеть и тенденцию к осознанию Церковью своей роли в процессе трансформации российской цивилизации, так как деятельность новых религиозных организаций рассматривалась, прежде всего, как угроза цивилизации и коллективной идентичности. Поэтому мы находим массу проявлений процессов глокализации, связанных с данной тенденцией.

Законодательные инициативы, инициированные Церковью и поддержанные общественными организациями, возникли не менее чем в 15 областях и регионах.

Так, принятый Тульской областной думой 24 ноября 1994 года Закон «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Тульской области» стал первым областным Законом. Вопреки федеральному законодательству, предусматривалось получение дополнительного разрешения местных властей на религиозную деятельность, предоставление дополнительных документов. Иностранцы миссионеры должны были согласовывать программу своих мероприятий с органами аккредитации. Лица моложе 18 лет должны были иметь письменное соглашение родителей на участие в проповеди [6].

В региональном законодательстве, не правовом по своей природе, появляются жесткие термины для деструктивных организаций. В Рязанской области вслед за Законом «О регулировании миссионерской деятельности организаций на территории Рязанской области» принимается проект «О регламентации религиозных организаций на территории Рязанской области», в котором содержалось понятие «тоталитарная организация», трактуемое как «религиозная организация... наносящая ущерб физическому, психическому и социальному здоровью» граждан [7].

В Ярославской области проблема распространения деструктивных религиозных объединений была затронута в соглашении между администрацией Ярославской области и Ярославской епархией РПЦ, заключенном в 1996 г. В соглашении не определялось жестких ограничений для «тоталитарных организаций», так как это было, прежде всего, соглашение о сотрудничестве в культурной области. Однако 10-й пункт соглашения ясно определил: «...сотрудничать в изучении и разъяснении сущности различных тоталитарных сект, действующих на территории Ярославской области, разрушающих семейный уклад жизни, угрожающих целостности национального самосознания, наносящих вред духовно-нравственному и физическому здоровью людей» [8].

Приведенные примеры – малая часть большого комплекса актов и событий социокультурной деятельности Церкви в регионах. Но и приведенные факты уже свидетельствуют об активизации социокультурной деятельности РПЦ в провинции. Эта тенденция является показателем перемещения духовной жизни в регионы, что свидетельствует в свою очередь о том, что Церковь реагирует на процесс поиска людьми коллективной идентичности в связи с постепенным размыванием объединяющих цивилизацию императивов.

Итак, подведем итог. Процесс глобализации, затронувший российское общество, определил векторы социокультурной деятельности РПЦ. Церковь была вынуждена сформулировать свою позицию к новой парадигме современного мира, были поставлены конкретные задачи – христианизация культуры и борьба с секуляризмом. Стратегической целью стало

формирование коллективной идентичности на базе религиозных ценностей. Изменился и механизм деятельности РПЦ: смещение ее акцентов в регионы, трансформация от вертикальных принципов ее организации к горизонтальным, детерминируемым различными провинциальными особенностями.

Примечания

1. Святейший Патриарх Кирилл отказался инкультурировать христианство [Электронный ресурс]. URL: Lenta / <http://www.bogoslov.ru/text/573415/index.html>).
2. Там же.
3. Там же.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.
5. Панарин А. С. Православная цивилизация [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/book/panarin_a/pravoslavnaya_tsivilizatsiya.html
6. Религия и право. 1997. № 1. С. 4.
7. История религий в России / под общ. ред. Н. А. Трофимчука. М., 2001. С. 527.
8. Соглашение между администрацией Ярославской области и Ярославской епархией Русской православной церкви // Ярославские епархиальные ведомости. 1996. Май – июнь. № 5–6. С. 2.

Notes

1. His Holiness Patriarch Kirill refused to inculturate Christianity [electronic resource]. Available at: Lenta / <http://www.bogoslov.ru/text/573415/index.html>).
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsij [The Clash of Civilizations]. Moscow: "AST" Publ. 2003.
5. Panarin A. Orthodox civilization [electronic resource]. URL: http://royallib.ru/book/panarin_a/pravoslavnaya_tsivilizatsiya.html
6. Religion and Law. 1997. № 1. С. 4.
7. History of Religions in Russia / under total. Ed. NA Trophimchuk. M., 2001, pp 527.
8. Soglashenie mezhdru administratsiej YAroslavskoj oblasti i YAroslavskoj eparkhiej Russkoj pravoslavnoj tserkvi [The agreement between the administration of the Yaroslavl region and Yaroslavl diocese of the Russian Orthodox Church] // YAroslavskie eparkhial'nye vedomosti – Yaroslavl diocesan statements, 1996 May – June, № 5-6, p. 2.

УДК 769.5

С. А. Чорбачиди

К истории издания и распространения открыток Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны при Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении

Благотворительное общество великой княгини Ольги Александровны – известная благотворительная организация начала XX в., осуществлявшая в период с 1903 по 1904 г. издание и распространение художественных открытых писем с собственноручными рисунками великой княгини. Его издательская деятельность стала явлением на филокартическом рынке тех лет: отличаясь высоким уровнем художественного исполнения, открытки Благотворительного общества получали награды на крупнейших международных выставках и пользовались огромным покупательским спросом. В настоящей статье впервые дается характеристика основных этапов и направлений деятельности благотворительного общества по изданию и распространению открыток, основанная на документах Российского государственного исторического архива и официальных опубликованных отчетах этой организации, приведена характеристика ее издательского репертуара.

Charitable Society at St. Petersburg maternity institution under the Royal Guardianship of of Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna is a well-known charitable organization which functioned in the early 20 th century. It is famous for publishing and selling pictorial postcards with drawings

of the Grand Duchess. This publishing activity has become a phenomenon on the market in those years: the artistic printing performance of the postcards was a very high level; the postcards received awards at international exhibitions, were in enormous consumer demand. This paper first establishes the characteristics of the main steps and activities of the Charitable Society for the publication and distribution of postcards, based on the documents of the Russian State Historical Archive and official reports published by the organization, shows the characteristics of its publishing repertoire.

Ключевые слова: русская благотворительная открытка, художественная открытка, великая княгиня Ольга Александровна, Благотворительное общество при Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении, искусство великой княгини Ольги Александровны, издательское дело, благотворительность, русская эмиграция.

Keywords: charity postcard, pictorial postcard, Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna, Charitable Society at St. Petersburg maternity institution, charity, picture of Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna, publishing, charity, Russian emigration.

Отечественная благотворительная открытка начала XX в. представляет собой обособленную разновидность изобразительной открытки, которая характеризуется рядом особенностей издания и бытования, определяющих ее видовое своеобразие, делающее сам факт ее возникновения явлением, достойным научного изучения. Одной из таких особенностей является издатель, в роли которого в то время достаточно часто выступали организации, состоящие под попечительством членов императорской фамилии. В число таких ведомств входило и состоящее под августейшим попечительством Её Императорского Высочества великой княгини Ольги Александровны Благотворительное общество при Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении – таково его полное название. Оно не просто носило имя покровительствовавшей ему великой княгини и родной сестры императора Николая II, но и издавало собственноручно оформленные ею открытки.

Известно, что Ольга Александровна (1882–1960), будучи способной к рисованию, с детства занималась живописью под руководством профессиональных художников и достигла на этом поприще больших успехов. Рисование стало важным делом, которому она посвятила всю свою жизнь. В 1912–1917 гг. она даже была избрана президентом основанного ею Общества им. К. Я. Крыжицкого в Петербурге [1] и часто показывала свои акварели на его выставках. Эмигрировав в апреле 1919 г. в Данию, она продолжала писать пейзажи и натюрморты, преимущественно в технике акварели, сочиняла и иллюстрировала рассказы для детей. В 1930-х гг. Ольга Александровна участвовала в выставках русского искусства в Белграде и Берлине, в 1936 г. провела персональную выставку в Лондоне, а в 1938 и 1939 гг. выступала в галерее Р. Loujetsky в Гааге [2]. Что касается оформления открыток, то оно стало одним из важных направлений творческой деятельности великой княгини. Так, например, ею были созданы эскизы для более чем 20 открыток, выпущенных Общиной Святой Евгении, нескольких открыток датского издательства «Alex Vincents Kurstforlag» и для 23 открыток состоящего под ее попечительством благотворительного общества [3].

Благотворительное общество великой княгини Ольги Александровны было создано в 1902 г. с целью оказания помощи бедным роженицам Санкт-Петербургского родовспомогательного заведения, а также неимущим слушательницам Повивального института и школы при нем [4] и стало вторым по времени в списке учреждений, состоящих под председательством, покровительством, попечительством и носящих имя великой княгини Ольги Александровны – в общей сложности этот список включает в себя 40 (!) позиций [5]. В число почетных членов общества входили такие представители царской фамилии, как, например, сам император Николай II, императрица Мария Федоровна [6], великий князь Михаил Александрович, первый супруг Ольги Александровны принц Петр Александрович Ольденбургский и др. Помимо них в Благотворительном обществе великой княгини Ольги Александровны состояли митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, протоиерей Иван Ильич Сергеев (Кронштадтский), генерал-лейтенант Н. А. Протасов-Бахметьев и другие известные деятели тех лет [7].

Важнейшим источником для изучения издательской деятельности Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны служат материалы РГИА, хранящиеся в фонде канцелярии Министерства Императорского двора и, прежде всего, дело «О разрешении Совету Благотворительного общества при Санкт-Петербургском родовспомогательном

заведении печатать конверты со штемпелем Общества и собственноручные рисунки Великой княгини Ольги Александровны», начатое 6 июля 1902 г. и оконченное 13 января 1904 г., на 57 листах [8]. В него входят различные официальные документы, в том числе отношения и разрешения императорской цензуры на печать открыток, в которых четко прописано, сколько почтовых карточек и каким числом было допущено к печати, что, на наш взгляд, является бесценной информацией, четко запротоколированной только благодаря тому, что предполагавшиеся к изданию открытки были оформлены августейшей попечительницей общества: их издание требовало подтверждения Министерства цензуры Императорского двора.

Согласно сохранившимся документам, началом издательской деятельности Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны можно считать 6 июля 1902 г.: в этот день секретарем его совета В. Батюшковым в отделение цензуры Министерства Императорского двора был отправлен конверт форматом 11х9 см, содержащий на клапане печать этого ведомства [9]. Слева от нее рукой великой княгини была проставлена «виза»: «Согласна. Печатать. Ольга» [10]. К конверту прилагалось отношение: «Представляя при сем конверт со штемпелем собственноручно утвержденным Ея Императорским Высочеством Великой княгиней Ольгой Александровной, имею честь по поручению Совета общества покорнейше просить разрешить означенный штемпель к печати на открытых письмах, рисунках и других изданиях общества» [11]. Цензурное разрешение на печать «означенного штемполя на открытых письмах, рисунках и других изданиях общества» было получено всего через девять дней: 15 июля [12].

7 декабря 1902 г. в Министерство Императорского двора от В. Батюшкова поступили и планируемые к изданию 8 образцов открытых писем, созданных по эскизам великой княгини Ольги Александровны [13] с «бытовыми» сюжетами, в том числе: «Крестьянская семья», «Санки», «Дети у крыльца», «Шли три...», «Казачок», «Малыш», «По грибы», «Дети зимой» [14]. Все они содержат на иллюстрированной стороне монограмму художницы: «О. А.» с указанием года (именно так чаще всего Ольга Александровна подписывала открытки, созданные до Октябрьской революции 1917 г. [15]). Кроме того, там же помещено и название отпечатывавшей их типографии: «Р. Р. Голике». Адресная сторона почтовых карточек выполнена без разделительной черты и оформлена эмблемой благотворительного общества, расположенной в левом углу сверху.

По всей видимости, Совет Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны был обеспокоен сложившейся в то время ситуацией, связанной с ограничением в стране выпуска открыток, имеющих отношение к царской семье, – для подобной деятельности в большинстве случаев требовалось специальное разрешение [16]. Об этом беспокоит свидетельствует обнаруженная в архиве этой организации анонимная «записка для памяти», датированная 12 декабря 1902 г., в тексте которой содержалась следующая справка, касающаяся правомерности издания открыток с рисунками августейшей художницы:

«1. Рисунок означенного штемполя в июле с. г. одобрен Ея Императорским Высочеством Великой Княгиней Ольгой Александровной и Министерством Императорского Двора разрешен к печати на открытых письмах и других изданиях общества.

2. В ноябре 1901 г. последовало Высочайшее повеление разрешить Общине Св. Евгении помещать на бланках открытых писем изображения высочайших особ, но при условии, чтобы рисунки предварительно представлялись на цензуру Министерства Императорского Двора и чтобы на бланках помещался знак Красного Креста.

3. Примеров разрешения [печати] рисунков с инициалами высочайших особ не было» [17].

Из документов следует, что 31 декабря 1902 г. Совет Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны получил разрешение на издание упомянутых открыток, скрепленное подписью заместителя начальника канцелярии Министерства Императорского двора М. Гардера [18]. 17 ноября 1903 г. в обозначенное министерство поступило для получения цензурного разрешения еще 15 корректурных экземпляров открыток издания Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны [19], оформленных ею августейшей попечительницей и отличавшихся разнообразием сюжетов, в том числе: «Саров», «Мостик», «В бурке», «Маленький и большой», «Солдаты у палатки», «Солдаты на поле», «Охотничья сцена», «Матросы за обедом», «Матрос отдающий честь», «Матросы драющие палубу», «Зима. Мальчик и девочка у елки», «Дети», «Крестьянка с ребенком на руках»,

«Девушка с ведрами», «Купающиеся дети». Почти все они также подписаны монограммой «О. А.», но теперь уже без указания года. Адресная сторона этих открыток по своему оформлению практически не отличается от адресной стороны почтовых карточек предшествующего тиража, однако их новой отличительной особенностью являются порядковые издательские номера, помещенные в ее верхней центральной части (№ 9–23 соответственно приведенному выше перечню открыток). На адресной стороне приведено также и название отпечатывавшей открытки типографии: Н. Собко.

Нельзя не сказать и о том, что помимо упомянутых открыток с рисунками великой княгини в 1903 г. Благотворительным обществом были выпущены еще две открытки, оформленные другими известными художниками: это «Витязь на распутье» В. М. Васнецова (№ 24) и «Пруд» И. И. Ендогурова (№ 25) [20]. Именно этими изданиями была завершена деятельность Благотворительного общества Великой княгини Ольги Александровны по выпуску изобразительных открыток. К сожалению, нам не известны истинные причины ее завершения, но мы склонны предположить, что одной из них могло стать начало Русско-японской войны (27 января 1904 г.), в значительной мере оказавшее влияние на изменения в деятельности благотворительных организаций самого разного профиля. Несмотря на это, и некоторое время спустя Благотворительное общество великой княгини Ольги Александровны продолжило использовать распространение благотворительных открыток среди населения России как способ привлечения в свою казну дополнительных денежных средств, правда, вероятнее всего, уже не выступая в роли их непосредственного издателя. Так, нами было выявлено несколько открыток с рисунками Ольги Александровны, выпущенных уже после 1904 г. Товариществом Р. Голике и А. Вильборг, часть из них содержит надпечатки [21] с изображением эмблемы Благотворительного общества, свидетельствующие о том, что деньги от продажи открыток распределялись на его нужды.

Распространением открыток Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны, занимался специальный отдел, входивший в его состав, – экспедиция изданий, располагавшаяся по адресу: Адмиралтейский канал, д. 23. В роли уполномоченного по продаже и распространению изданий общества выступал Фридрих Борисович Бернштейн [22], известный и как издатель открыток другой благотворительной организации – Императорского женского патриотического общества [23] (примечательно, что великая княгиня Ольга Александровна с 30 ноября 1901 г. являлась помощницей попечительницы Петербургской школы, принадлежавшей этому обществу [24]). Есть сведения и о том, что после 1908 г. он являлся хозяином и руководителем известного художественно-графического заведения «Унион» [25].

Распространение художественных открыток осуществлялось в различных формах, прежде всего, магазинной, почтово-посылочной и ярмарочной. Первая выразилась в том, что открытые письма Благотворительного общества продавались в «лучших магазинах Петербурга» (писчебумажных, эстампных и др.), а также непосредственно в экспедиции изданий общества. Почтовая пересылка открыток осуществлялась бесплатно при заказе более 10 экземпляров почтовых карточек [26] по цене 10 копеек за экземпляр (1903 г.) [27]. При продаже открыток предусматривались «спецпредложения» для покупателей: все 8 открыток первой серии предлагалось приобрести по цене 70 копеек, все 17 открыток второй – за 1 р. 50 к. Комплект из всех 25 открыток продавался по цене 2 рубля [28].

Продажа открыток осуществлялась также на ярмарках и выставках самого разного профиля, например в 1903 г. «наибольшее количество писем» было продано на «Выставке костюмов», организованной в залах Таврического дворца [29]. Небольшой киоск с открытыми письмами Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны был размещен на международной научно-практической выставке «Детский мир» [30], проводившейся в залах Таврического дворца с 22 ноября 1903 г. [31] по 25 января 1904 г. [32], на которой экспонировались предметы, так или иначе «имеющие отношение к детскому миру» [33]. Общая выручка от продажи открыток в рамках этого мероприятия составила огромную по тем временам сумму – 101 рубль 5 копеек [34].

Пользовались спросом открытые письма Благотворительного общества и на базарах, организованных Петербургской городской думой 13–15 и 19–21 марта 1904 г. в «пользу детей погибших матросов и бесплатной столовой Е. П. Калачевой» и «в пользу высших женских курсов», – там они были проданы в количестве 2424 экземпляра. Чистый доход от их прода-

жи, а также от продажи других товаров в рамках этих мероприятий в общей сложности составил 265 рублей 30 копеек [35].

С 27 по 31 января 1904 г. «палатка» благотворительного общества с товарами, в число которых входили и выпущенные им открытки, была размещена на «Великосветском благотворительном базаре», организованном великой княгиней Марией Павловной в малом зале дворянского собрания [36]. Нельзя не сказать о том, что проведение этого мероприятия было ярким и масштабным событием своего времени: вся выручка предназначалась сорока двум благотворительным обществам, 16 из которых находились под покровительством Марии Павловны [37]. Всего в рамках благотворительного базара было реализовано 1520 открыток, а также 40 «шквал» [38] помещенных на них рисунков. Чистый доход, поступивший в казну благотворительного общества после проведения базара, составил 534 рубля [39].

Говоря о деятельности Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны как издателя открыток, нельзя не сказать о том, что о ее значительных масштабах свидетельствует и факт воспроизведения издаваемых им открытых писем в известных периодических изданиях тех лет. Так, например, в одном из номеров художественно-литературного журнала «Новая иллюстрация» были опубликованы открытки «Дети» (№ 20), «Крестьянка с ребенком на руках» (№ 21), «Мостик» (№ 10), и «Девушка с ведрами» (№ 22) [40]. Кроме того, в архиве благотворительного общества сохранились сведения о планируемом воспроизведении открыток в журнале «Нива» [41], которые, к сожалению, так и не были выявлены в просмотренных нами подшивках этого издания за 1903–1905 гг.

Подводя итоги издательской деятельности Благотворительного общества великой княгини Ольги Александровны нельзя не сказать о том, что в 1903 г. им была выпущена 81 000 открыток, половина из которых успешно реализована; чистый доход от их продажи составил 179 рублей 40 копеек [42] – значительную по тем временам сумму, если учесть тот факт, что зарплата рабочего составляла в 1903 г. 17,4 рубля [43]. Важнейшую роль в этом процессе сыграл Ф. Б. Бернштейн: при его посредничестве было продано 18200 экземпляров открыток, в то время как все остальные члены Совета общества смогли реализовать только 3000 экземпляров открытых писем [44]. В 1904 г. выручка от реализации открыток возросла более чем в два раза и составила 429 рублей 68 копеек, в то время как «в запасе» организации оставалось еще 20 000 экземпляров нереализованных открыток [45]. Открытки Благотворительного общества были удостоены наград на престижных международных выставках, в том числе «diplome d'honneur» («диплом почетного легиона») на выставке в Реймсе в 1903 г. и «Гран-при» на выставке в Париже в 1904 г. [46]

Что касается настоящего времени, необходимо отметить «преимущество» успеха этих открыток – они пользуются колоссальным спросом на современном антикварно-букинистическом рынке Москвы. Их средняя стоимость колеблется в пределах двух тысяч рублей и нередко доходит до пяти и более тысяч рублей [47]. Это связано с различными причинами, в число которых входит не только общественный интерес к царской семье, связанный с празднованием в 2013 г. 400-летия Дома Романовых, но и высокие эстетические качества самих рисунков великой княгини Ольги Александровны, талантливого художника и милосердного человека.

Примечания

1. Общество имени К. Я. Крыжицкого (1912–1917), или Общество помощи нуждающимся художникам в память академика К. Я. Крыжицкого, – благотворительная организация, целью которой являлось «оказание поддержки нуждающимся художникам и их семьям, ученикам и ученицам Академии [художеств], школ и частных мастерских». (См.: Удальцова М. В. «Искусство Великой княгини» на Сибирской земле [Электронный ресурс] // Голос совести. Электрон. дан. [Тверь]: Голос совести, [б. г.]. URL: http://golos-sovesti.org/?topic_id=1&mode=print&gzt_id=418, свободный. Загл. с экрана. Дата обращения: 23. 02. 2014).

2. *Лейкинд О. Л.* Художники русского зарубежья 1917–1939: биограф. словарь. СПб., 1999. С. 425.

3. Каталог изданий открыток Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны // Жук. 2007. № 4(15). С. 25–26.

4. *Жерихина Е. И.* Благотворительное общество Великой княгини Ольги Александровны [Электронный ресурс] // Энциклопедия благотворительности. Санкт Петербург. Электрон. дан. [СПб.]: Фонд им. Д. С. Лихачева, [б. г.]. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2809079348>, свободный. Загл. с экрана. Дата обращения: 23. 02. 2014.

5. Фролова С. А. К вопросу об общественной деятельности Великой княгини Ольги Александровны // Общество и власть: материалы Всерос. науч. конф. СПб.: Гос. ун-т культуры и искусства, 2006. С. 125–132.
6. Жерихина Е. И. Указ. соч.
7. Отчет о деятельности состоящего под Августейшим Попечительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны Благотворительного общества при С.-Петербургском Родовспомогательном заведении. За 1903 год (с 1-го декабря 1902 г. по 1 декабря 1903 года). СПб., 1903. С. 13–14.
8. РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (475/2424). Ед. хр. № 162.
9. Подробное описание печати см. в издании: Устав Благотворительного общества Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны. СПб., 1905. С. 12.
10. РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (475/2424). Ед. хр. № 162. Л. 2.
11. Там же. Л. 1.
12. Там же. Л. 3.
13. Там же. Л. 4.
14. Здесь и далее названия открыток приведены по публикации: Каталог изданий открыток Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны // Жук. 2007. № 4(15). С. 25–26.
15. Будить в человеческом сердце. Интервью с Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой, председателем фонда «Программа помощи России» // Жук. 2007. № 4(15). С. 13.
16. Так, например, только в 1910 г. Императором Николаем II был разрешен свободный выпуск в обращение открытых писем с изображением особ Императорской фамилии. (см.: Циркуляр Начальника главного управления почт и телеграфов. 10 августа 1910 г. № 41. О бланках почтовых карточек с изображением особ Императорской фамилии // Почтово-телеграфный журнал. Отдел официальный. 1910. № 32. С. 508.)
17. РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (475/2424). Ед. хр. № 162. Л. 5.
18. Там же. Л. 6.
19. Там же. Л. 7.
20. Отчет о деятельности... С. 21.
21. Надпечатка – собирательное название рисунков или текстов, нанесенных на почтовые марки или блоки, полностью готовые к выпуску или уже поступившие в почтовое обращение. В зависимости от способа нанесения различают надпечатки ручные и типографские (см.: Большой филателистический словарь. М.: Радио и связь, 1988. С. 198).
22. Отчет о деятельности... С. 21.
23. Туманинов А. Г. Открытые письма в пользу школ императорского женского патриотического общества // Филокартия. 2013. № 3(33). С. 35.
24. Фролова С. А. Указ. соч. С. 125–132.
25. Сеславинский М. В. Книги для гурманов. М., 2010. С. 119.
26. Состоящее под Августейшим попечительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны Благотворительное общество при С.-Петербургском Родовспомогательном заведении // Листок состоящей под августейшим покровительством Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны международной научно-промышленной выставки «Детский мир». 1904. № 17 и 18. (25-го января). С. 4.
27. В 1903 г. средняя зарплата рабочего составляла 17,4 рубля. (См.: Как жил русский рабочий до революции [Электронный ресурс] // Портал о России. Электрон. дан. [Б. м.]; [б. г.]. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/eho-istorii-sestry-miloserdiya-kak-eto-bylo>, свободный. Загл. с экрана. Дата обращения: 23. 02. 2014)
28. Отчет о деятельности... С. 21.
29. Там же.
30. Состоящее под Августейшим попечительством... С. 4.
31. Хроника выставки // Листок состоящей под августейшим покровительством Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны международной научно-промышленной выставки «Детский мир». 1903. № 1. (22-е ноября). С. 30.
32. Там же. С. 33.
33. Там же. С. 8.
34. Отчет о деятельности состоящего под августейшим попечительством ея императорского высочества Великой Княгини Ольги Александровны Благотворительного общества при Императорском С.-Петербургском родовспомогательном заведении за 1904 г. (с 1-го декабря 1903 г. по 1 декабря 1904 г.) и состоящей при нем Столовой для слушательниц повивального института (с 27 октября 1902 г. по 1 декабря 1904 г.). СПб., 1905. С. 18.
35. Там же. С. 15.
36. Там же.

37. Великосветский благотворительный базар // Нива. 1904. № 2. С. 36.
38. Под «шкалой» подразумевается особая книжка, снабженная 16 рисунками, представляющими собой постепенное образование рисунка открытого письма по мере его печатания (см. Отчет о деятельности состоящего под Августейшим Попечительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны Благотворительного общества при С.-Петербургском Родовспомогательном заведении. За 1903 год. (с 1-го декабря 1902 г. по 1 декабря 1903 года). СПб., 1903. С. 21).
39. Отчет о деятельности состоящего под августейшим попечительством ея императорского высочества Великой Княгини Ольги Александровны Благотворительного общества при Императорском С.-Петербургском родовспомогательном заведении за 1904 г. (с 1-го декабря 1903 г. по 1 декабря 1904 г.) и состоящей при нем Столовой для слушательниц повивального института (с 27 октября 1902 г. по 1 декабря 1904 г.). СПб., 1905. С. 15.
40. Новая иллюстрация. Художественно-литературный журнал, издаваемый при «Биржевых ведомостях». 1904. № 4 (28 января). С. 26–28.
41. РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (475/2424). Ед. хр. № 162. Л. 9.
42. Отчет о деятельности состоящего под Августейшим Попечительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны Благотворительного общества при С.-Петербургском Родовспомогательном заведении. За 1903 год. (с 1-го декабря 1902 г. по 1 декабря 1903 года). СПб., 1903. С. 21.
43. Как жил русский рабочий до революции [Электронный ресурс] // Портал о России. Электрон. дан. [Б. м.]; [б. г.]. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/eho-istorii-sestry-miloserdiya-kak-eto-bylo>, свободный. Загл. с экрана. Дата обращения: 23. 02. 2014.
44. Там же. С. 21.
45. Отчет о деятельности состоящего под августейшим попечительством ея императорского высочества Великой Княгини Ольги Александровны Благотворительного общества при Императорском С.-Петербургском родовспомогательном заведении за 1904 г. (с 1-го декабря 1903 г. по 1 декабря 1904 г.) и состоящей при нем Столовой для слушательниц повивального института (с 27 октября 1902 г. по 1 декабря 1904 г.). СПб., 1905. С. 18.
46. Там же. С. 18.
47. См., напр.: Molotok.ru [Электронный ресурс] / Молоток. ру.- Электрон. дан. М.: Молоток.ру, [1999]. URL: <http://www.gelos.ru/> <http://university.molotok.ru/>, свободный. Загл. с экрана. Послед. дата обновления: 27.03.2014.

Notes

1. Company named after Kryzhitsky K.Y. (1912-1917), or the Society for the Aid to needy painters in memory of academician K. Y. Kryzhitsky – a charitable organization whose purpose was to "support the needy artists and their families, students and female students from the Academy [of Arts], schools and private workshops." (See: Udaltsova M.V. «Iskusstvo Velikoj knyagini» na Sibirskoj zemle ["The Art of the Grand Duchess" in the Siberian land] [electronic resource] // Golos sovesti -Voice of conscience. Electron. data [Tver]: Golos sovesti – The voice of conscience, [b. G]. Available at: http://golos-sovesti.org/?topic_id=1&mode=print&gzt_id=418, free. Caps. from the screen. Accessed date: 23 02 2014) (in russ.).
2. *Leykind O.L.* [Russian artists of abroad 1917-1939: biograph. dictionary. St. Petersburg. 1999. P. 425.
3. Katalog izdanij otkrytok Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj knyagini Ol'gi Aleksandrovny [Catalogue of publications of postcards of Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna] // ZHuk – Beetle, 2007, № 4 (15), pp. 25-26.
4. *Zherikhina E.I.* [Charity community of Grand Duchess Olga Alexandrovna] [electronic resource] // Encyclopedia of charity. St. Petersburg. Electron. data [St. Petersburg.]: fund of D.S. Likhachev, [b. y]. Available at: <http://enblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2809079348>, free. Caps. from the screen. Access Date: 23 02 2014. (in Russ.)
5. *Frolov S.A.* K voprosu ob obshchestvennoj deyatelnosti Velikoj knyagini Ol'gi Aleksandrovny // Obshchestvo i vlast' [On the question of social activities of the Grand Duchess Olga Alexandrovna] // Society and Power: Proc. of All-Russia scientific. conf. St.Petersburg: State. Univ of Culture and Arts, 2006, pp. 125-132.
6. *Zherikhina E.I.* Op. cit.
7. Otchet o deyatelnosti sostoyashchego pod Avgustejschim Popechitel'stvom Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyagini Ol'gi Aleksandrovny Blagotvoritel'nogo obshchestva pri S.-Peterburgskom Rodovspomogatel'nom zavedenii. Za 1903 god (s 1-go dekabrya 1902 g. po 1 dekabrya 1903 goda) [Report on the activities of those who are under guardianship Most August of Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna of Charity at the St. Petersburg maternity institution. For 1903 (from 1 December 1902 to 1 December 1903)]. St. Petersburg., 1903, pp. 13-14.
8. RSHA. F. 472, Op. 43 (475/2424). Store unit № 162.
9. A detailed description of printing, see. In the publication: Ustav Blagotvoritel'nogo obshchestva Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj knyagini Ol'gi Aleksandrovny [Charter Charity of Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna]. St. Petersburg., 1905, p. 12.
10. RSHA. F. 472, Op. 43 (475/2424). Store unit № 162. Sh. 2.

11. Ibid. Sh. 1.
12. Ibid. Sh. 3.
13. Ibid. Sh. 4.
14. Hereafter, name cards are given to the publication: Katalog izdanij otkrytok Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj knyagini Ol'gi Aleksandrovny [Catalogue of Publications postcards Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna] // ZHuk – Beetle. 2007, № 4 (15), pp. 25-26.
15. Budit' v chelovecheskom serdtse [Waking in the human heart]. Interview with Olga Nikolaevna Romanova, Kulikov, chairman of the Foundation "program to help Russia" // ZHuk – Beetle, 2007, № 4 (15), p. 13.
16. For example, only in 1910 Emperor Nicholas II allowed free issuance of open letters depicting ladies of the imperial family. (see: TSirkulyar Nachal'nika glavnogo upravleniya pocht i telegrafov. 10 avgusta 1910 g. № 41. O blankakh pochtovykh kartochek s izobrazheniem osob Imperatorskoj familii [Circular of the Head of Main Department of Posts and Telegraphs. Aug. 10, 1910 № 41. About letterhead postcards depicting ladies of the imperial family] // Pochtovo-telegrafnyj zhurnal. Otdel ofitsial'nyj – Post and Telegraph Journal. Official department, 1910, № 32, p. 508)
17. RSHA. F. 472, op. 43 (475/2424). Store unit № 162. Sh. 5.
18. Ibid. Sh. 6.
19. Ibid. Sh. 7.
20. Report on the activities of ... P. 21.
21. Overlay is a collective name, pictures or text printed on postage stamps or blocks, fully ready for release or already arrived in the post-treatment. Depending on the application manual imprinter and printing are distinguished (see: Large philatelic dictionary. Moscow: Radio I Svyaz'. 1988. P. 198).
22. Report on the activities of ... P. 21.
23. Tumaninov A.G. Otkrytye pis'ma v pol'zu shkol imperatorskogo zhenskogo patrioticheskogo obshchestva [Open letters in favor of the imperial school of female patriotic society] // Filokartiya – Postcards, 2013, № 3 (33), p. 35.
24. Frolova S.A. Op. cit. Pp. 125-132.
25. Seslavinskiy M.V. Knigi dlya gurmanov – Books for foodies. Moscow. 2010. P. 119.
26. [Charitable Society at St. Petersburg maternity institution under the patronage of Her Most August Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna] // Listok sostoyashchej pod avgustejskim pokrovitel'stvom Eya Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny mezhdunarodnoj nauchno-promyshlennoj vystavki «Detskij mir» – Leaf composed under the august patronage of Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna international scientific-industrial exhibition "Children's World", 1904, № 17 and 18 (on January 25), p. 4.
27. In 1903, the average salary worker was 17.4 rubles. (See: Kak zhil russkij rabochij do revolyutsii [How lived Russian workers before the revolution] [electronic resource] // Portal o Rossii – Portal about Russia. Electron. data [B. m.] [B. G]. Available at: <http://www.miloserdie.ru/articles/eho-istorii-sestry-miloserdiya-kak-eto-bylo>, free – Caps. from screen, access date: 23 02 2014) (in Russ.)
28. Otchet o deyatel'nosti... [Report on the activities of ...]P. 21.
29. Ibid.
30. Is under the august patronage of.. P. 4.
31. KHronika vystavki [Exhibition chronicles] // Listok sostoyashchej pod avgustejskim pokrovitel'stvom Eya Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny mezhdunarodnoj nauchno-promyshlennoj vystavki «Detskij mir». 1903. № 1. (22-e noyabrya) – Leaf Chronicle composed by august patronage of Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna to international scientific-industrial exhibition "Detsky mir". 1903, № 1, (22th November), p. 30.
32. Ibid. P. 33.
33. Ibid. p. 8.
34. Otchet o deyatel'nosti sostoyashchego pod avgustejskim popechitel'stvom eya imperatorskogo vysochestva Velikoj Knyagini Ol'gi Aleksandrovny Blagotvoritel'nogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom rodovspomogatel'nom zavedenii za 1904 g. (s 1-go dekabrya 1903 g. po 1 dekabrya 1904 g.) i sostoyashchej pri nem Stolovoj dlya slushatel'nits povival'nogo instituta (s 27 oktyabrya 1902 g. po 1 dekabrya 1904 g.) [Report on the activities that took place under the patronage of Her august Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna of Charity of the Imperial St. Petersburg maternity institution in 1904 (from 1st December 1903 to 1 December 1904) and with dining room for trainees obstetrics Institute (since October 27, 1902 to December 1, 1904)]. St. Petersburg. 1905. P. 18.
35. Ibid. P. 15.
36. Ibid.
37. Velokosvetsky blagotvoritelny bazaar [Grand charitable bazaar] // Niva – Niva, 1904, №. 2, p. 36.
38. The term "scale" refers to a particular book, it is equipped with 16 figures of representing the gradual formation of the pattern of the open letter as it is printing (see: Otchet o deyatel'nosti sostoyashchego pod Avgustejskim Popechitel'stvom Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyagini Ol'gi Aleksandrovny

Blagotvoritel'nogo obshchestva pri S.-Peterburgskom Rodovspomogatel'nom zavedenii. Za 1903 god. (s 1-go dekabrya 1902 g. po 1 dekabrya 1903 goda) [Report on the activities that took place under the patronage of Her august Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna of Charity of the Imperial St. Petersburg maternity institution. During 1903. (from 1 December 1902 to 1 December 1903)]. St. Petersburg. 1903. P. 21).

39. Otchet o deyatel'nosti sostoyashchego pod avgustejschim popechitel'stvom eya imperatorskogo vysochestva Velikoj Knyagini Ol'gi Aleksandrovny Blagotvoritel'nogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom rodovspomogatel'nom zavedenii za 1904 g. (s 1-go dekabrya 1903 g. po 1 dekabrya 1904 g.) i sostoyashchej pri nem Stolovoj dlya slushatel'nits povival'nogo instituta (s 27 oktyabrya 1902 g. po 1 dekabrya 1904 g.) [Report on the activities that took place under the patronage of Her august Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna of Charity of the Imperial St. Petersburg maternity institution in 1904 (from 1st December 1903 to 1 December 1904) and composed with him dining room for trainees obstetrics Institute (since October 27, 1902 to December 1, 1904)]. St. Petersburg. 1905. P. 15.

40. Novaya illyustratsiya [New illustration]. Artistic and literary magazine published at the "Commercial Gazette." 1904, № 4 (28 January), Pp. 26-28.

41. RSHA. F. 472, Op. 43 (475/2424). Store unit № 162. Sh. 9.

42. Otchet o deyatel'nosti sostoyashchego pod Avgustejschim Popechitel'stvom Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyagini Ol'gi Aleksandrovny Blagotvoritel'nogo obshchestva pri S.-Peterburgskom Rodovspomogatel'nom zavedenii. Za 1903 god. (s 1-go dekabrya 1902 g. po 1 dekabrya 1903 goda) Report on the activities of those who are under guardianship Most August of Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna of Charity at the St. Petersburg maternity institution. For 1903. (from 1 December 1902 to 1 December 1903). St. Petersburg. 1903. P. 21.

43. Kak zhil russkij rabochij do revolyutsii [How did the Russian worker live before revolution] [electronic resource] // Portal o Rossii – Portal about Russia. El. data. [B. sq.] [b. y]. Available at: http://www.miloserdie.ru/articles/eho-istorii-sestry-miloserdya-kak-eto-bylo_svbodnyy.- Caps. from screen- access Date: 23 02 2014. (in Russ.)

44. Ibid. P. 21.

45. Otchet o deyatel'nosti sostoyashchego pod avgustejschim popechitel'stvom eya imperatorskogo vysochestva Velikoj Knyagini Ol'gi Aleksandrovny Blagotvoritel'nogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom rodovspomogatel'nom zavedenii za 1904 g. (s 1-go dekabrya 1903 g. po 1 dekabrya 1904 g.) i sostoyashchej pri nem Stolovoj dlya slushatel'nits povival'nogo instituta (s 27 oktyabrya 1902 g. po 1 dekabrya 1904 g.) [Report on the activities that took place under the patronage of Her august Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna of Charity of the Imperial St. Petersburg maternity institution in 1904 (from 1st December 1903 to 1 December 1904) and composed with him dining room for trainees obstetrics Institute (since October 27, 1902 to December 1, 1904)]. St. Petersburg. 1905. P. 18.

46. Ibid. P. 18.

47. See eg.: Molotok.ru [electronic resource] / Hammer. ru- Electron. Source. Moscow: Molotok.ru [1999]. Available at: <http://www.gelos.ru/> <http://university.molotok.ru/>, free. Caps. from the screen. Recent. updated: 27 03 2014. (in Russ.)

К 100-летию начала Первой мировой войны

УДК 93/94

О. А. Базин

Позиция Японии по поводу участия в Первой мировой войне

В современной историографии Первой мировой войны акцентируется внимание на европейском театре боевых действий. В условиях существования колониальной системы война приобрела общемировой масштаб, затронула региональных лидеров и колонии европейских государств. В Восточной Азии наиболее актуальной проблемой Первой мировой войны был передел сфер влияния на территории Китая. Активную роль в этом переделе сыграла соседняя Япония, сумевшая преодолеть сопротивление не только Германии, но и своих союзников по Первой мировой войне. В данной статье раскрываются мотивы участия Японии в Первой мировой войне, обозначается проблема выбора союзников японским руководством, анализируются сложные дипломатические отношения между Японией и ее западными союзниками. Отдельное внимание уделяется русско-японским отношениям в военный период. Автор приходит к выводу о том, что участие Японии в Первой мировой войне определялось сугубо экспансионистскими целями и не подразумевало реальной помощи союзникам на фронтах Европы.

In modern historiography First world war focuses attention on the European theater of war. In the conditions of existence of the colonial system, the war acquired a global scale, spoke about the regional leaders and colonies of European States. In East Asia, the most actual problem of the First world war was the redistribution of spheres of influence in China. The most active role in the redistribution played a neighboring Japan, managed to overcome the resistance not only of Germany but also its allies in the First world war. This article is opening motives of participation of Japan in the First world war, the issue of choosing allies Japanese leadership, examines the complicated diplomatic relations between Japan and its Western allies. Particular attention is paid to Russian-Japanese relations in the military period. The author comes to the conclusion that the participation of Japan in the First world war was determined purely expansionists purposes and is not meant to real aid to the allies on the fronts of Europe.

Ключевые слова: Япония, Первая мировая война, «21 требование», Антанта.

Keywords: Japan, the First world war, «21 demands», Entente.

Первая мировая война стала ключевым событием в истории не только европейских государств, но и переломным моментом в истории стран, находящихся далеко от Европы. Несмотря на то, что страны Восточной Азии фактически не принимали участия в противостоянии Антанты и Четверного союза, отголоски первого глобального военного конфликта XX в. оказали большое влияние на лидеров региона – Японию и Китай. Для Китая формальное участие в Первой мировой войне не смогло предотвратить децентрализацию страны и только усилило ограничение государственного суверенитета. Япония использовала Первую мировую войну в качестве плацдарма для расширения сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и подъема экономики.

Позиция Японии в Первой мировой войне предопределялась общим вектором развития внешней политики Японии после революции Мэйдзи, когда в кратчайшие сроки произошла переориентация с политики самоизоляции на агрессию по отношению к соседним странам с целью завоевания источников сырья и рынков сбыта. К моменту начала Первой мировой войны Япония различными путями установила полный контроль над Кореей, Тайванем, Ликейскими островами, Южным Сахалином и Курильскими островами. Дальнейшему расширению сферы влияния Японии в регионе препятствовало неминуемое столкновение с ведущими державами мира. С конца XIX в. Англия, Франция и Германия уже владели рядом территорий Китая на правах долгосрочной аренды.

Накануне Первой мировой войны одной из наиболее актуальных проблем японской внешней политики являлось определение союзников. Сложность этого выбора определялась заключенными Японией международными договоренностями и возможностями присоединения владений европейских государств на территории Китая.

В пользу поддержки стран Антанты в Первой мировой войне было существование двусторонних договоренностей между Японией и ведущими участниками «Сердечного соглашения». Еще в 1902 г. Япония подписала договор о военном сотрудничестве с Англией, который был продлен через 10 лет. Отношения с Россией, несмотря на неудовлетворенность Японии итогами Русско-японской войны 1904–1905 гг. и наличие взаимных территориальных претензий, к началу Первой мировой войны значительно улучшились. По секретному соглашению 25 июня 1912 г., подписанному министрами иностранных дел Сазоновым и Мотоно, часть Внутренней Монголии к востоку от пекинского меридиана признавалась сферой влияния Японии, к западу от меридиана – сферой влияния России [1]. 3 июля 1916 г. между Россией и Японией был подписан союзный договор. В нем подтверждалось взаимное уважение интересов сторон на Дальнем Востоке и готовность консультироваться при появлении опасности. В секретной части договора выражалось желание, чтобы Китай не попал под контроль какой-либо третьей державы, враждебной России и Японии. Этот договор предусматривал оказание военной помощи. Инициатива подписания русско-японского договора исходила от России, которой требовались гарантии спокойствия дальневосточных границ.

Однако Япония не торопилась поддерживать страны Антанты в войне, поскольку к 1914 г. накопилось множество англо-японских противоречий. В 1913 г. произошел инцидент в Нанкине, когда японские военные корабли, чтобы добиться новых уступок от китайского правительства, зашли на территорию английской сферы влияния. К моменту начала Первой мировой войны у Англии не было уверенности, что Япония будет соблюдать свои договорные обязательства. В начале XX в. Англия поддержала Японию, чтобы ослабить своего традиционного врага – Россию, но теперь английское правительство не готово было делиться своими привилегиями в Китае с японцами.

С юридической точки зрения Япония не была обязана вступать в Первую мировую войну на стороне Англии. В соответствии с договором 1902 г. Япония должна была поддерживать Англию, только если бы было совершено нападение на британские владения. Но уже в августе 1914 г. посол Германии в Токио заверил, что немецкий флот не нападет на англичан в Восточной Азии, если Япония останется нейтральной.

Одним из наиболее значимых факторов выбора союзников в Первой мировой войне стала возможность отторжения зависимых территорий европейских держав в Китае. В этом плане владения Великобритании являлись более защищенными морским флотом, а подчинение сферы влияния Германии на территории Шаньдунского полуострова представлялось более простой задачей. В непосредственной близости от Шаньдуна располагалась уже фактически аннексированная Японией Корея, этот полуостров находился гораздо ближе к лаковому куску Китая – Маньчжурии, чем английский Гонконг.

Кроме того, для войны против Тройственного союза существовало и идеологическое обоснование. В Токио стали ссылаться не только на верность духу японо-английского союза, но и на старую обиду, когда после победоносной Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Россия, Франция и Германия вынудили Японию уйти с захваченного ею Ляодунского полуострова. Несмотря на то, что страны Антанты сыграли в этом «унижении» главную роль, острие пропаганды было направлено именно против Германии. Более глубокая идеологическая составляющая заключалась в стремлении Японии ликвидировать формально республиканский Китай и ослабить присутствие белых держав в Восточной Азии.

Начало Первой мировой войны было воспринято в Японии как шанс закрепиться в Китае, воспользовавшись связанностью рук Германии на двух европейских фронтах. 15 августа 1914 г. Япония послала германскому правительству ультиматум с требованием вывести немецкие военные корабли из китайских вод и передать Японии без всяких условий или компенсаций арендованную Германией территорию Цзяочжоу. В это же время японские военные корабли появились в китайских водах близ Шаньдуна, 23 августа 1914 г. обстреляли крепость Циндао и высадили десант на полуострове. Одновременно были захвачены германские владения на островах Тихого океана – Маршалловых, Каролинских и Марианских.

Действия Японии по захвату отданных в аренду Германии территорий вызвали недовольство Китая. Как раз в этот период в Китае наблюдался рост национального самосознания, связанный со свержением маньчжурской власти. Глубокий и затяжной кризис в Китае привел к 1911 г. к успеху Синьхайской революции. Цинская империя прекратила свое существование, а возникшая на ее месте республика пыталась «возродить национальный дух и

путем заимствования у Запада обеспечить возможности противостояния внешним силам, в первую очередь Японии» [2].

Сам факт нападения на германские владения в Китае уже нарушал его суверенитет, так как, чтобы атаковать крепость Циндао, японские войска прошли через китайскую территорию. Когда в конце 1914 г. военные действия Японии против Германии были завершены, китайское правительство потребовало от японцев вывести свои войска из Шаньдуна и вернуть Китаю порт Циндао, а также не нарушать нейтралитет Китая в Первой мировой войне. Япония отказалась возвращать захваченные территории, оправдывая это большими потерями при их завоевании.

Более того, Япония 18 января 1915 г. выдвинула встречный ультиматум Китаю, получивший название «21 требование». Во-первых, Японии передавались все территории и привилегии, которые Германия имела в провинции Шаньдун. Во-вторых, продлевались на 99 лет аренда Ляодуна и концессия на маньчжурскую железную дорогу. В-третьих, крупнейший металлургический завод в Китае провозглашался совместным предприятием двух стран. В-четвертых, запрещалось строительство третьими государствами военно-морских объектов на побережье Китая. Пятая группа требований ставила под сомнение суверенитет Китая (назначение японских военных и политических советников, руководителей полицейских подразделений) [3]. В усеченном варианте большинство этих требований было принято китайским лидером Юань Шикаем, но не ратифицировано парламентом.

Японские требования шли вразрез с интересами стран Запада: ставили под угрозу связь между владениями европейских держав в Китае, противоречили американской доктрине «открытых дверей». Данный ультиматум вызвал озабоченность США, Англии и России, но возможности выразить протест Японии, как это произошло после Японо-китайской войны 1894–1895 гг., у этих стран не было. Российская империя в 1915 г. переживала «великое отступление» и не могла укрепить дальневосточную границу. Англии разрыв с Японией был невыгоден, она только предостерегла японское правительство от покушений на английские сферы влияния и привилегии в Китае. Кроме того, в Европе опасались, что после реализации своих планов в Китае Япония выйдет из войны. В связи с этим большое значение имело подписание в ноябре 1915 г. Японией и ее европейскими союзниками декларации о незаключении сепаратного мира [4].

Более активную позицию по поводу японского ультиматума Китаю заняли США, на тот момент не обремененные участием в Первой мировой войне. Политика США в Китае значительно отличалась от экспансии европейских государств. Американское правительство, опираясь на растущее могущество своей экономики, проводило в Китае политику «открытых дверей», и «21 требование» создавало трудности для реализации экономических интересов Соединенных Штатов.

Реакция США нашла отражение в ноте государственного секретаря США Брайана, в которой осуждалось предоставление Японии дополнительных экономических привилегий и приглашение японских советников в центральные китайские учреждения. США ограничились отправкой в Токио и Пекин одинаковых нот о недопущении нарушения прав американских граждан в Китае.

Ориентация Японии на страны Антанты после захвата сфер влияния Германии в Азиатско-Тихоокеанском регионе носила чисто формальный характер. Даже несмотря на сдержанную реакцию Англии, России и США на «21 требование», в Японии усилилось недовольство действиями западных держав. На этом фоне в Японии стали расти прогерманские настроения, а экономические связи с Германией не прекращались и ранее. По мнению ряда исследователей, которые косвенно ссылаются на знаменитую телеграмму Циммермана, «если бы блокада Англии немецким подводным флотом оказалась бы эффективной, Япония перешла бы на другую сторону, то есть примкнула бы к центральным державам» [5].

Страны Антанты требовали от Японии участия в военных действиях в Европе и прекращения экономического сотрудничества с Германией. Возникла парадоксальная ситуация, когда военные союзники Англия и Япония начали торговую войну друг с другом. Англия ввела запрет на импорт шелка, лаковых и стеклянных изделий из Японии. Только под угрозой экономической изоляции Япония ограничила торговлю с Германией и Австро-Венгрией.

В условиях такой непоследовательности Японии страны Антанты пытались разыграть «китайскую карту». В начале войны европейские союзники были заинтересованы использо-

вать многочисленную и обученную китайскую армию против Германии. С другой стороны, занятие китайскими войсками немецких колоний и территорий концессий могло бы стать опасным прецедентом для Англии и Франции. Но уже в начале Первой мировой войны Япония возражала против вступления в нее Китая. Вступление Китая в войну против Германии и ее союзников не отвечало японским интересам и угрожало реализации «21 требования». Япония была заинтересована в военном сотрудничестве Германии и Китая, что стало бы поводом для полноценного японского вторжения в Китай и оккупации его территории. Кроме того, примкнув к побеждающей Антанте, Китай мог на мирной конференции потребовать возвращения Шаньдунского полуострова. Началась дипломатическая война между союзниками по поводу участия Китая в Первой мировой войне. В связи с этим заключение русско-японского союзного договора 1916 г. можно рассматривать как стремление Японии расколоть Антанту. Несмотря на все усилия Японии, пекинское правительство децентрализованного Китая в 1917 г. вступило в войну на стороне Антанты.

На заключительном этапе Первой мировой войны главной задачей японской дипломатии стала легитимизация захвата германских владений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 1917 г. Япония потребовала от Англии признания своих претензий на германские владения в Китае и Тихом океане. Страны Антанты признали эти претензии при условии, что Япония не будет препятствовать вступлению Китая в войну против Германии. Более того, Япония обещала направить эскадру эсминцев в Восточное Средиземноморье в обмен на обещание ряда европейских государств поддержать позицию Японии по принадлежности Шаньдуна на будущей мирной конференции.

С большими сложностями столкнулась японская дипломатия в получении признания своих сфер влияния со стороны США. Для достижения этой цели в сентябре 1917 г. министр иностранных дел Японии Исии Кикудзиро посетил США, где провел ряд встреч с госсекретарем США Робертом Лансингом. Японский министр проводил параллели между особым положением Японии в Китае и сферой влияния США в Латинской Америке. После длительных переговоров в ноябре 1917 г. было подписано соглашение между главами внешнеполитических ведомств. США признали существование особых интересов Японии в Китае без указания конкретных районов, на которые распространялись японские интересы. С другой стороны, в этом соглашении Япония признала применение США политики «открытых дверей» в Китае. За соглашением последовало назначение японского гражданского правительства в Шаньдуне и дальнейшее сокращение торговых интересов США в Маньчжурии.

Выход России из Первой мировой войны еще раз продемонстрировал, что в Первой мировой войне Япония руководствовалась исключительно своими экспансионистскими целями. В ноябре 1917 г. Япония и ряд европейских государств вручили коллективную ноту генералу Н. Н. Духонину, в которой заявили, что «всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжелые последствия» [6]. Затем Япония обратилась к странам Антанты с предложением послать японские войска на российский Дальний Восток. В апреле 1918 г. с высадки японского военного десанта во Владивостоке началась интервенция на Дальнем Востоке Советской России.

Оценивая итоги участия Японии в Первой мировой войне, необходимо отметить, что политические позиции Японии в Китае были в значительной мере подорваны, в том числе из-за энергичных протестов в Китае в ходе движения «4 мая», на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Япония была вынуждена вернуть Китаю захваченные ею в 1914 г. территории. Экономическая выгода Японии от участия в Первой мировой войне была более ощутима. Средства, полученные от войны, продолжали подпитывать японскую экономику на протяжении нескольких послевоенных лет. Япония обеспечивала союзников морским транспортом и снаряжением по завышенным ценам, одновременно занимая рынки европейских государств в Азии и других регионах.

Позиция Японии по вопросу участия в Первой мировой войне определялась не выполнением союзнических обязательств перед Англией, а реализацией собственной экспансионистской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вступление в войну против Германии диктовалось меньшими издержками и большими выгодами от захвата германских владений на территории Китая и в Тихом океане. После захвата владений Германии в Азиатско-Тихоокеанском регионе Япония фактически прекратила военные действия в Первой мировой войне. Последующее взаимодействие Японии и стран антигерманской коалиции свелось к дипломатической борьбе за признание европейскими державами и США осо-

бых прав Японии в Китае. Все попытки привлечь Японию к участию в войне в Европе потерпели неудачу. Первая мировая война способствовала формированию идеологии агрессивной внешней политики Японии, стала трамплином для превращения Японии из регионального лидера в ведущую мировую державу.

Примечания

1. Широкопад А. Б. Япония. Незавершенное соперничество. М.: Вече, 2008. С. 242.
2. Белокреницкий В. Я. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. С. 91.
3. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / сост. Э. Д. Гримм. М.: Ин-т востоковедения, 1927. С. 188–191.
4. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. С. 442.
5. Крофтс А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия. М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. С. 424.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 25.

Notes

1. *Shirokorad A. B.* Yaponiya. Nezavershennoe sopernichestvo [Japan. Unfinished rivalry]. Moscow: Veche. 2008. P. 242.
2. *Belokrenitsky V. Y.* [East in world political processes. Asia and Africa in the history of international relations and contemporary world politics]. Moscow: Institute of Oriental Studies. 2010. P. 91.
3. *Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnoshenij na Dal'nem Vostoke (1842–1925)* [Collection of contracts and other documents on the history of international relations in the Far East (1842–1925)] / Ed. E. D. Grimm. Moscow: Institute of Oriental Studies. 1927. Pp. 188–191.
4. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917* [Collection of Treaties between Russia and other countries. 1856–1917] / ed. E. A. Adamova, ed. I.V. Kozmenko. Moscow: Gospolitizdat. 1952. P. 442.
5. *Crofts A., Bewkenen P. Istoriya Dal'nego Vostoka. Vostochnaya i YUgo-Vostochnaya Aziya* [History of the Far East. East and South-East Asia]. Moscow: Tsentrpoligraf. 2013. P. 424.
6. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat. 1957. P. 25.

УДК 327(392.94)

А. Р. Психомасова

Кавказская конная дивизия в Первой мировой войне

История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей совершенными.
Астольф де Кюстин

Данная статья освещает историю Кавказской конной дивизии в годы Первой мировой войны. Такой выбор продиктован не только продолжительностью существования этого военного формирования, но и его боевой значимостью, а также полным забвением в современной историографии. В рамках данной статьи более подробно освещена деятельность нескольких воинов-адыгов Кавказской конной дивизии, прославившихся на Юго-Западном и Румынском фронтах. События 1917 г. предали забвению таких героев, как Т. Бекович-Черкасский, З. Даутоков-Серебряков, не принявших революцию и перешедших на сторону Белого движения.

This article describes the history of the Caucasian Cavalry Division in World War . This choice is due not only to the duration of the existence of this military formation , but its combat significance , and in complete disregard of modern historiography . In this article a more detailed explanation of the activity of several soldiers Adygs Caucasian Cavalry Division became famous in the South– West and Romanian fronts. Events 1917goda forgot the heroes like Bekovich – T., Dautokov Serebrjakov – Z., who did not take a revolution, and sided with the White movement.

Ключевые слова: дивизия, война, Кавказ, адыги, офицер.

Keywords: division, war, the Caucasus, the Adighes officer.

100 лет отделяют нас от Первой мировой войны. С тех пор в мире произошли глубокие социально-экономические преобразования. За этот период человечество потрясли грандиозные войны, приносившие колоссальные жертвы и разрушения. Но героический подвиг наших предков в войне вызывает восхищение и благородное чувство национальной гордости. До сих пор история этого периода содержит немало «белых пятен» и спорных вопросов. За истекшие 100 лет в специальной литературе крайне редко в современной историографии встречаются упоминания об участии представителей народов Северного Кавказа в войне.

Для того чтобы разобраться в истоках военного формирования такого рода, сделаем небольшой экскурс в историю службы адыгов в России. Даже несмотря на то, что адыги (черкесы) были освобождены от несения обязательной военной службы, для представителей знати она была почетной и способствовала позитивному влиянию на соплеменников. Для более быстрой адаптации присоединенных народов царская администрация в 1828 г. сформировала лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон собственного Его Императорского Величества конвой. Часть адыгов впоследствии становились кадровыми военными и достигали довольно высоких воинских чинов в армии или выбирали административную службу на Кавказе. В обязанности полуэскадрона входила охрана императора в поездках по различным уголкам страны и за ее пределами, участие в военных кампаниях в Польше, Венгрии и Трансильвании, на Кавказе. А в 1842 г. организован Анапский Горский конный полуэскадрон, несколько позже на его базе сформирован Кубанский конно-иррегулярный эскадрон, преобразованный в дивизион. Для участия в войне против Османской империи в 1877–1878 гг. были созданы Сборные команды Терского казачьего войска, Кабардино-Кумыкский, Кабардино-Горский, Кубанско-Горский конно-иррегулярные полки и другие части и подразделения. С началом Русско-японской войны в мае 1904 г. был отправлен на Дальний Восток Терско-Кубанский конный полк с участием адыгов Кубани и Терека.

Создание Кавказской конной дивизии, в народе называемой «дикой», показывает определенную этап во взаимоотношениях России и горцев. Даже несмотря на довольно небольшой период после окончания Русско-Кавказской войны, многие с честью служили, и, что парадоксально, не было ни одного случая дезертирства.

Жители Кабарды не остались в стороне от событий, когда весть о начале войны дошла до начальника Нальчикского округа подполковника С. К. Клишбиева, им было предложено организовать съезд доверенных Кабарды и Балкарии. Доверенные предложили формировать в Нальчикском округе конный полк. Приняли решение: «...Просить Государя Императора разрешить населению Кабарды и Пяти Горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава. Составленный текст телеграммы одобрить и просить начальника округа отправить таковую за своей подписью» [1].

Илларион Воронцов-Дашков 26 июля 1914 г. обратился к царю с предложением использовать «воинственные кавказские народы» для того, чтобы сформировать из них войсковые части. Телеграмма царя, присланная 27 июля, гласит: «Наместник разрешил сформировать за счет населения Кабарды и Пяти Горских обществ Нальчикского округа один конный полк четырехсотенного состава. Немедленно приступить к составлению списков посотенно и формированию применительно штату, который высылается. Подробности денежного довольствия, офицерского состава запрошены в штабе округа. Душевно поздравляю. Глубоко убежден, что полк покроет себя славою, доблестью, выполнит ожидания Государя Императора» [2]. Принято было организовать следующие войсковые части: Татарский, Чеченский конный полк Черкесский, Кабардинский, Ингушский, 2-й Дагестанский, Аджарский пеший.

В Нальчикском округе шла работа по формированию Кабардинского конного полка. Уже 27 июля подполковник Клишбиев пошлет во Владикавказ генерал-лейтенанту Флейшеру телеграмму о том, что капитан Мамышев и прапорщик Докшоков «просят назначения в формируемый полк. Прошу ходатайства Вашего Превосходительства о назначении названных офицеров» [3].

Николай II высоко ценил дивизию, что отмечал А. А. Брусилов [4].

В обязательном порядке каждый полк имел одного полкового муллу. Командиром назначен великий князь Михаил Александрович, пользовавшийся особой популярностью у горцев. Несмотря на царившую патриархальность в полку и сложности в новом военном

формировании, нужно отдать должное воинам, хорошо владевшим оружием, ведь этот атрибут сопровождал всю их жизнь, многие прошли военную школу Русско-турецкой и Русско-японской войн. Возраст можно было скрыть благодаря выкрашенными хной или охрой бородам. Характерной чертой горца было чувство собственного достоинства, особо ценились храбрость, боевая личная инициатива и мужество. Общение не всегда соответствовало уставу. Отсутствовало подхалимство, не было обращения на «Вы», уважение и почет можно было заслужить, проявив себя в бою. Не забывались уважение к старшим, кровное родство и землячество, всё это упростило процесс адаптации в коллективе. За нарушение дисциплины следовало исключение из полка и возврат домой, что было крайне позорным. Были трудности, прежде всего языковой барьер, кто мог себе позволить, имел переводчика, а остальные заучивали уставы наизусть. Особенностью было и то, что воины забирали с поля боя своих погибших и раненых. Отказывались идти в обоз, считая, что это ниже их достоинства. Несмотря на поликонфессиональный состав, с уважением относились к представителям другой религии. Благословлял воинов и в первых рядах шёл мулла, в руках его были Коран и винтовка. Офицеры, не почитавшие религиозные чувства, не уважались.

Проблем с желающими не было, их количество превышало штатное, в случае отъезда домой заменяли себя своим родственником.

После организации Кабардинский полк состоял из 615 всадников, из них 431 кабардинец и 75 балкарцев. Командиром полка был назначен полковник граф Илларион Илларионович Воронцов-Дашков. Личный состав на Коране дал присягу, затем 8 сентября приступили в станице Прохладной к учениям. Уже 1 октября полк направился на фронт. Вначале дивизия расположилась в Подольской губернии, пройдя через Самбор и Львов, присоединилась ко второму кавалерийскому корпусу Юго-Западного фронта. 14 декабря было первое сражение у д. Ветлино. Против полка выступила семидесятая армия Австро-Венгерских стрелков, девять часов упорного сопротивления и пятнадцать пленных – таков итог боя. Следующий четырехчасовой бой у деревни Береги-Горне закончился с небольшими потерями. С 12 по 14 января 1915 г. отличились в бою вместе с ротами Ольгопольского, Ваврского и Таганрогского пехотных полков около Боберка, где вышли против австрийцев. В феврале 1915 г. дивизия провела успешные наступательные операции. Так, 15 февраля Чеченский и Татарский полки вели ожесточенный бой в районе д. Бринь. В результате упорного сражения, после рукопашных схваток противник был выбит из этого населенного пункта. 12 февраля дивизия направилась к г. Калушу. Отряд под командованием полковника Бековича-Черкасского двое суток удерживал д. Подгорки и переправу через реку Ломницу, 21 февраля австрийцы потеряли Тлумач. С апреля до августа дивизия направлена на охрану берега Днестра. Во второй половине июля и августе Кабардинский полк в составе дивизии оборонял линию Моссуровка-Самушин к северу от Днестра, преграждая австро-германским частям путь на Борщев. Самыми благополучными были бои 10 сентября у д. Кульчицы, с. Петликовце-Нове и с. Зарвыница, в плен взяты 17 офицеров и около 300 солдат. Дстойно сражались наши войска, заняли правый берег Днестра и правый берег Прута. Кабардинский полк в конном строю атаковал д. Лужаны, д. Шепенице и д. Альтмаешти, захватил 1320 пленных. В конце сентября 1916 г. 1-я и 3-я бригады дивизии, включённой в состав 4-й армии вновь образованного Румынского фронта, вступили в бои с немцами в Восточных Карпатах.

Награды высоко ценились, за годы войны около 3500 всадников награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями «За храбрость». Для горцев изображения христианских святых заменены гербом, но по просьбе горцев на награды вернули изображение Георгия.

Революцию горцы встретили с непониманием и недоумением. Командование русской армии решило перебросить с фронта в тыл дивизию для подавления революционного движения. Офицеры пытались объяснить ситуации в стране, но тщетно. Большая часть дивизии отправилась домой, на Кавказ. Оставшаяся часть переформирована в Кавказский Туземный конный корпус, и горцы либо приняли участие в революции, либо примкнули к Белому движению. Так закончилась история легендарной Кавказской конной дивизии.

В народе справедливо говорится: герои не умирают, они оживают в потомстве. История хранит имена героев Первой мировой войны, мужественных защитников.

Весьма трагичны судьба и жизнь князя Федора Николаевича Бековича-Черкасского. Родился 14 мая 1870 г. в ауле Бековичей, находившемся в Малой Кабарде, недалеко от Моздока.

Его прадед после крещения принял православное имя, но, что удивительно, параллельно с православным имелись и кабардинские имена, так, Федор Бекович-Черкасский по-кабардински назывался Темботом, а его отец – Николай – Жанхотом.

По окончании Ставропольской гимназии в 1891 г. зачислен в 46-й драгунский Переяславский полк Кавказской кавалерийской дивизии, затем направлен на учебу в Елизаветградское кавалерийское училище. Славился как искусный наездник, был призером скачек, проводимых военным министерством Кавказского военного округа. 29 сентября 1901 г. поручик Бекович-Черкасский направляется в Петербург на учебу. За два года успешной учёбы в Офицерской кавалерийской школе постиг высшую науку «кавалерийского дела». По возвращении будет командовать 45-м драгунским полком. В период Русско-японской войны штабс-ротмистра Бековича-Черкасского назначили командиром сотни, формируемой в Нальчике. Достоинно выполнял возложенные на него задания, будучи командиром дивизиона разведки. За проявленное мужество удостоен за год шести орденов: Св. Анны 2, 3, 4-й степени, Св. Станислава 2, 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени, а также светло-бронзовой медали «В память Русско-японской войны 1904–1905 гг.» Имел тяжёлые ранения. Служил в Тифлисе до 8 сентября 1911 г., затем переведен в город Верхне-Удинск. Уже 5 апреля 1912 г. за отличную службу назначен командиром Иркутской казачьей сотни, а 14 декабря 1913 г. – комендантом города Иркутска. Летом 1914-го, когда в Нальчикском округе шло формирование Кабардинского конного полка, просит о переводе в Нальчик [5]. Бекович-Черкасский 3 августа приступает к своей новой должности помощника командира Кабардинского конного полка по строевой части, занимается организационными вопросами, связанными с поиском врача и муллы [6]. С 25 февраля 1916 г. назначен командиром Татарского конного полка, за боевые заслуги в январе 1915 г. ему присвоено звание полковника. В июле 1916 г. был представлен к ордену св. Георгия 3-й степени. В бою был контужен, и в апреле 1917 г. он возвращается в ислам, с этого периода во всех документах значится как Тембот Жанхотович. Приказом Временного правительства назначен командиром 2-й бригады 1-й Кавказской Туземной конной дивизии. В январе 1919 г. назначен начальником белогвардейской Кабардинской конной дивизии и правителем Кабарды. С апреля 1920 г. в Крыму состоит в армии Врангеля, а в ноябре покидает Ялту на корабле «Корвин» и находит временное пристанище в Константинополе. Там Тембот Жанхотович занимается общественной деятельностью, будучи членом Национального комитета освобождения горских народов Северного Кавказа – Горского монархического центра. Перебирается во Францию. С 14 мая по 21 октября 1917 г. является почетным председателем объединения лейб-гвардии Кирасирского Его Императорского Величества полка [7]. С 1941 по 1945 г. является руководителем Русского национального движения в Париже. Умер и погребён на мусульманском кладбище в пригороде Парижа – Бобини.

Биография Заурбека Даутокова также полна драматизма и изломов на жизненном пути. Рожден в княжеской семье Асланбека Даутокова и Ольги Иоанновны Серебряковой в 1886 г. около г. Моздока в ст. Луковской.

За годы учебы в Оренбургском казачьем училище часто нарушал дисциплину, но ему многое прощали и восхищались его талантом. Кроме литературы он увлекался еще музыкой, танцами, спортом. Его первым инструментом была флейта. С детства отличался знанием в совершенстве русского, кабардинского, осетинского языков, неплохо изъяснялся на татарском, ногайском, немецком и французском. Многих европейских авторов читал в русском переводе [8]. Зачитывался произведениями русских авторов. По окончании Казачьего училища связал свою жизнь с армией.

В 1912 г. Заурбек выбирает Персидский фронт, где служил старший брат Хаджи-Мурат, затем – турецкий фронт. После смерти младшего брата Георгия просит перевести в Кавказскую дивизию [9]. Вначале был командиром учебной команды дивизии, затем командиром 2-й сотни кабардинского полка.

В боях с противником Даутоков-Серебряков проявил мужество, военное мастерство, за что был награжден и назначен командиром 4-й запасной сотни Кабардинского конного полка, был удостоен четырех орденов и представлен к Георгиевскому кресту. За проявленные личное мужество, отвагу и героизм на фронте был награжден боевыми орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны, Св. Станислава 3-й степени и 2-й степени [10].

Заурбек не оказался в стороне от событий, происходящих в Кабарде, будучи сторонником единения с Россией, предпочитал видеть Кабарду на правах автономии. Он не принял

революцию, стал организатором восстания против большевиков в Кабарде. В 1918 г. объявляет о создании партии «Свободная Кабарда». Основной целью партии было наведение порядка и освобождение от оккупации большевиками. Кабардинцы объединились вокруг Даутокова-Серебрякова, помня его заслуги в Первой мировой войне. Возглавлял бои в Черекском, Чегемском, Хуламо-Безенгийском ущельях, в селениях Нижний и Верхний Курп, Малой Кабарде и под Владикавказом. Красная армия была полностью разбита. В 1919 г. Заурбека решают назначить Правителем Кабарды, но в результате интриг дают только должность заместителя Правителя Кабарды. В июне 1919 г. около д. Орловка под Царицыном Заурбек Даутоков-Серебряков погиб в бою против красных кавалеристов. Терское войско торжественно похоронило его как национального героя. Похоронен на Вольноаульском кладбище города Нальчик.

Таким образом, следует отметить, что история Кавказской конной дивизии легендарного подразделения российской армии и судьба её героев не исчерпаны. Безусловно, она будет ещё привлекать внимание различных исследователей. Данная публикация – это попытка прикоснуться к истории наших предков, а также возврат из забвения. Трагически сложилась судьба у героев: кто-то умер на чужбине, кто-то встретил смерть в бою, но всё же каждый из воинов оставил заметный след в истории региона и страны.

История – это память народа. И как бы далеко ни стояла от нашего времени история войны, её полезно знать, в ней очень много и познавательного, и поучительного. Это, прежде всего, умение сотрудничать, несмотря на многонациональный состав. Необходимо поучиться толерантности этой дивизии, воины которой, скрепленные фронтовым братством, вместе сражались в одной дивизии, защищая Россию от врага. Герои Кавказской конной дивизии олицетворяли настоящий патриотизм, достойный подражания, присягнув однажды на верность России, защищали её интересы, не жалея себя.

Примечания

1. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 28.
2. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 27. Л. 299.
3. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 33.
4. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 260.
5. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 62.
6. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 103.
7. Российская Гвардия. 1700–1918: справочник / отв. сост. А. М. Валькович, А. П. Капитонов. М.: Новый хронограф, 2005. 448 с.
8. Жанситов О. А., Чхеидзе К. А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков // Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Ин-т гуманитарных исследований Правительства КБР КБНЦ РАН, 2008. С. 23.
9. Опрышко О. Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 241–242.
10. Там же. С. 75–77.

Notes

1. CSA CBD. F. I-6. Op. 2 D. 1. Vol. 75. Sh. 28.
2. CSA CBD. F I-20. Op. 1 D. 27 Sh. 299.
3. CSA CBD. F. I-6. Op. 2 D. 1. Vol. 75 Sh. 33.
4. A.A. Brusilov Moi vospominaniya [My memories]. Moscow. 1963. P. 260.
5. CSA CBD. F I-20. Op. 1 D. 5. Vol. 1 Sh. 62.
6. CSA CBD. F. I-6. Op. 2 D.75. Vol. 1. Sh. 103.
7. Rossijskaya Gvardiya. 1700–1918 [Russian Guard. 1700-1918]: a handbook / resp. ed. A. M. Valkovich, A. P. Kapitonov. Moscow: Novyj khronograf. 2005. 448 p.
8. Zhansitov O.A., Chkheidze K.A. General Zaurbek Dautokov-Serebryakov [General Zaurbek Dautokov-Serebrjakov] // Grazhdanskaya vojna v Kabarde – Civil War in Kabarda. Nalchik: Institute for Humanities Research KBR Government KBSC Academy of Sciences. 2008. P. 23.
9. Opryshko O.L. Kavkazskaya konnaya diviziya. 1914–1917: Vozvrashchenie iz zabveniya [Caucasian Cavalry Division. 1914-1917: The Return of oblivion]. Nalchik: Al-Fa. 2007. Pp. 241-242.
10. Ibid. Pp. 75-77.

ПРАВО

УДК 343.103

Н. С. Артемьев, А. М. Розуван, Ю. А. Морозова

Судебный контроль за деятельностью следственных изоляторов ФСИН России

Статья посвящена исследованию некоторых правовых проблем и практики деятельности судов по контролю за соблюдением законности в следственных изоляторах ФСИН РФ.

The article is devoted to some legal problems and practices of the courts monitoring compliance with the law in pre-trial detention facilities of Federal Penal Enforcement Service in the Russian Federation.

Ключевые слова: подозреваемые, обвиняемые, осужденные, следственные изоляторы, соблюдение законности, судебный контроль.

Keywords: suspects, the accused, the convicted, pre-trial detention facilities, compliance with the law, judicial control.

Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 56) гарантирует право на судебную защиту, которое не подлежит ограничению. Им в полной мере обладают подозреваемые, обвиняемые и осужденные, отбывающие наказание в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Это право соответствует стандартным правилам обращения с заключенными, принятым ООН в 1945 г., согласно которым каждый из них должен иметь возможность обращаться к судебным властям с просьбами и жалобами.

В соответствии с ч. 1 ст. 120 Конституции РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, суд устанавливает при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом [1].

В связи с изложенным в правовом государстве важнейшая роль в обеспечении законности отводится судебной власти. Особый статус этой власти делает функционирование судов независимым от других подсистем государственной власти и превращает их в подменного стража законности. Тем самым судебная власть обоснованно рассматривается в качестве инстанции, которая призвана посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ) разрешать споры и конфликты по поводу законности решений и действий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, в том числе следственных изоляторов и их должностных лиц, обеспечения прав и свобод подозреваемых, обвиняемых и осужденных, находящихся в этих учреждениях. Разумеется, что многое здесь зависит от позиции и поведения тех субъектов правоотношений, права и свободы которых кем-либо ущемлены, а также от правовой активности самих судей.

В силу изложенных функций судебный контроль за деятельностью изоляторов основывается на положениях Конституции РФ, а также на иных законах (Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном, Гражданском Кодексе РФ, Федеральном законе от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»).

Большие, пока используемые не в полном объеме возможности обеспечения законности прав и свобод подозреваемых, обвиняемых и осужденных имеет Конституционный Суд РФ, обладающий в соответствии с Конституцией РФ (ст. 125) и одноименным Федеральным конституционным законом обширными полномочиями как раз в области судебного контроля за соблюдением Конституции РФ и федеральных законов, регламентирующих деятель-

ность следственных изоляторов. Проблема заключается лишь в активности и последовательности действий этого высшего органа судебной власти. К сожалению, следует констатировать, что многие подозреваемые и обвиняемые, находящиеся под стражей в следственных изоляторах, при нарушении их конституционных прав и свобод, обращаются с жалобами в зарубежные судебные инстанции, а не в Конституционный суд РФ.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ впервые регламентирует контроль суда за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания. По раннее действующему ИТК АСФСР 1970 г. он также осуществлялся, однако не был выделен в качестве самостоятельной формы контроля. Точный шаг законодателя обусловлен изменившимися социальными, политическими, духовными основами общества, повышением внимания к обеспечению прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных с помощью рекомендованных международными актами мер их защиты, в том числе судебными мерами. В то же время в Основном законе «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы», а именно в главе 7 «Контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы» даже упоминание о судебном контроле вообще отсутствует. Мы полагаем, что это является упущением законодателя, пробелом в праве.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства от 14 октября 2010 г. № 1772-р, также отсутствует упоминание о судебном контроле, хотя и предусматривается специальный раздел «Обеспечение международных стандартов обращения с осужденными в местах лишения свободы и лицами, содержащимися под стражей. Обеспечение режима безопасности» [2].

Мы считаем, что в данной Концепции должна быть оговорена роль контроля, в том числе судебного за деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Основные виды, формы и методы контрольной функции суда теоретически достаточно эффективны и разнообразны, и они далеко не исчерпываются полномочиями ст. 20 УИК РФ, так как в следственных изоляторах содержатся кроме осужденных подозреваемые и обвиняемые. На это указывается в п. 7 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы, прямо закрепляющего обязанность обеспечивать режим содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, а также соблюдение их прав и исполнение ими своих обязанностей в соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 109-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Поэтому основные судебные контрольные функции, по нашему мнению имеют два направления:

1. Контрольные функции суда в ходе досудебного производства.
2. Контрольные функции суда в соответствии со ст. 20 УИК РФ.

Важная роль отводится суду при решении вопроса избрания заключения под стражу. Заключение под стражу – самая строгая мера пресечения, предусмотренная ст. 103 УПК РФ и сопровождаемая дополнительными гарантиями соблюдения прав граждан, дополнительными условиями ее пресечения. Ее применение представляет собой максимально острое вторжение в сферу прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, гарантированных Конституцией РФ. В международном пакте о гражданских и политических правах [3] установлено, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. По уголовно-процессуальному законодательству РФ установлена специальная процедура заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ) и определены сроки содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ), а также отмена или изменение меры пресечения (ст. 110 УПК РФ) [4]. Лицо, заключенное под стражу, физически изолируется от общества и содержится под охраной. Согласно ст. 22 Конституции РФ мера пресечения заключения под стражу допускается только по судебному решению. Изоляция от общества позволяет наиболее продуктивно обеспечить задачи, стоящие перед мерами пресечения. Однако данная мера пресечения связана с существенным ограничением личной свободы и поэтому должна применяться только в случаях, когда иным путем эти задачи решены быть не могут.

Конституционное положение о допустимости заключения под стражу только по судебному решению, выраженное в ст. 10 и ст. 103 УПК РФ, значительно повышает контроль суда за законностью применения данной меры пресечения.

В ряде случаев для пресечения заключения под стражу в качестве меры пресечения требуется соблюдение особых гарантий неприкосновенности. Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной думы, судьи Конституционного суда РФ и других лиц, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, производится в соответствии со ст. 447, 450 УПК РФ, в порядке, установленном гл. 13 УПК РФ.

По общему правилу содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца с момента фактического задержания лица (а если такое не имеет места – с момента фактической реализации постановления о заключении под стражу) до направления уголовного дела в суд.

Когда же в срок 2 месяца закончить предварительное следствие невозможно, а изменить или отменить рассматриваемую меру пресечения нет возможности, то в такой ситуации срок содержания под стражей может быть продлен. Мы полагаем, что предварительное следствие должно укладываться, как правило, в 2-месячный срок. Продление этого срока должно иметь четко обозначенные в законе основания, несоблюдение которых должно относиться к грубым несоблюдениям законности. Мы полагаем, что сроки продления содержания до 18 месяцев должны быть сокращены за счет улучшения взаимодействия следственных и оперативных аппаратов по доказательствам по уголовным делам.

Второе направление контрольной функции суда осуществляется в соответствии со ст. 20 УИК РФ. В следственных изоляторах отбывают наказание осужденные, оставленные в СИЗО ФСИН РФ для выполнения работ по их хозяйственному обслуживанию, осужденные, переведенные из исправительных колоний для участия в следственных действиях в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), и осужденные на срок не свыше шести месяцев, оставленные в следственных изоляторах с их согласия.

По нашему мнению, существуют три вида судебного контроля за деятельностью персонала следственных изоляторов, которые обеспечивают исполнение наказания в виде лишения свободы на определенный срок вышеперечисленных категорий осужденных.

Первый вид – это судебный контроль, осуществленный при рассмотрении дел по сторонам, вытекающим из гражданских, семейных, трудовых и административных правоотношений и дел особого производства по правилам гражданского законодательства.

Второй вид судебного контроля за деятельностью персонала следственных изоляторов – это контроль при производстве по уголовным делам, осуществленный по правилам уголовного судопроизводства, который можно подразделить на два вида:

1) контроль при рассмотрении уголовных дел, связанных с преступлениями, совершенными в следственных изоляторах;

2) контроль при рассмотрении судом вопросов исполнения приговоров суда.

Третий вид судебного контроля осуществляется при рассмотрении судом предложений, заявлений и жалоб осужденных на действия персонала следственных изоляторов, поданных в соответствии с ч. 4 ст. 12 УИК РФ.

При этом законодатель установил определенные гарантии реализации права осужденного на обращение в суд. Так, в ч. 4 ст. 15 УИК РФ подчеркивается, что предложения, заявления и жалобы осужденных, адресованные в органы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью учреждений и органов исполнения наказания, цензуре не подлежит и не позднее одних суток (за исключением выходных и праздничных дней) направляются по принадлежности.

По нашему мнению, повышению эффективности судебного контроля за обеспечением законности в деятельности персонала следственных изоляторов и исправительных учреждений будет способствовать введение должности пенитенциарного Федерального судьи или создание пенитенциарного суда (по примеру военных судов), специализирующихся на рассмотрении дел, связанных с процессом исполнения наказаний и органов уголовно-исполнительной системы. Пенитенциарная направленность деятельности судьи (суда) способствовала бы повышению его квалификации, профессионализма и в конечном счете улучшению качества исправления правосудия. И это, безусловно, положительно повлияло бы на укрепление законности в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации. М.: Проспект, 2010. С. 27.
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Рязань, 2010. С. 12–14.
3. Международный акт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. //Бюллетень Верховного суда РФ. М., 1994. № 12. С. 5–11.
4. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2008. С. 192–205.

Notes

1. Constitution of the Russian Federation. Moscow: Prospect. 2010. P. 27 (in Russ.).
2. Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federatsii do 2020 goda [The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020]. Ryazan. 2010. Pp. 12-14.
3. Mezhdunarodnyj akt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh ot 16 dekabrya 1966 g [International Act on Civil and Political Rights of 16 December 1966] // Byulleten' Verkhovnogo suda RF – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow, 1994, № 12, pp. 5-11.
4. Comments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Moscow. 2008. Pp. 192-205 (in Russ.).

УДК 340.132.23

Т. Е. Ложкина

Местное самоуправление: снова реформа?

В статье проводится обзор основных поправок в Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», предусматривающих дополнительную модель организации муниципальной власти, позволяющую создавать в крупных городах дополнительные виды муниципальных образований – городской округ с делением на внутригородские районы.

Появится возможность формирования новых моделей системы органов местного самоуправления и взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти, гражданами, общественными объединениями в сфере муниципально-правовых отношений по поводу создания благоприятной среды проживания граждан на соответствующих территориях муниципальных образований.

Рассматриваются новые правовые возможности с целью максимального приближения муниципального уровня власти в больших городах к жителям и их местным проблемам, расширения форм участия граждан в решении вопросов местного значения.

The article gives an overview of major amendments in the Federal law of 06.10.2003 № 131-FZ "On General principles of organization of local government in Russian Federation", providing additional model of organization of the municipal authorities, which allows to create in large cities of more municipalities – city district with the division into districts.

Will have the opportunity of forming new models of the system of bodies of local self-government and cooperation of local government with the public authorities, citizens, public associations in the sphere of municipal legal relations concerning the creation of a favourable environment of stay of citizens in the respective territories of municipalities.

Discusses the new legal possibilities with the purpose of maximum approach of the municipal level of government in the big cities to the residents and their local problems and expanding forms of participation of citizens in solving local issues.

Ключевые слова: В. В. Путин, Президент, Послание, закон, МСУ, реформа, модели, права, свободы, полномочия, муниципалитет.

Keywords: Putin, the President, the message, the law, LSG, reform, models, rights, freedom, authority, municipality.

26 мая 2014 г. состоялось заседание Совета при Президенте по развитию местного самоуправления, на котором обсуждались вопросы реализации новых норм законодательства о местном самоуправлении в рамках реализации положений Послания Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Согласно конституционному установлению Президент Российской Федерации 12 декабря 2013 г. обратился с ежегодным Посланием Федеральному Собранию (далее – Послание) [1]. Владимир Владимирович Путин подчеркнул, что Конституция Российской Федерации [2] содержит два базовых незыблемых приоритета – высочайший статус прав и свобод граждан, а также сильное государство, их взаимную обязанность уважать и защищать друг друга, это и есть ключевые национальные объединительные идеи России.

В Послании в качестве приоритетного направления развития Президентом Российской Федерации была поставлена задача обновления системы местного самоуправления.

Социальный характер российской Конституции выражается во взаимной ответственности государства, общества, бизнеса, каждого гражданина. В настоящее время наблюдается растущее стремление граждан, представителей общественных и профессиональных объединений, политических партий, предпринимателей участвовать в различных формах политической и социально-экономической жизни страны. Такую гражданскую активность необходимо поддерживать в первую очередь в муниципалитетах, создавая реальную возможность для участия граждан в управлении своим двором, кварталом, поселком или городом, в решении повседневных вопросов местного значения, которые в конечном счете определяют качество жизни человека.

Являясь наиболее приближенной к населению, местная власть должна быть устроена так, чтобы любой гражданин, образно говоря, мог «дотянуться до нее рукой», а потому важнейшей задачей, по мнению Президента РФ, сегодня является уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово самостоятельной власти на местах.

Обращая внимание на юбилейную историческую дату – 150-летие Земской реформы в России, В. В. Путин отметил, что именно развитие земств, местного самоуправления в свое время позволило России совершить рывок, найти грамотные кадры для проведения крупных прогрессивных преобразований.

Каков же исторический опыт земства в России?

Согласно Земской реформе 1864 г. «для заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда, были образованы губернские и уездные земские учреждения» [3].

В развитие Земской реформы согласно «Положению о волостном общественном управлении» 1866 г. впервые «с целью обеспечения в интересах крестьян общественного самостоятельного управления» и «необходимости устройства гражданского и общественного быта крестьян» образовывались «волостные общества из лиц, живущих на определенной земской территории (от 200 душ), соединенных в одно целое и пользующихся взаимными, законом установленными, правами и обязанностями» [4].

Одним из ключевых направлений государственных преобразований П. А. Столыпина [5], продиктованных аграрной реформой и социальными изменениями в российской деревне, являлась реформа местного самоуправления, которую планировалось развивать в двух направлениях: совершенствование и расширение имевшейся системы земских учреждений и создание так называемой «мелкой земской единицы» на уровне волости и поселка, так как с 1864 г. земское самоуправление было предусмотрено только в губерниях и уездах.

Конфиденциальная записка Министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте раскрывает основную идею местного самоуправления конца XIX в.: «Чем более развито самоуправление, тем ближе власть к народу, ибо при развитом местном самоуправлении она проводится в народ не посредствующими третьими лицами, воеводами, думцами, а теми же представителями народа, которые видят в полноте власти полноту народных прав, народной воли и народной чести. Для того, чтобы быть близкой народу и действовать для народа, власть должна иметь постоянное общение с народом» [6].

7 февраля 1907 г. П. А. Столыпин внес на рассмотрение Совета министров «Главные начала преобразования земских и городских общественных управлений». Предлагаемая в этом документе программа мер сводилась к следующему:

- 1) усиление в местном самоуправлении общественного начала и привлечение к участию в нем широких слоев населения;
- 2) расширение компетенции выборных учреждений;

3) упорядочение отношений органов местного самоуправления и исполнительных структур центральной и местной власти.

В рамках реформ советской власти по созданию территориальной основы для формирования местных Советов в городах, уездах и губерниях 24.12.1917 г. Народный комиссариат внутренних дел в своем обращении «Об организации местного самоуправления» подчеркивал необходимость «перемещения административных центров в промышленные города, Советы которых более крупны, более деятельны и влиятельны» [7]. И это решение сыграло свою историческую роль в предвоенные годы бурным ростом промышленности.

История становления и развития современного института местного самоуправления насчитывает чуть более двух десятков лет, и вполне естественны те мучительные уроки поиска истинной модели народного самоуправления в новых демократических условиях государственных преобразований.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции РФ «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». Это означает, что народ обладает всей полнотой власти на территории страны и на территории муниципальных образований. Власть народа исполняет роль объединяющего начала в системе управления обществом и выступает гарантом обеспечения единства и целостности России.

В развитие конституционных положений Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) в ст. 1 определяет местное самоуправление как основополагающий принцип организационного построения власти в государстве: «Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Российской Федерации» [8].

Реальное положение дел в местном управлении вызывало много споров как в научном мире, так и в народной среде. Складывалось впечатление, что местная власть опасалась «приближаться» к местным проблемам и неразрешимым вопросам граждан, избегала прямого взаимодействия с населением муниципальных образований, отчасти из-за недофинансирования своих обширных полномочий, а чаще – по причине нежелания брать на себя ответственность за решение вопросов местного значения.

Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение.

Проблемы и разбалансировки в системе местной власти очевидны для всех. Смысл изменений, которые предлагаются, в том, чтобы убрать эти диспропорции, в целом повысить роль и самостоятельность местного самоуправления.

Поэтому новым Федеральным законом [9] в дополнение к уже существующим вводится ещё одна модель организации муниципальной власти, которая соответствует требованиям времени. Краеугольным камнем для устройства всей системы власти является вопрос о чётком разграничении полномочий. Базовая идея реформы состоит в том, чтобы сделать эффективным, дееспособным именно низовой уровень местного самоуправления, прежде всего чётко определить, за что он отвечает и за счёт каких финансовых источников будут исполнять свои полномочия наши коллеги в муниципалитетах.

За органами местного самоуправления закрепляются задачи и полномочия, которые обеспечивают самостоятельность и независимость муниципалитетов. Это полномочия органов местного самоуправления в сферах управления муниципальной собственностью, формирования, утверждения и исполнения местного бюджета, осуществления охраны общественного порядка, установления структуры органов местного самоуправления, изменения границ территории муниципального образования, принятия устава муниципального образования и внесения в него изменений и дополнений, издания муниципальных правовых актов; установления официальных символов муниципального образования; учреждения печатного средства массовой информации для опубликования муниципальных правовых актов, обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения, доведения до сведения жителей муниципального образования официальной информации о социально-экономическом и культурном развитии муниципального образования, о развитии его общественной инфраструктуры и иной официальной информации; осуществления междуна-

родных и внешнеэкономических связей в соответствии с федеральными законами; принятия решения об удалении главы муниципального образования в отставку.

Данные поправки в ФЗ № 131 наделяют региональную власть правом перераспределять некоторые полномочия между субъектом федерации и муниципалитетом, но одновременно они увеличивают ответственность субъектов РФ за согласованное и продуктивное взаимодействие с муниципалитетами, решения о перераспределении полномочий в отношении конкретного муниципалитета должны закрепляться соответствующим законом субъекта федерации, а сами полномочия передаваться только вместе с финансовыми средствами на их реализацию. Это даст возможность обеспечить дифференцированный подход к каждому муниципальному образованию, учесть особенности его развития, кадровый и экономический потенциал.

Принятые поправки в ч. 1 ст. 2ФЗ № 131 вводят новый вид муниципального образования – городской округ с внутригородским делением, т. е. городской округ, в котором в соответствии с законом субъекта Российской Федерации образованы внутригородские районы как внутригородские муниципальные образования. Данная поправка дает возможность создания новых видов муниципальных образований в крупных городах, что позволит данным территориям самостоятельно решать, как строить систему местной власти, какая форма организации местного самоуправления в наибольшей степени отвечает интересам граждан, будут ли они выбирать главу муниципального образования прямым голосованием или делегируют это право избранному ими же представительному органу муниципальной власти.

«Уверен, и сейчас сильное местное самоуправление способно стать мощным ресурсом для пополнения и обновления кадрового потенциала страны. И конечно, мы все заинтересованы в том, чтобы через механизмы выборов во власть приходили подготовленные, целеустремленные, профессиональные люди, готовые ответственно исполнять свои обязанности. Потому будем и дальше работать над развитием политической конкуренции, совершенствовать политические институты, создавать условия для их открытости и эффективности» [10].

Органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления соответствующих муниципальных образований следует создавать правовые возможности с целью максимального приближения муниципального уровня власти в больших городах к жителям, к их проблемам, чтобы граждане принимали непосредственное участие в решении вопросов местного значения, в том числе и через территориальное общественное самоуправление. При этом следует усиливать ответственность избранных представителей перед гражданами: больше времени проводить на территории муниципального образования, вплотную заниматься повседневными вопросами местного значения, активнее работать напрямую с людьми.

Федеральный закон № 131 наделяет органы государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления полномочиями по правовому регулированию вопросов организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (ч. 1 ст. 6) и решению населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций соответствующих территорий муниципальных образований [11].

Однако в действительности не каждый субъект Российской Федерации решается взять на себя такую ответственность. Не по этой ли причине наблюдается тотальное дублирование в региональных нормативно-правовых актах соответствующих федеральных муниципально-правовых норм. Такая практика и создает предпосылки для нарушения конституционных прав и свобод граждан в сфере муниципально-правовых отношений, игнорирует интересы и запросы местного сообщества на правовое обеспечение их конституционных прав реализации местного самоуправления с учетом своих исторических и местных традиций.

Таким образом, исторический опыт российского самоуправления конца XIX – начала XX в. имел вполне созвучные идеи и схожие проблемы с современным институтом местного самоуправления XXI в. Изучив и «примерив» на себя европейский опыт самоуправления, Россия постепенно приходит к осознанию значимости собственных исторических уроков, а значит, сегодня целесообразно изучить и взять в практическое применение все лучшее из нашей муниципальной истории.

Примечания

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 г. «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию» // Российская газета. 2013. № 282.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
3. *Дмитриев С. С.* Хрестоматия по истории СССР. М., 1948. Т. III. С. 156–158.
4. *Ложкина Т. Е.* Административно-территориальное устройство Вятского края в XVIII–XXI вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. История и юридические науки. 2001. № 2(5). С. 175.
5. URL:<http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin>
6. Конфиденциальная записка Министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте. 1899. С. 11.
7. *Ложкина Т. Е.* Указ. соч. С. 176.
8. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
9. Федеральный закон от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2770.
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 г.
11. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Notes

1. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 12.12.2013 g. «Poslanie Prezidenta RF Vladimir Putina Federal'nomu Sobraniyu» [Presidential Address to the Federal Assembly on 12.12.2013, the "Message from the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly"] // Rossijskaya gazeta – Russian newspaper, 2013, № 282.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments to the Law on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FCL, from 30.12.2008 № 7-FCL, from 02.05.2014, № 2 FCL) // Collection of laws of RF, 2014, № 9, art. 851 (in Russ.).
3. *Dmitriev S.S.* KHrestomatiya po istorii SSSR [Readings on the history of the USSR]. Moscow. 1948. Vol. III. Pp. 156-158.
4. *Lozhkina T.E.* Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Vyatskogo kraja v XVIII–XXI vv [Administrative division of the Vyatka region in XVIII–XXI centuries] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Istoriya i yuridicheskie nauki – Herald of Vyatka State University of Humanities. History and jurisprudence, 2001, № 2 (5), p. 175.
5. Available at: <http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin> (in Russ.)
6. Konfidentsial'naya zapiska Ministra finansov stats-sekretarya S. YU. Vitte [Confidential note by the Minister of Finance State Secretary S.Yu. Witte]. 1899. P. 11.
7. *Lozhkina T.E.* Op. cit. P. 176.
8. The Federal Law of 06.10.2003 № 131-FZ (as amended. From 28.12.2013, the) "On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" // Collection of laws of RF, 2003, № 40, art. 3822 (in Russ.).
9. Federal Law of 05.27.2014, № 136-FZ "On Amendments to Article 26.3 of the Federal Law "On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation" and the Federal Law "On general principles of organization of local government in the Russian Federation" // Collection of laws of RF, 2014, № 22, art. 2770 (in Russ.).
10. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 12.12.2013 g [Address of the President to the Federal Assembly on 12.12.2013]
11. Federal Law of 06.10.2003 № 131-FZ (as amended. From 28.12.2013, the) "On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation." (in Russ.)

Метафизика как сфера соединения науки уголовного права с наукой в целом

В статье рассмотрены некоторые научные направления, которые криминалисты выбирают с целью познания сущности уголовного права. Обращено внимание на то, что исторически за пределами их внимания оказывается метафизика. Раскрыты ее предназначение и полезные для права возможности. Обосновано, что без обращения к метафизическим знаниям наука уголовного права не сможет включиться в общенаучный контекст, правильно воспринимать знания из других отраслей науки.

In the article some scientific directions, which criminologists choose from in order to understand the nature of criminal law. Attention was drawn to the fact that historically outside of their attention is metaphysics. Disclosed its purpose and useful for the right opportunity. Reasonable, that without reference to the metaphysical knowledge of the science of criminal law will not be included in the general context, to correctly perceive knowledge from other branches of science.

Ключевые слова: наука, метафизика, уголовное право, политика, междисциплинарность, философия права, метатеория, метасоциология, мета-история, метагеометрия.

Keywords: science, metaphysics, criminal law, policy, interdisciplinarity, philosophy of law, metatheory, meterology, metahistory, metageometry.

Заявленная тема на первый взгляд может показаться по некоторым причинам несостоятельной. Сторонники такой точки зрения обратят внимание на ненаучность метафизики и на недопустимость ее постановки в один ряд с различными отраслями науки, в т. ч. социальными и гуманитарными. По этой же причине противники метафизики укажут на неприемлемость изображения из нее какой-либо сферы, которая могла бы объединять в себе различные знания и уж тем более претендовать на статус «науки в целом».

Скептицизм к теме усиливает ее незначительная востребованность в науке уголовного права, малоизвестность среди криминалистов и их уверенность в непригодности метафизических знаний для нужд рассматриваемой отрасли права. В понимании специалистов она лишена актуальности, поскольку представляет собой, как писал Фрэнк Сьюэлл, смутное, во многом темное и спекулятивное, а самое главное – непрактичное творение разума [1]. Исходя из высокой степени отвлеченности от опытного мира и безотносительности метафизики к вопросам прикладного плана, юристы усомнятся в ее возможностях соответствовать статусу нового источника знаний, который сегодня усердно изыскивается представителями науки уголовного права с целью объяснения кризисного положения происходящих в этом праве дел.

Однако отмеченные сомнения не новы для метафизического учения. В том или ином качестве они всегда его сопровождают. На этом, правда, их функциональность еще в далеком прошлом была исчерпана. Ни одного из столпов, к примеру, древнегреческой философии они не поколебали. Взгляды каждого из них, по свидетельству С. Н. Трубецкого, опираются на прочную метафизическую основу, без которой невозможно мыслить философию вообще. Со времен сократовых диалогов названные колебания не упрочили свои позиции, не приобрели дополнительной твердости и ясности.

Но противники метафизики настойчивы. В своем философствовании они поступали проще апологетов Древних Греции и Рима. От безысходности в деле порабощения метафизики они обосновывали необходимость ее отмены. Особенно активно отрицатели метафизического мировоззрения проявили себя на заре технического прогресса. В Новое время они, можно сказать, довели свое дело до массового отказа от метафизического постижения смыслов бытия. Заявили о достаточности возросшей интеллектуализации и рационализации способов человеческого существования и о том, как писал М. Вебер, что уже «нет никаких таинственных, не поддающихся учёту сил, которые здесь действуют... напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путём расчёта... Больше не нужно прибегать к магическим средствам, чтобы склонить на свою сторону или подчинить себе духов, как это делал дикарь, для

которого существовали подобные таинственные силы. Теперь всё делается с помощью технических средств и расчёта».

В метафизике, конечно, есть свои сложности. Но надо заметить, что ни один из недостатков метафизики не отменяет её существа, а все они являются сугубо ее внутренним делом, чем она выгодно отличается от других учений. Поэтому опровержение антиметафизических настроений не требует приложения больших усилий. Не имеет смысла противопоставлять им убедительную и проверенную веками, в целом единую точку зрения авторитетных предводителей самых влиятельных и одновременно разных философских школ – Аристотеля, Пифагора, Платона, Лейбница, Декарта, Вольфа, Фихте, Шеллинга, Канта и Гегеля, которые либо признавали за метафизикой научный статус, либо не оставляли ее без надежды на достижение этого статуса. Каждый из них понимал и по своей сути признавал в своих философских размышлениях тезис о том, что метафизика, как говорил Борден Боун, лежит в основе всего мышления и всей науки. Вольно или невольно, мы все включены в метафизику. Поэтому мнимый отказ от нее влечет наступление практического результата, близкого по своим качествам к механическому или материалистическому фатализму.

Применительно к теме достаточно обратить внимание на то, что сама по себе метафизическая мысль никогда не претендовала на научность. Она не скрывала, что предметом ее интереса является ненаучное (в традиционно узком смысле этого слова) – априорное, сверхъестественное и внеприродное. Возможность постановки заявленной темы, т. е. рассмотрения в метафизике сферы объединения различных отраслей науки, объясняет и во многом обосновывает другая тенденция. Она, несмотря на свою длительную историю, еще мало изучена, а уголовным правом и вовсе не распознана и не признана. Речь идет о том, что подавляющее большинство разделов науки с определенной периодичностью, осознанно или подспудно сами выходят в сферу метафизики. Это происходит, надо признать, не часто. Как правило, интенсивность такого обращения зависит от качества взглядов тех модераторов, которые стоят у «руля» науки. Активность их апеллирования к метафизике усиливается в периоды кризиса представляемых ими наук.

В исследовательской практике науки уголовного права можно отыскать единичные случаи выхода в область метафизики. Но и они, по наблюдениям историков, остались в далеком прошлом. Последние метафизические построения в области уголовного права С. В. Познышев наблюдал в XVIII в. Уже в XIX в. они приобрели вид «очень слабых остатков прежних метафизических увлечений». В настоящее время принимаются усилия по включению отечественного уголовного права в общефилософский контекст. Совершаются робкие попытки обнаружить в основании этого права онтологические предпосылки. Но спустя более полутора веков в научном постижении уголовно-правовой реальности изменилось не многое. Заимствования из метафизики по-прежнему скромны и практически не ощутимы. Надо признать, что и в XX–XXI вв. над наукой довлеют прямо противоположные тенденции.

Авторитетные специалисты не оставляют сомнений в том, что ключ от уголовного права лежит в плоскости уголовной политики. Свою уверенность они основывают на представлениях о том, что политика есть многообразное, многогранное и многоаспектное явление, определяемое с разных сторон. В их воображении она предстала как своеобразная надстройка, в которой общественные отношения выражены в концентрированном виде, должным образом обобщены и завершены с учетом их специфики и требований универсальности. Расхожим стало обращение к уголовной политике как к области науки, способной давать ответы на вопросы, разрешение которых не под силу научно-методологическим подходам. Уголовно-правовая политика рассматривается как генеральное направление развития уголовного законодательства. На базе уголовно-политической школы сформировались представления о политике, внедрение которой способствует криминалистам размышлять не только о том, что существует, но и том, что должно существовать.

Уверенность специалистов в политике граничит с самоуверенностью. Очевидно, что в возложении надежд на политические учения юристы не в полной мере отдают отчет их предназначению. Упускают из своего вида то, что политика не образует собой твердую почву для уголовно-правовых построений, поскольку сама нуждается в таковой. Сфера политики ограничена. Ее возможностям доступна лишь феноменальная область права. Для более глубокого погружения в недра уголовного права она не предназначена. Политика исходит из существующего, а не из сущего, которым занята метафизика. Вне компетенции политики ос-

таются вопросы о том, какое уголовное право есть само по себе и каким должно быть на самом деле. В область политического интереса входят аспекты желательного и наилучшего. Политика никогда не имела дело с должным. Ее уделом является лишь целесообразное. Несмотря на это, перед ней поставили задачу стремиться к идеалу и давать систематику теоретических и практических требований уголовного характера; включили политику в состав науки и придали ей чрезвычайное значение.

Другая тенденция во многом рукотворно приобрела антиметафизические черты. Связана она с методом. Исходя из убежденности в сложном и многоаспектном устройстве политики, сегодня верх берут воззрения о том, что разрешение вытекающих из кризиса уголовного права проблем подвластно столь же сложному и комплексному методу – междисциплинарному подходу. В своем выборе наука уголовного права не одинока. Надо признать, что в этом вопросе она развивается в общенаучном контексте. Междисциплинарный метод пользуется популярностью. Он широко распространен среди других отраслей науки. Некоторые специалисты даже говорят о возникновении моды на междисциплинарность. В ней они видят перспективу.

Философия приступила к верификации заявленного метода. На данном этапе эпистемологи отмечают, что в самом по себе междисциплинарном подходе нет ничего антиметафизического. В нем обнаружили особую и свойственную науке форму объединения культуросозидательных сил, необходимого, как пишет В. Н. Порус, «чтобы расколы и трещины культуры не усугублялись, а заделывались, а еще лучше – вообще исчезли».

Но специалисты также указывают на условия применения метода. Их игнорирование лишает его всякой основательности и влечет возникновение прямо противоположных результатов. Он превращает исследователя в обозревателя мнений специалистов и делает из него непрошенного между ними посредника; выбивает из-под правоведов юридическую почву и направляет их на путь поиска позитивных критериев.

Одним из основных условий применения междисциплинарного метода является наличие у науки своих собственных парадигмальных представлений об уголовном праве. Если она будет иметь собственное понимание своего предмета, его предназначение и функции, то междисциплинарный метод в руках этой науки сможет не только «наводить мосты» между различными частями и подразделениями знаний, но и выдерживать стратегию внутреннего единства соответствующей отрасли права, направлять импульсы, возникшие от синтеза знаний, к единой познавательной цели.

В случае несоблюдения названного требования развивающаяся междисциплинарная тенденция, как верно отмечает Е. А. Попов, способна украсть у науки не только свой собственный взгляд на реальность и вещи, который нередко приходилось отстаивать в течение десятилетий на дискуссионных площадках и в настоящих идейных сражениях, но и заметно изменить вектор оценки тех или иных явлений и процессов. Что-то похожее на квази-междисциплинарность в теории уголовного права уже наблюдается, поскольку вопросы о его полноценном концептуальном обеспечении в полной мере еще не поставлены и тем более не удовлетворены наукой.

Наука уголовного права, таким образом, так и не получает доступа ни к предельным основаниям этого права, ни к сфере метафизике, где другие отрасли знания в период глубочайших кризисов заново находят себя, а в повседневности – верифицируют свои достижения. За счет своего прибежища к сугубо позитивистской аргументации, не приобрела она и надежные источники соединения с другими отраслями знания и синтеза с наукой в целом.

Между тем опыт социальной метафизики не настолько бесполезен, насколько это может показаться, судя по историческому к нему отношению науки уголовного права. В «умелых руках» метафизическая практика может послужить хорошим путеводителем в мир бытия, в т. ч. других отраслей знания. Она же на первом этапе позволит выйти за пределы сложившихся об уголовном праве стереотипов. То есть помочь воспринять его тем, что вне зависимости от наличия или отсутствия преступления всегда остается с нами. А самое главное – онтологическая мысль способна предложить ранее практически не востребованные криминалистами знания, полезные для поиска уголовного права таким, какое оно есть само по себе. Она поможет отыскать, говоря словами Ф. Аквинского, обособленное существо этого

права, кое суть первый двигатель, от которого необходимо зависит порядок всех его институтов.

«Первому двигателю», надо признать, как обособленному существу, от которого необходимо зависит весь уголовно-правовой порядок, не придается должного значения. Гносеологический потенциал этого явления теорией не разрабатывается. Описание существа права обходится выделением и обоснованием якобы присущего только ему предмета и метода. Считается, что само по себе их наличие обеспечивает соответствующую отрасль правом на самостоятельный статус. Не замечается, что названные категории связаны преимущественно лишь с внешней характеристикой уголовного права; с тем, что ему противостоит и что определяет его место «под солнцем». Не принимается во внимание и то, что они противоположны, к примеру, парадигме, которая обращена во внутрь права и преследует цель его самоопределения.

Упускается из вида и еще одна крайность. Не придается значения тому, что большинство развивающихся по стандартам современной науки идей берет свое начало от одной из двух противоположностей. Либо от охраняемого «блага», либо от «зла», которым в рассматриваемой отрасли права выступает преступление. Что говорить, если всякое размышление об уголовном праве преимущественно начинается и сводится к рассмотрению учения о преступлении. Значительное число исследований посвящено Особенной части уголовного права, содержащимся в ней конкретным составам преступлений, их истории и практике применения.

В других случаях отправной точкой для исследователей выступает защищаемое уголовным правом благо. Из Общей части этого права извлекается объект охраны, который на первом этапе изучается отвлеченно от своей отрасли права, а только затем оценивается его отражение в широком круге норм Особенной части. Таким способом достигается понимание того, соответствуют ли уголовно-правовые представления социальным, экономическим и другим моделям защищаемых благ. Иные исследовательские сценарии наука не выдвигает и не предлагает испытывать. Смена отмеченных исходных начал составляет основной источник ее эвристических ожиданий. В ряде случаев она приносит свои перспективные плоды.

Впрочем, познание «обособленного существа» уголовного права названными путями не совершается. И никогда не совершится. Убедительным подтверждением заявленному тезису служит состояние науки уголовного права. Сложившийся в её недрах процесс получения знаний привел к тому, что к сегодняшнему дню криминалисты располагают данными о преступлении и наказании в более значительном объеме, чем об уголовном праве, как таковом. Все, чем обладают современные юристы об отмеченной отрасли права, не больше того, что имели их предшественники. Они по-прежнему ведут речь в основном об уголовном праве как об отрасли права, законодательства, науки и учебной дисциплине. Проникновение в теорию уголовного права отвлеченных или других востребованных философией и общей теорией права категорий обеспечивается с трудом. Накопленные знания и их структура признаны полными и самодостаточными. «Они, – как пишет А. В. Наумов, – уже проверены веками». Поэтому, считает юрист, «никакого нового уголовного права не появится. Он прогнозирует, что «будет органическое развитие старого с приспособлением к новым реалиям».

Отсутствие во всем объеме представлений об уголовном праве крайне малого – знаний об «обособленном существе» этого права – как будто бы не замечается. Дефицит знаний о его самости криминалистов существенным образом не беспокоит. Всюду обнаруживаемый дуализм, обеспечивающий бесперебойное движение науки рассматриваемой отрасли права «по кругу», не вызывает у специалистов существенной рефлексии. В них не возникает потребности, как пишет П. П. Гайденко, «найти “лежащее в основе третье”, которое было бы посредником между противоположностями».

О нечто третьем в свое время писал еще Аристотель. В нем он видел выход из подобных трудностей. «Для тех, кто устанавливает два начала, – говорил мыслитель, – должно существовать еще одно начало, более важное...». Оно лежит в основе. Все противоположные определения, писал стоик, восходят к нему, и ни одно из них не может существовать без него отдельно. Это начало неподвижно и неприродно. Оно всегда чистая актуальность. Сфера мышления является его питательной средой, а мысль – средством, используя внутренние возможности которой, как пишет В. В. Миронов, исследователь способен проникать в сущность бытия.

Предложение античного мыслителя универсально, а точнее, бытийно. Оно в полной мере применимо как к праву в целом, так и к уголовному праву в частности. Его обоснованность впоследствии подтвердил и развил применительно к праву Г. Ф. Гегель. Он видел, что в основе спора о праве всегда лежат направленные друг против друга основания и отрицательные суждения. Для их разрешения требуется, как писал философ, «третье суждение». В его качестве выступает суждение о «праве в себе», которое не заинтересовано в вещи и является собой силу, сообщающую этому праву наличное бытие.

«Нечто третье» Аристотеля и Гегеля метафизично. Современники не находят его в обыденной, повседневной жизни. Они обнаруживают «третье» в «другом мире». М. К. Мамардашвили, в частности, называл этот мир «другим модусом бытия и жизни», который, по мнению мыслителя, является более реальным, чем тот, который мы считаем эмпирическим, или обиходно, повседневным. По своей природе он первичен, состоит из человеческих явлений, которые заставляю отличать от человеческих состояний.

О «другом модусе бытия», через который лежит путь к «третьему», в науке уголовного права говорится не многое. Можно сказать, что знания об альтернативных реальностях, которые также доступны человеку и представляют собой основной интерес для метафизики, развиты слабо. Кажется, что привычный режим психофизических существ является единственно возможным и нормальным. Другого и более реального режима у криминалистов не имеется. Во всяком случае, с помощью подручных средств, в т. ч. уголовно-правовых, его невозможно представить. Уголовно-правовая мысль к тому же никогда не отрывалась от реальности известного ей мира, а поэтому, возможно, ее нельзя упрекнуть в недостаточной осмотрительности и обоснованности. Она всегда являлась последовательным и убежденным сторонником всего настоящего. На каждом историческом этапе её модераторы призывали не забывать об окружающей уголовное право среде и старались обеспечивать в своих трудах их перманентную взаимосвязь.

Вспомним Н. С. Таганцева, который в конце XIX – начале XX в. настаивал на «изучении преступлений, какъ событій текущей жизни, какъ явлений социального порядка, или какъ продукта органическихъ особенностей известныхъ лицъ...». В своих изысканиях юрист инкорпорировал реальность в уголовно-правовую материю. Н. С. Таганцев включил ее в понятие нормы. Известно суждение правоведа о том, что только та норма может быть нарушена, которая имеет реальную жизнь. Для того чтобы она могла стать реальным элементом юридической жизни, норма должна быть создана жизнью, а затем получить самостоятельное бытие.

На исходе XX – начала XXI в. В. Н. Кудрявцев высказал схожее мнение. Оценивая состояние уголовно-правовой науки, он заявил о том, что её нынешнее положение обусловлено недостаточной связанностью с реальностью. Уголовное право нужно модернизировать, поскольку оно уже не решает проблем, появляющихся в связи с изменением времени, людей и их ценностей, которые в «XXI веке уже не те, что сто или даже пятьдесят лет назад». Сторонники и оппоненты В. Н. Кудрявцева, несмотря на некоторые разногласия, сходятся во мнении о потребности обеспечения связи уголовного права с современными для него реалиями.

Из сказанного следует, что реальность, как таковая, не забыта представителями науки уголовного права. Получение актуального уголовного права и таких же знаний о нем они пытаются добиться сбором сведений о всех его проявлениях в известной им реальности. Для этого они вникают в сферу политики и используют междисциплинарный метод. Юристы небезосновательно могут усомниться в значимости для них заявленного философами тезиса о существовании некоего не охваченного ими мира. В предложении мыслителей они не увидят для себя что-либо новое. По глубокому убеждению криминалистов, никакой более реальной реальности, чем та, которая внешне окружает уголовное право, не существует. Однако в этом заключена скорее их проблема, чем достижение.

В ряде отраслей науки осознание сосуществования описываемых здесь миров уже наступило. Открытие возможностей метафизического мира для уголовного права, развивающегося преимущественно под влиянием позитивизма, требует веских доказательств. Их представление способно убедить криминалистов в необходимости отступления от эмпирико-критицистских традиций и от безальтернативного стремления искать и находить в них объяснение существа уголовного права, его институтов. Без выхода в метамир альтернативных знаний достижение отмеченной цели маловероятно.

В геометрии признана возможность такой геометрии, которая существенно отличается от евклидовых о ней представлениях. Речь идет о метагеометрии, которая на пути своего становления встречала переменное к себе отношение. Были периоды, когда возможность ее существования либо не подтверждали, либо вовсе исключали. Как и всю метафизику, метагеометрию упрекали в том, что формулируемые ею пространственные отношения конкретно-наглядно непредставимы. Сегодня философская и естественнонаучная возможность метагеометрии не подвергается сомнению. Глубокая степень ее проработки уже привела к своим мультипликативным результатам. Считается, что без принятия и осознания основных положений метагеометрии немислимо дальнейшее развитие знания не только в области точных, но и гуманитарных наук.

Специалисты отмечают, что метагеометрия не является чем-то неординарным. Она обеспечивает, как пишет В. Г. Степанов, «естественный переход к более широкому, более полному восприятию объективной реальности», что согласуется с оценками философов о существовании в человеческом бытии «более реальной и широкой реальности». Ее познание дает возможность ответить на множество вопросов, которые не в состоянии разрешить ни геометрия Евклида, ни геометрия Лобачевского – Римана. Принципиально неразрешимые для человеческого разума задачи оказались под силу лишь метагеометрии, способной вывести человека в высшие пространственные измерения и поставить проблему, образно говоря, «с головы на ноги».

Преодоление «невозможностей» в метагеометрии достигается за счет отступления от привычных аксиом и представлений о мире как о сфере конечных величин. Она не отрицает их. Не запрещает воспринимать мир старым и проверенным дедовским способом. Метагеометрия призывает работать над таким пониманием, которому под силу объяснить механизмы и самую сущность происходящих в мире физических взаимодействий, принципиально непостижимых с точки зрения надёжного и устоявшегося представления о трёхмерности мира. Метагеометры преодолевают рамки человеческого сознания, которое только на первый взгляд не способно объять и представить себе необъятное. Они подводят к необходимости допущения и обоснования закономерностей эн-мерного пространства, имеющего бесконечное количество измерений.

Кроме выхода в смежные пространства, метагеометрия расширяет устоявшиеся стереотипы путем введения новых понятий, наделения старых категорий обновленным смыслом либо его поиска в тех явлениях, которые прежде признавались бессмысленными. В конечном итоге, за счет собственного опыта познания законов мироздания метагеометрия обнаруживает, что в составе человеческого бытия сосуществует несколько геометрий, которые только на первый и невооруженный взгляд находятся в противоречии друг с другом. Однако дело здесь, как оказывается, не в геометриях, а в выборе человека. По своему обыкновению он признает истинным не то, что является таковым. Индивид постулирует то, что легче всего воспринимается его упрощённым пониманием. На этот счет Ж. А. Пуанкаре в свое время небезосновательно заметил, что «мы отдаем предпочтение одной геометрии перед другой не потому, что она более истинная, а потому что она более подходящая». «Перенесенные в другой мир, – писал математик, – мы имели бы, конечно, другую геометрию не потому, что наша геометрия перестала бы быть истинной, а потому, что она оказалась бы менее подходящей, чем другая».

Таким образом, ни одна из известных геометрий не имеет преимуществ перед другой. Все они оказываются, признавал Ф. Клейн, равноправными и лишь отдельными случаями общего Кейлевского мироопределения, которым доказывается существование тесной связи между различными геометрическими системами. Метагеометрия является источником их легитимности. С одной стороны, она не пользуется их аксиомами, а с другой – не отрицает их существа. Метагеометрия доказывает, что между евклидовой геометрией и не-евклидовой метрикой есть связь и в известном смысле – единство.

Свой путь к метауровню прошла физика. С относительно недавних пор она, как отмечает В. Д. Захаров, «поверила в невидимый мир и узнала его». Метафизика уверенно вошла в физику и прочно укоренилась в ней в качестве предмета физического знания. Историографы нашли достаточно подтверждений тому, что развитие физики во многом определялось и продолжает определяться лежащими в её основе метафизическими принципами. «Смена фи-

зических парадигм, – как утверждают специалисты, – вызывалась сменой метафизики, рождавшей каждый раз новый принцип относительности и, следовательно, новую физическую теорию». Показательно в связи с этим признание Г. В. Лейбница, который с самой юности размышлял над метафилософией и в своих физических построениях только её рассматривал в качестве средства, обеспечивающего установление кое-чего прочного.

Исследуя принципы механики, Г. В. Лейбниц заметил, что имеющихся в ее недрах знаний недостаточно для объяснения основания законов природы. Он признал, «что в мире все совершается не только по геометрическим законам, но также и по метафизическим законам вечных истин, т. е. не только по необходимости материи, но и по необходимости формы». Не разделив пессимистических настроений и пренебрежительного отношения к метафизике, он обосновал причины того, что метафизические законы, силы и действия применяются во всей природе и превалируют над чисто геометрическими законами материи. Для него стало очевидным то, что физическая необходимость вытекает из метафизической.

В материи, её протяженности и массе как основополагающих категориях механики физик не увидел активного и действительного начала. В них он не нашел *достаточно основания* мира и всех его связей «ни в какой-либо отдельной вещи, ни в собрании их, или совокупности». Г. В. Лейбниц не обнаружил в природе материи *принципа истинного единства*, подтверждающего и объясняющего наличие связи между душой и телом. Основания мира найдены физиком вне мира, т. е. в том, что отлично от связи состояний и ряда вещей, совокупность которых образует мир.

Современники подтверждают, что физика и метафизика обратились друг к другу. Ранее этому мешало не отсутствие некоторых знаний о внешнем мире, а определенные философские установки – метафизические позиции. Их смена и повторное применение к прежним экспериментам сделали возможным обоснование ряда фундаментальных физических теорий. Летоисчисление метафизики и ее сожителства с физической наукой ученые ведут со времени открытия квантовой механики. Осмысление последней привело физиков к совершенно новым горизонтам бытия, которые, как пишет А. Ю. Севальников, никак не могут быть сведены к наблюдаемому эмпирическому, фактическому и наличному бытию.

Относительно недавно к метауровню подошла социология. Точнее, она вернулась к тому, от чего ранее, казалось бы, навсегда была оторвана позитивистами. Источники напоминают периоды, когда социологи, находясь под влиянием, с одной стороны, теории эволюции Дарвина, а с другой – психоанализа З. Фрейда, терялись перед выбором между биологией и психологией, каждую из которых они рассматривали в качестве начального основания для своей науки. Их трудность была обусловлена пониманием того, что ни одна из этих наук не имела прочных оснований. «Современная психология, – писал Б. Н. Чичерин, – подобно всем другим наукам, отреклась от метафизики, а как скоро мы стали на эту точку зрения, так нет ни малейшей возможности понять что-нибудь в душе человека, которая имеет по преимуществу метафизическую природу и полна метафизических представлений».

Попав под влияние положительной философии, социологи также начали отрицать состоятельность метафизики. Они отдавали отчет тому, что обращение к отвергнутой метафизике с ее идеями и верованиями, априорными непроверяемыми началами считалось дурным тоном. Оставшись в итоге без рациональных начал, современные Б. Н. Чичерину социологи выдергивали наобум какое-нибудь явление и старались свести к нему все остальные явления. «Но так как явлений много и они весьма разнообразны, а оснований для выбора нет никаких, и каждый делает это по своему личному, случайному внушению, то и выходит полнейшая разногласица. Один видит основной общественный фактор в договоре; другой, напротив, в принудительном действии внешних сил; третий ищет основного общественного мотива в подражании, четвертый – в экономических отношениях».

Речь идет о работах А. Ж. Фуллье, Г. Спенсера, Шеффле, Раценгофера, Вейсмана и др. Каждый из них сделал свой мировоззренческий выбор в пользу непризнания метафизического учения. Но никто, в конечном итоге, не смог отказаться от него. Стоит вспомнить работы Фуллье, который, с одной стороны, объединял идеи валлунтаризма с принципами позитивизма, а с другой – признавал особые духовно-волевые состояния, «идеи-силы», занимался эклектичной метафизикой. В *Основных началах* Г. Спенсера также можно найти разнородные размышления автора и о тождестве биологического и социального эволюционизма, и о существовании «неведомого реального», «скрытой сущности явлений» и «первоначальной

причине», о познаваемом «мире явлений» и непознаваемой «вещи в себе». Смещение отмеченных идей привело к появлению в социологии механического эволюционизма, позитивистского агностицизма и психосоциологического монизма.

Современное продвижение социологии по направлению к метатеории специалисты воспринимают по-разному. Американский социолог Дж. Тернер, в частности, писал, что «метатеоретизирование обычно увязает в значимых философских проблемах и демобилизует построение теорий... Оно вовлекает теории во внутренние неразрешимые и обычно дебатруемые противопоставления». Однако не все разделили скептицизм Дж. Тернера. Подобное, во многом обыденное отношение не создало непреодолимых препятствий на пути приобщения социологии к метатеории. Сегодня она уже вошла в ряд ведущих учебников по теории социологии. Наряду с другими вопросами социологии знания в отраслевых научных изданиях рассматриваются проблемы метасоциологии, формулируется ее определение.

Идет процесс апробирования метакатегорий. На данном этапе социологией востребован пока только гносеологический аспект метатеории. В деле познания метасферы человеческого бытия социология полагается в основном на опыт науковедения, где признается, что «любая наука достигает зрелости, т. е. становится самостоятельной, когда она переходит в парадигмальный статус». Под метасоциологией понимают критический анализ эпистемологических и методологических структур социологии и ее различных компонентов.

Собственный путь по метаизмерению прокладывает история. Нельзя сказать, что метасфера является чем-то новым и ранее не востребованным исторической наукой. Представления о метаистории берут свое начало из глубокой древности. Первыми источниками этих представлений были мифы, религиозные традиции и другие культовые обычаи. В них допускалась реальность существования невидимых тонкоматериальных сущностей и миров, в контексте которых пребывает мир человеческий. В античные времена Василий Великий говорил о существовании Божественной реальности, которая генерирует иную, человеческую действительность. Закономерности ее существования несводимы к аналогичным характеристикам порождающей реальности. В Средневековье Н. Кузанский выделял порождающую реальность, составляющую область осуществления законов «метаистории», и реальность вторичную – виртуальную, работающую с повседневными судьбами людей.

Но сконцентрированные усилия по постижению логики изменений человеческого общества посредством использования несравненно более «крупномасштабных» единиц измерения исторических протяженностей, нежели было принято ранее, предприняты представителями философии России и Запада лишь на заре XX в. В то время, по свидетельству историков, было осознано, что «вся “новоевропейская картина мира”, включающая в свои рамки модель Вселенной, устроенной согласно механике И. Ньютона, а также схему эволюции, протекающей по Ч. Дарвину, является столь же мифологической, как и христианская доктрина мироздания. Эту мысль наглядно продемонстрировали О. Шпенглер, А. Бергсон, М. Элиаде и др.»

По своему определению метаистория близка к дефинициям ранее рассмотренных отраслей знания. В нем сохраняется установка на сущностно-онтологическое осмысление исторической жизни и представление о ней как о «сфере метафизического поиска». В метатеории усматривают высшую форму осмысления исторического. Непревзойденным в определении сути и предмета метаистории остается Г. В. Гегель. Обобщив опыт Анаксагора, Сократа, Платона, Аристотеля и их оппонента Эпикура, Гегель открыл, что «мир не предоставлен случаю и внешним случайным причинам». Он подчинен разуму как субстанции и бесконечной мощи всемирной истории.

Схожий взгляд на метаисторию разделял современник Гегеля Ж. А. Н. Кондорсе. Ее предназначение он видел в отражении картины прогресса человеческого разума. В его развитии мыслитель также не видел ничего случайного. По мнению философа, разум обнаруживается в каждом моменте, который в свою очередь зависит от результатов, достигнутых в предшествовавшие моменты, и влияет на те, которые должны быть достигнуты в будущем.

Базовое основание для построения своего исторического эскиза Кондорсе видел в человеке. Во многом из его метафизической сути историк черпал знания об истории и ее закономерностях. Всякое иное, в понимании Кондорсе, необдуманное отношение к истории будет удерживать человеческий разум в безнадежном рабстве и в вечном младенчестве.

Таким образом, из философско-исторического опыта следует, что метауровень не отягощен материальными свидетельствами человеческого быта. На его высотах вырабатыва-

ются способы духовного освоения мироистории. Исторический процесс оценивается сквозь призму таких «категорий, как добро и зло, прекрасное и безобразное, земное и небесное, настоящее и будущее, смерть и бессмертие, истина и заблуждение, прогресс и регресс и т. д.» На базе этих категорий выстраивается историософия как метаконцепция (целостное мировидение), которая, согласно Н. И. Карееву, синтезирует научно-объективное рассмотрение исторического процесса и ценностного подхода.

Продолжение изучения маршрутов, по которым двигались отдельные науки на пути к метафизике, способно обогатить наши о них знания. Однако уже понятно, что практика отмеченных отраслей знания не бесполезна для науки уголовного права. Очевидно, что она в своем отношении к метафизике не одинока. Нельзя сказать, что неметафизичность уголовного права как-то выделяет эту отрасль из общенаучного контекста. Напротив. Она находится в тренде. С ней вся современная цивилизация, одним из основных признаков которой, говоря словами А. Ю. Севальникова, «является то, что она носит принципиально не метафизический характер, а скорее даже, антиметафизический характер». Немногое с прежних времен изменилось. В философских науках и сегодня отмечается, что любое обращение к вопросам метафизики, в каком бы виде оно ни осуществлялось, до сих пор остается довольно рискованным делом. В некотором смысле положение даже усугубилось. Если ранее метафизика была «немодной» для обывателя, то сегодня она является таковой и для субъектов профессионального философствования.

Не глубокого взгляда на то, как другие науки расширяли свои представления о метафизике и приобщались к ней, достаточно для снятия существующих о ней негативных предубеждений и опровержения несостоятельных доводов о ее невостребованности. Появляется возможность убедиться и в том, что проблемы уголовного права могут скрываться и проявляться не только во внешних сферах жизни. Их основным седалищем способны являться и однажды взятые теорией на свое вооружение мировоззренческие аксиомы, которые сегодня терпят кризис из-за достижения своих пределов, исчерпания возможностей, неспособности вместить в свои хранилища (формы) существующую и ежедневно зарождающуюся социальную практику. Появляются для науки уголовного права предпосылки для поиска ранее не востребованных резервов, лежащих в составе человеческого бытия.

Приведенный здесь опыт обращения естественных и социальных наук к метафизическим возможностям свидетельствует, что имеющиеся у науки уголовного права знания о реальности служат одной из причин, препятствующей в подступе этой отрасли к сфере метафизики. Они не позволяют юристам допустить мысль о двух мирах или, точнее, о двух модулях мира, один из которых более реален, чем существующий в их наличии. Многие в представлениях криминалистов о реальности обусловлено подручностью эмпирической жизни и ее более легкой доступностью для понимания, которым она попросту назначена действительной и возведена в статус подлинной.

Другая причина связана с неоправданными надеждами правоведов на получение от сбора наибольшего объема различных знаний полного и актуального представления об уголовном праве. Они исходят из того, что право не может быть понято вне связи с различными сферами и формами социальной жизни, без учета нюансов правовых культур и консолидации самых разнообразных сведений, накопленных за долгие годы. Им кажется, что свойственное метафизике абстрагирование допустимо и применимо только при исследовании конкретных аспектов и институтов права. Оно не подходит для постижения природы, сущности и назначения права, решения мировоззренческих вопросов. Их одоление возможно через анализ конкретной обстановки и определенного социального окружения, в которых действует право.

Зависимость уголовного права от широкого круга прямых и косвенных детерминант не вызывает сомнений. Необходимость их исследования представляет собой аксиому, которая не нуждается в доказательствах. Однако отмеченным ожиданиям правоведов на получение от обзора всех сторон уголовного права понимания его первосущности, по свидетельству специалистов, занимающихся междисциплинарным, идейно-прикладным познанием реальности, не суждено сбыться по достаточно объективным причинам. Ю. Ф. Вилесов и Ф. В. Лазарев, в частности, справедливо обращают внимание на то, что ни один объект не может од-

новременно актуально проявить всех своих свойств, поскольку всякий объект неисчерпаем в своих связях и отношениях и эта неисчерпаемость не является чем-то актуально данным. То же самое касается однажды выбранных для их оценки критериев. Теоретико-экспериментальные исследования физиков подтверждают, что те коэффициенты, которые с момента своего открытия и затем еще долго считались положительными, на самом деле могут иметь и отрицательные величины.

О недостижимости одновременного взгляда на различные стороны права, его социальную, экономическую, политическую, демографическую и другие составляющие, также свидетельствует геометрия. Попытки воспроизведения этого взгляда создают иллюзию того, что исследователь с его помощью способен получить прообраз уголовного права, добраться до его первосущества. Все эти обзоры, как бы их ни систематизировали, по определению своему разные и способны лишь расфокусировать взгляд на преступление или наказание. Отвечая своему назначению, они извлекают из уголовного права только те характерные черты и в том объеме, которые соответствуют формату представляемой ими отрасли знания. Ни одна из них не имеет своей первоцелью создание универсального языка, обеспечивающего перевод знания с языка одной отрасли знания на язык другой. Каждая из наук в этих целях выходит в метасферу. Их собственным междисциплинарным методикам под силу познание лишь самих по себе связей как каналов, обеспечивающих не более чем переход научной информации, ее взаимообмен.

Геометрия также учит, что для разрешения неразрешимых проблем науке уголовного права полезно востребовать не только новые локальные точки обзора, но и целые пространства с не метрическими системами социального измерения. Существование в составе человеческого бытия нескольких геометрий свидетельствует, что искомые пространства наличествуют и образуют его неотъемлемую часть. Уголовное право работает с этими измерениями, но его теория еще не придает им должного значения. Не имея полного о них представления, она относится к ним как к второстепенным и сопутствующим факторам. Примеры такого отношения имеются.

Но основная причина недооценки не метрических средств социального измерения заключается в укоренившейся уверенности специалистов в том, что эмпирические средства, традиционно используемые для оценки преступности и наказуемости деяний, безальтернативны. Только они наиболее точно и достоверно отражают общественную опасность посягательств и последствий их совершения. Не берутся в расчет результаты физических и геометрических исследований о том, что евклидовы средства измерения являются только частным видом более широкой и полной объективной реальности, а добываемые с их помощью определения имеют приблизительный характер. Также игнорируется то, что истины временные, случайные или физические проистекают из вечных, или существенных, и метафизических истин.

При выборе средств уголовно-правовой оценки человека и его поступка упущено то, что фундаментальной основой человеческой идентичности считается человеческий дух, душа. Тело не самоотождествляет и не идентифицирует человека. Эмпирические средства замера во многом условны и способны выполнять лишь вспомогательные функции. Понятия величины, фигуры и движения вовсе не так отчетливы, как воображают. Они, как писал Г. В. Лейбниц, заключают в себе нечто мнимое и относящееся к нашим восприятиям. В аналогичном ключе об эмпирических методах осмысления реальности высказывался М. Фуко. Мыслитель отмечал, что физиологическое восприятие мира во многом галлюцинаторное. Философ с сожалением также говорил, что в наше восприятие входит только то, что мы способны воспринять. Им не достигается изучение реального человека.

В современной теории уголовного права почти все устроено иначе. Существенный акцент сделан на осязаемость уголовно-правового взгляда. Можно сказать, что его представители сторонятся всего, что напоминает им мир абстракций, в т. ч. и метафизики. В связи с этим, как отмечал А. Э. Жалинский, традиционно рассматривается не философская, а скорее практическая составляющая сущности уголовного права. Однако на деле оказывается, как отмечают знатоки физики, что именно абстракции тонко и адекватно отражают реальность. Посредством абстракций проявляет себя единство нашего мира, его общность. Абстракции отображают не только законы природы, но и границы той области, где они оказывают пре-

имущественное влияние на наблюдаемые процессы. Понятие как абстракция отображает некоторые объективные законы применимости законов природы.

Таким образом, нельзя сказать, что все вышеприведенные знания не касаются уголовного права, значительно от него оторваны либо абстрагированы от решаемых им задач. Представляется, что уже вскоре невозможно будет себе вообразить уголовное право, которое сможет обходиться в своей практике без упомянутых здесь метафизических категорий и знаний в целом. Приближение к метафизическим вершинам будет являться самым лучшим доказательством того, что наука уголовного права входит в общенаучный контекст, находится на верном пути достижения своей зрелости, т. е. становится самостоятельной, приобретает парадигмальный статус.

Примечания

1. *Sewall F.* The New Metaphysics or, the Law of End, Cause, and Effect, With Other Essays. London, 1888. P. 3.
2. См.: *Трубецкой С. Н.* Метафизика в Древней Греции / примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 2003.
3. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 713–714.
4. *Bowne V. P.* Metaphysics. New-York; Cincinnati; Chicago, 1882. P. V–VI.
5. *Познышев С. В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1912. С. 13.
6. См., напр.: *Голик Ю. В.* Философия уголовного права: сборник. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
7. См., напр.: *Козаченко И. Я., Козаченко Е. Б.* Размышления о метаправовом познании науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф. 27–28 января 2011 г. М.: Проспект, 2011. С. 76–81.
8. См., напр.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. М.: Изд-во Юрайт, 2010. С. 55–57.
9. См., напр.: *Безверхов А. Г., Коростелев В. С.* Служебные хищения имущества: тенденции и перспективы развития норм // Законодательство. 2014. № 4. С. 58.
10. См., напр.: *Рарог А. И.* Метаморфозы российской уголовно-правовой политики и система наказаний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (24–5 января 2013 г.). М.ва: Проспект, 2013. С. 3; *Побегайло Э. Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3–4; и др.
11. *Порус В. Н.* Междисциплинарность как тема философии науки // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 38. № 4. С. 9.
12. См.: *Порус В. Н.* Выбор интерпретаций как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI, № 1. С. 18–35.
13. См.: *Попов Е. А.* Право и нормы права в аспекте социального и философского знания // Вопросы правоведения. 2013. № 5. С. 74.
14. *Аквинский Ф.* О необходимости существования вечной неподвижной субстанции // Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. / сост. и подгот. текста С. И. Еремеев. СПб.: Алетейя, 2002; Киев: Эльга, 2002. С. 686.
15. *Наумов А. В.* Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.
16. *Гайденок П. П.* Эволюция понятия науки. М.: Наука, 1980. С. 280.
17. См.: *Аристотель.* Указ. соч. С. 403.
18. См.: *Мионов В. В.* Предметное самоопределение метафизики // Метафизика. 2011. № 1. С. 8.
19. См.: *Гегель.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / отв. ред. Е. П. Ситковский; ред. кол.: Б. М. Кедров и др. М.: Мысль, 1977. С. 331–332.
20. См.: *Мамардашвили М.* Вильнюсские лекции по социальной философии: (опыт физической метафизики). СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 20.
21. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. Т. 1. 2-е изд., пересм. и доп. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 7.
22. Там же. С. 42.
23. *Кудрявцев В. Н.* Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130–131.
24. *Степанов В. Г.* Что такое метагеометрия // Полигнозис. 1998. № 4(4).
25. См.: *Foundations of Geometry. Monist. Vol. 9. № 1. 1898. P. 41.*
26. См.: там же.
27. См.: *Клейн Ф.* Неевклидова геометрия / пер. с нем. Н. К. Брушлинского. М.; Л.: ОНТИ, 1936.
28. *Захаров В. Д.* Метафизический образ мира // Метафизика. 2012. № 1 (3). С. 15.

29. Там же. С. 16.
30. *Лейбниц Г. В.* О глубинном происхождении вещей // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровского и др. М.: Мысль, 1982. С. 282.
31. *Севальников А. Ю.* Понять метафизику // Метафизика. 2011. № 2. С. 64.
32. *Чичерин Б. Н.* Философия права. Изд. 2-е, испр. М., 2011. С. 15.
33. Там же. С. 16.
34. *Спенсер Г.* Основные начала. СПб., 1897. С. 466.
35. *Turner J.* The Structure of Sociology Theory. Homewood, 1986. P. 10.
36. Социология. Основы общей теории: учеб. для вузов / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2003. С. 69.
37. См.: Новейший философский словарь. 3-е изд. Минск, 2003. С. 171.
38. См.: *Кузанский Н.* О видении Бога // Николай Кузанский. Соч. Т. 2. М., 1979. С. 45–46.
39. *Грицанов А. А.* Проблемы эволюции природы человека в метаисторической перспективе // Спектр антропологических учений. Вып. 3 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. П. С. Гуревич. М.: ИФРАН, 2010. С. 79–80.
40. *Зайцева Н. Р.* Историософия как сфера метафизического поиска: проблемное поле, специфика концептуальных построений, методология исторического моделирования. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 2.
41. *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. С. 489.
42. Там же. С. 486.
43. См.: *Кондорсе Ж. А. Н.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соц-экономгиз, 1936.
44. *Кальной И. И.* Философия истории. Симферополь, 2004. С. 27–29.
45. *Севальников А. Ю.* Указ. соч. С. 59.
46. См.: *Сайкина Г. К.* Социальный потенциал метафизики человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2013. С. 3.
47. См., напр.: *Сигалов К. Е.* Среда права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 3.
48. См.: *Вилесов Ю. Ф., Лазарев Ф. В.* Взаимосвязь между законами и понятиями в физике // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1999. № 6. С. 34.
49. См.: Интервью Веселаго В. Г. // Успехи физической науки. URL: <http://ufn.ru/ru/ufn90/veselago.html>
50. См.: Спектр антропологических учений. Вып. 5 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. П. С. Гуревич. М.: ИФ РАН, 2013. С. 156.
51. См.: *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. С. 21.
52. См.: *Вилесов Ю. Ф., Лазарев Ф. В.* Указ. соч. С. 26–33.

Notes

1. *Sewall F.* The New Metaphysics or, the Law of End, Cause, and Effect, With Other Essays. London, 1888. P. 3.
2. See: *Troubetzkoy S.N.* Metafizika v Drevnej Gretsii [Metaphysics in Ancient Greece] / annotated. I.I. Mahankova. Moscow: Mysl'. 2003.
3. *Weber M.* Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a vocation and profession] // Weber M. Izbrannye proizvedeniya – Selected Works. Moscow. 1990. Pp. 713-714.
4. *Bowne B. P.* Metaphysics. New-York; Cincinnati; Chicago, 1882. P. V-VI.
5. *Poznyshhev S. V.* Osnovnye nachala nauki ugovnogo prava. Obshchaya chast' [Basic Principles of Criminal Law Science. General part]. Ed. 2nd, rev. and ext. Moscow. 1912. P. 13.
6. See eg.: *Golik Yu. V.* Filosofiya ugovnogo prava: sbornik [Philosophy of criminal law: a collection]. St.Petersburg: Jurid. center Press. 2004.
7. See eg.: *Kozachenko I. Y., Kozachenko E. B.* Razmyshleniya o metapravovom poznanii nauki ugovnogo prava [Reflections on metapravovom knowledge of Criminal Law Science] // Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: Proc. of the Eighth Intern. scientific-practical. conf. 27-28 January 2011. Moscow: Prospekt Publ. 2011. Pp. 76-81.
8. See eg.: Uголовное право. Aktual'nye problemy teorii i praktiki [Criminal Law. Actual problems of theory and practice]: a collection of essays / ed. V.V. Luneeva. Moscow: Yurait Publ. 2010. Pp. 55-57.
9. See eg.: *Bezverkhov A. G., Korostelev V. S.* Sluzhebnye khishcheniya imushchestva: tendentsii i perspektivy razvitiya norm [Service embezzlement: trends and prospects for the development of norms] // Zakonodatel'stvo – Legislation, 2014, № 4, p. 58.
10. See eg.: *Rarog A. I.* Metamorfozy rossijskoj ugovno-pravovoj politiki i sistema nakazaniy [Metamorphoses of Russian penal policy and penal system] // Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: Proceedings of the X Intern. scientific-practical. conf. (24-5 January 2013). Moscow: Prospekt. 2013. P. 3; *Pobegailo E. F.* Krizis sovremennoj rossijskoj ugovnoy politiki [Crisis of contemporary Russian criminal policy] // Uголовное право – Criminal Law, 2004, № 3-4; et al.

11. *Porus V. N.* Mezhdistsiplinarnost' kak tema filosofii nauki [Interdisciplinarity as a topic of philosophy of science] // *Ehpistemologiya i filosofiya nauki* epistemology and Philosophy of Science. 2013, vol. 38, № 4, p. 9.
12. See: *Porus V. N.* Vybor interpretatsij kak problema sotsial'noj ehpiistemologii [Selection of interpretations as a problem of social epistemology] // *Ehpistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*, 2012, vol. XXXI, № 1, pp. 18-35.
13. See: *Popov E. A.* Pravo i normy prava v aspekte sotsial'nogo i filosofskogo znaniya [Rights and law standards in terms of social and philosophical knowledge] // *Voprosy pravovedeniya – Questions of Law*, 2013, № 5, p. 74.
14. *Akvinsky F.* O neobkhodimosti sushchestvovaniya vечноj nepodvizhnoj substantsii [On the need for the existence of an eternal substance fixed] // *Aristotel'. Metafizika. Perevody. Kommentarii. Tolkovaniya – Aristotle. Metaphysics. Translations. Comments. Interpretation. / Comp. and preparing of text S.I. Eremeyev.* St.Petersburg: Aletheia. 2002; Kiev: Elga. 2002. Pp. 686.
15. *Naumov A. V.* Otkrytoe pis'mo professora A. V. Naumova akademiku V. N. Kudryavtsevu [Open letter of professor A. V. Naumov to academician V.N. Kudryavtsev] // *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*, 2006, № 4, p. 138.
16. *Gaidenko P. P.* EHvolyutsiya ponyatiya nauki [Evolution of the concept of science]. Moscow: Nauka. 1980. P. 280.
17. See: *Aristotle.* Op. cit. P. 403.
18. See: *Mironov V. V.* Predmetnoe samoopredelenie metafiziki [Object self-defenition of metaphysics] // *Metafizika – Metaphysics*, 2011, № 1, p. 8.
19. See: *Hegel.* EHntsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. Filosofiya dukha [Encyclopedia of Philosophy. Vol. 3. Philosophy of mind] / resp. ed. E. P. Sitkovskiy; ed. col.: B. M. Kedrov and others. Moscow: Mysl'. 1977. Pp. 331-332.
20. See: *M. Mamardashvili* Vil'nyusskie lektsii po sotsial'noj filosofii: (opyt fizicheskoy metafiziki)[Vilnius lectures on social philosophy (metaphysics physical experience)]. St. Petersburg: Azbuka, ABC-Atticus. 2012. P. 20.
21. *Tagantsev N. S.* Russkoe ugolovnoe pravo: lektsii. CHast' Obshchaya [Russian criminal law lectures. General part]. Vol. 1, 2nd ed., rev. and ext. St.Petersburg: State typ.. 1902. P. 7.
22. Ibid. P. 42.
23. *Kudryavtsev V. N.* Nauku ugolovnogo prava pora modernizirovat' [It is time to upgrade science of criminal law] // *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*, 2006, № 5, Pp. 130-131.
24. *Stepanov V. G.* CHto takoe metageometriya [What is metageometry] // *Polignozis – Polignozis*, 1998, № 4 (4).
25. See: *Foundations of Geometry.* *Monist.* Vol. 9. № 1. 1898. P. 41.
26. See: *ibid.*
27. See: *Klein F.* Neevklidova geometriya [Non-Euclidean geometry] / transl. form German N.K. Bruschlinsky. Moscow; Leningrad: ONTI. 1936.
28. *Zakharov V. D.* Metafizicheskij obraz mira [Metaphysical image of the world] // *Metafizika – Metaphysics*, 2012, № 1 (3), p. 15.
29. Ibid. P. 16.
30. *Leibniz G. V.* O glubinnom proiskhozhdenii veshchej [On the deep origin of things] // *Leibniz G.V. Sochineniya [Works]: 4 vols. Vol. 1 / Ed. and comp., author of preamble and notes V.V. Sokolov; transl. Y.M. Borowski et al.* Moscow: Mysl', 1982. P. 282.
31. *Sevalnikov A. Y.* Ponyat' metafiziku [To understand metaphysics] // *Metafizika – Metaphysics*, 2011, № 2, p. 64.
32. *Chicherin B. N.* Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Ed. 2nd, rev. Moscow. 2011. P. 15.
33. Ibid. P. 16.
34. *Spencer G.* [Key principles]. St. Petersburg. 1897. P. 466.
35. *Turner J.* The Structure of Sociology Theory. Homewood, 1986. P. 10.
36. *Sotsiologiya. Osnovy obshchej teorii [Sociology. The general theory]: tutorial for schools / resp. ed. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev.* Moscow: Norma. 2003. P. 69.
37. See: *Novejshij filosofskij slovar' [Newest Philosophical Dictionary]. 3rd ed. Minsk. 2003. P. 171.*
38. See: *Cusansky N.* [On the Vision of God] // *Nicholas Cusansky. Op. Vol. 2, Moscow. 1979. Pp. 45–46.*
39. *Gritsanov A. A.* Problemy ehvolyutsii prirody cheloveka v metaistoricheskoy perspektive [Problems of evolution of human nature in metahistorical term] // *Spektr antropologicheskikh uchenij – Spectrum of anthropological studies. Is. 3 / Rus. Acad. of Sciences, Institute of Philosophy; resp. ed. P.S. Gurevich.* Moscow: IFRAN. 2010. Pp. 79-80.
40. *Zaitseva N. R.* Istoriosofiya kak sfera metafizicheskogo poiska: problemnoe pole, spetsifika kontseptual'nykh postroenij, metodologiya istoricheskogo modelirovaniya [Historiosophy as the scope of the metaphysical search: problem field, the specific conceptual constructs, historical simulation methodology]. Moscow: MSU. 2005. P. 2.

41. *Hegel G.* Fenomenologiya dukha. Filosofiya istorii [The Phenomenology of Spirit. Philosophy of history]. Moscow: Eksmo. 2007. P. 489.
42. *Ibid.* P. 486.
43. See: *Condorcet J. A. N.* EHskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma [Sketch of historical picture of progress of the human mind]. Moscow: Sotsekonmgiz. 1936.
44. *Kalnoy I. I.* Filosofiya istorii [Philosophy of History]. Simferopol. 2004. Pp. 27-29.
45. *Sevalnikov A. Y.* Op. cit. P. 59.
46. See: *Saykina G. K.* Sotsial'nyj potentsial metafiziki cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk [Social potential of human metaphysics: Autoref. dis. Dr. Phil. sci.] Kazan. 2013. P. 3.
47. See eg: *Sigalov K.E.* Sreda prava: dis. ... d-ra jurid. nauk [Law environment: dis. Dr. jurid. sci.] Moscow. 2010. P. 3.
48. See: *Vilesov Y. F., Lazarev F. V.* Vzaimosvyaz' mezhdue zakonami i ponyatiyami v fizike [Relationship between the laws and concepts in physics] // Vestnik MGU – Herald of MSU, Ser. 7 Philosophy, 1999, № 6, p. 34.
49. See: Interview with *Veselago V. G.* // Uspekhi fizicheskoy nauki [Successes of physical science]. Available at: <http://ufn.ru/ru/ufn90/veselago.html> (in Russ.)
50. See: *Spektr antropologicheskikh uchenij* [Spectrum of anthropological studies]. Is. 5 / Rus. Acad. of Sciences, Institute of Philosophy; resp. ed. P.S. Gurevich. Moscow: Institute of Philosophy. 2013. P. 156.
51. See: *Zhalinsky A. E.* Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz [Criminal Law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis]. Moscow: Prospect. 2008. P. 21.
52. See: *Vilesov Y. F., Lazarev F. V.* Op. cit. Pp. 26–33.

Языковая норма и печать

В статье рассматриваются нарушения языковых норм в печати. Объектом исследования являются региональные газеты: анализируются и частично комментируются морфологические, синтаксические, лексические и орфографические ошибки, встречающиеся на страницах печатных изданий.

The article deals with the violations of language norms in press. The object of investigation is regional newspapers: morphological syntactical, lexical and spelling mistakes occurring on the pages of print media are analysed.

Ключевые слова: речевая культура; норма; типы норм; печать; морфологические, синтаксические, лексические, орфографические ошибки.

Keywords: speech culture; norm; types of norms; press; morphological, syntactical, lexical and spelling mistakes.

В последнее время много пишут о снижении культуры в обществе в целом и речевой культуры в частности. По наблюдениям лингвистов, это проявляется в расшатывании норм литературного языка; неоправданном использовании в речи жаргонных, бранных слов; речевой агрессивности, игнорировании норм речевого этикета. В связи с этим СМИ, с одной стороны, бьют тревогу о снижении речевой культуры: нередко публикуются статьи по данной проблеме, в последнее время появились передачи на радио о культуре речи и т. д. Однако, с другой стороны, средства массовой информации, призванные быть образцом владения литературным языком, нередко сами способствуют распространению языкового бескультурья.

На наш взгляд, средства массовой информации оказывают большое влияние на человека, зачастую формируя его интеллектуальный и эмоциональный мир. Несмотря на то что в последнее время всё больше людей используют электронные виды СМИ, печатные носители, газеты и журналы, всё же занимают высокие позиции в рейтинге предпочтений современного информационного потребителя. В связи с этим возрастает ответственность СМИ не только за содержательную сторону печатных изданий, но и за их нормативный уровень, за соблюдение норм литературного языка.

«Норма – единообразное, образцовое, общепризнанное употребление элементов языка (слов, словосочетаний, предложений); правила использования речевых средств в определённый период развития литературного языка» [1]. Нормированность является основной чертой литературного языка – высшей формы национального языка, понимаемой говорящими на русском языке как *образцовая*. В литературном языке существуют разные типы норм: произносительные, морфологические, синтаксические, лексические, орфографические, пунктуационные.

Как же соблюдаются языковые нормы в печати? Можно ли утверждать, что снижение языковой культуры, которая, как отмечают специалисты-филологи, наблюдается в нашем обществе, отражается и на страницах газет.

Для ответа на эти вопросы нами был проанализирован ряд периодических вятских изданий – газеты «Вятский край», «Вятский наблюдатель», «Городовой», «Кировская правда», «Вести» и др. Кроме того, богатый иллюстративный материал разных типов ошибок в печати собран в практикуме по культуре речи Э. Д. Головиной «На ошибках учимся» [2]. Проведённый анализ показал, что в печати встречаются ошибки разного типа. Проиллюстрируем

это конкретными примерами и попытаемся хотя бы частично прокомментировать наиболее часто встречающиеся нарушения языковых норм на страницах печати.

Анализ периодических изданий свидетельствует о том, что в письменной речи часто встречаются морфологические ошибки, наблюдается нарушение морфологических норм русского литературного языка. Морфологические нормы – это нормы употребления слова как части речи. Если проанализировать языковой материал, то можно сделать вывод, что чаще других частей речи «страдают» имя существительное и имя числительное.

В области имени существительного наблюдаются следующие ошибки. Нередко употребляются существительные мужского рода как существительные женского рода, что ведёт к неверному выбору окончаний слов. Приведём примеры: дом казался домищей (прав.: домищем); искожевская соловушка (прав.: искожевский соловушек), как обута нога, такая она и слуга (прав.: ...такой она и слуга), по десятке тысяч долларов (прав.: по десятку), в рюмке всегда спрятана сатана (прав.: ..спрятан сатана).

Следует подчеркнуть, что особое внимание нужно уделить существительным с мягкой основой и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа (шампунь, бюллетень и др.) Они могут относиться к словам мужского или женского рода. Внешне эти существительные похожи, и, чтобы определить их род, нужно выявить форму родительного падежа: существительные мужского рода имеют окончания -А, -Я, а существительные женского рода – -И, -Ы. Сравни: шампунь, -Я, м. р., ароматный шампунь; бандероль, -И, ж. р., почтовая бандероль.

Однако, как свидетельствует языковой анализ, нередко происходит подмена рода: существительные мужского рода употребляются как существительные женского рода, что ведёт к ошибкам на страницах СМИ. Приведём примеры: картофель свежая (прав.: картофель свежий), рулоны толи (прав.: рулоны толя), крыли толью (прав.: крыли толем), полезно мыть голову шампунью (прав.: шампунем).

Наблюдения за устной речью показывают, что очень многие носители русского языка часто употребляют слово «бронь» в значении «закрепление чего-либо за кем-либо»: оформить бронь, доволен бронью и т. д. Но, как отмечается в лингвистических словарях, слово «бронь» является просторечным, находящимся за пределами русского литературного языка. Литературным же вариантом выступает существительное брОня – «закрепление лица или предмета за кем-нибудь», бронЯ – «защитная обшивка». Незнание литературного варианта ведёт к многочисленным ошибкам на страницах печати: кабины укрыты *бронью* для защиты водителей; купить билеты на самолёт не помогла даже *бронь*, карточка на *бронь* номеров, агентство имеет постоянную *бронь*, специалисты имели *бронь* и т. д. Правильный же вариант является необычным для нашего слуха и произношения: кабины укрыты *броней* для защиты водителей; купить билеты на самолёт не помогла даже *брОня*, карточка на *брОню* номеров, агентство имеет постоянную *брОню*, специалисты имели *брОню*.

В последнее время русский язык пополнился большим количеством иностранных слов, хотя следует отметить, что заимствование – один из источников пополнения лексики во все времена. В силу того что русский язык является флективным языком, наблюдается тенденция к склонению несклоняемых существительных, что находит отражение и на страницах печати: не спите в *бигудях*, приобретение *бигудей*, офисы с *жалюзями*, поставки *жалюзей*, своими *рубаями* внес вклад в сокровищницу мировой литературы, турецкие *пальта*. Правильным же вариантом является следующий: не спите в *бигуди*, приобретение *бигуди*, офисы с *жалюзи*, поставки *жалюзи*, своими *рубаи* внес вклад в сокровищницу мировой литературы, турецкие *пальто*.

Заканчивая анализ некоторых морфологических ошибок в области имени существительного, хочется остановиться на часто употребляемом слове «заём», которое имеет особенности в склонении. В словарях отмечается только одна литературная форма: И. п. заём, Р. п. займа, Д. п. займу, В. п. заём, Т. п. займом, П. п. о займе. Точно так же склоняется и слово «наём». Однако нередко можно наблюдать неправильное употребление этих слов: предоставить *займ*, утвердили *госзайм*, подтверждение *заёма*, выпуск *заёма*, *найм* рабочей силы, дороговизна *наёма*.

На страницах печатных изданий нередко встречаются ошибки при употреблении имён числительных. Как известно, при склонении сложных количественных числительных должны изменяться оба корня, а при склонении составных количественных числительных – все

слова, в том числе и все корни. Но часто эта норма нарушается как в устной, так и в письменной речи, что говорит о снижении речевой культуры в обществе. Приведём примеры из печатных изданий: заготовлено около *триста* тонн (прав.: трёхсот), на *четырёхсот* пятидесяти языках (прав.: на четырёхстах), обычный вес около *пятиста* граммов (прав.: около пятисот), из ста *девяноста* пяти выпускников (прав.: девяноста), в Вятке тогда проживало около тридцати тысяч человек, а воспользовалось своим правом избирать чуть более тысячи *пятьсот* (прав.: пятисот).

Определённую трудность представляет и *употребление собирательных числительных*. Их немного в русском языке, но после окончания школы многие из нас забывают не только об их составе, но и (самое главное!) об особенностях употребления собирательных числительных в русском языке. В отличие от количественных числительных, которые могут сочетаться со всеми существительными, собирательные сочетаются только с определённым кругом слов:

1. С существительными мужского и общего рода, называющими лиц мужского пола: *двое друзей, трое сирот*.
2. С существительными, имеющими формы только множественного числа: *двое суток, трое саней, четверо ножниц* (начиная с *пяти* обычно используются количественные числительные: *пять суток, шесть ножниц*).
3. С существительными *дети, ребята, люди*, а также со словом *лицо* в значении «человек»: *двое детей, трое ребят, четверо молодых людей, двое незнакомых лиц*.
4. С личными местоимениями: *нас двое, их было пятеро*.
5. С субстантивированными числительными и прилагательными, обозначающими лиц: *вошли двое, трое неизвестных*.

Однако эта норма русского языка нарушается на страницах печатных изданий. Приведём примеры: *трое женщин* будут играть в спектакле по роману Д. Дидро «Монахиня»; *четверо девушек* будут петь частушки; *трое из пятерых* девушек действительно работали фото-моделями; *нас трое сестёр* в семье; для *троих* жительниц города; семеро *высотных* домов; счастливая мама заявила, что у её *шестерых дочек* просто непременно должно быть не менее шести очаровательных братьев.

Также допускаются ошибки и при употреблении числительных ОБА/ОБЕ: на *обоих* руках; *обоими* сторонами; в *обоих* союзных республиках; в *обеих* случаях; для *обеих* народов; на месте падения дерева находилась женщина с маленькой девочкой. К великому счастью *обоих*, трагедии не произошло.

На страницах печатных изданий нередко встречается и ненормативное склонение местоименных числительных «сколько» и «столько». Следует отметить, что неправильное образование падежных форм этих слов распространено и в устной речи. Нормативными являются следующие формы: И. п. сколько, Р. п. скОльких, Д. п. скОльким, В. п. скОлько и скОльких, Т. п. скОлькими, П. п. о скОльких. Так же склоняется и слово «столько». Однако в письменной речи употребляются следующие формы: до *скольки* лет ездят в коляске; до *скольки* умеет считать Владимир Нилович; со *скольки* лет начинают попадать подростки в руки работников правоохранительных органов; со *скольки* лет можно ездить за границу; неизвестный мужчина примерно *стольки-то* лет.

Анализ языкового материала показывает, что на страницах печатных изданий встречается и нарушение *синтаксических норм* русского литературного языка. Можно выделить следующие ошибки. *Отсутствие согласования в роде*. Это объясняется, на наш взгляд, несоблюдением некоторых языковых норм.

Во-первых, в русском языке существует около 200 существительных, обозначающих лиц по профессии, должности, учёному или воинскому званию, которые всегда относятся к мужскому роду (врач, инженер, ректор, декан, менеджер и т. д.). Если такие существительные обозначают женщину, то в этом случае согласуемое слово (прилагательное, местоимение) употребляется в форме мужского рода, а глагол в форме прошедшего времени – в форме женского рода: *Известный профессор Иванова выступила перед студентами*.

Во-вторых, особое место в русском языке занимают так называемые существительные *общего рода*. К ним относятся некоторые существительные со значением лица (с флексией -а, -я в форме И. п. ед. ч.): сирота, умница, работяга, плакса, задира, злюка, пьяница, грязнуля, тихоня, неженка и др. Существительные общего рода способны выступать как сло-

ва мужского или женского рода в зависимости от пола того лица, которое они называют. При этом род выражается синтаксически: Маша – страшная неряха; Ваня – страшный неряха.

Кроме того, следует обратить внимание на форму сказуемого при подлежащем, выраженном местоимением «кто»: в этом случае глагол в форме прошедшего времени употребляется всегда в мужском роде единственного числа независимо от того, кого обозначает.

Это лишь некоторые синтаксические нормы русского литературного языка, которые нарушаются в печатных изданиях. Отмечаются и другие ошибки. Приведём примеры: *известная* в Кирове *врач-фитотерапевт* Галина Ануфриева прислала редкостный бальзам; *он* живет *духовной* сиротой; *человек*, в городе слывший *страшной* привередой; те, кто *называют* себя правыми, левыми, демократами, далеко не всегда таковыми являются; те, кто *жили* для людей, не умирают: их дела живут и после смерти; *один* из участников – кировское госпредприятие «Медтехника» – *сняло* свою заявку; она была светлой души *человек*, интеллигентной, воспитанной, любимой и уважаемой на работе и среди друзей; против Мартынова *было возбуждено* ряд уголовных дел; *треть* директоров компаний вообще не *захотело* эту тему обсуждать; *ряд* кировских промышленных предприятий *трудятся* не на полную мощность.

Согласно нормам русского литературного языка предлоги *согласно*, *вопреки*, *благодаря*, *наперекор* должны употребляться с формой дательного падежа (кому? чему?). Однако нередко наблюдается родительный падеж вместо дательного. Приведём примеры: согласно *проекта* Устава; согласно *распоряжений*; согласно дипломатического *протокола*; согласно «*Закона о труде*»; согласно *приказа*; согласно прилагаемого *образца*; *благодаря* *встречи* с учёными медицинского факультета; *вопреки* *российских законов*.

Большие трудности вызывает употребление имени существительного с предлогом ПО в значении «после». В таких случаях существительное должно употребляться в предложном падеже (по прибытии, по окончании, по приезде). Однако на страницах печати часто употребляется дательный падеж вместо предложного после предлога ПО с временным значением: квартира предоставляется *по приезде*; *по приезде* нас встретят автобусы; сразу *по прилёту* Сергей Кириенко обозначил одну из главных целей своего визита; сразу *по прибытию* Геннадий Андреевич возложил цветы к памятнику Ленину на Театральной площади; начисление и выплата процентов *по окончанию* срока; *по завершению* трёхнедельного интенсивного курса обучения; *по возвращению* всем будут оплачены как «боевые» только два дня; продажа производится *по предъявлению* справки-направления; *по предъявлению* удостоверений единого образца.

Как известно, русский язык является одним из самых богатых языков в мире: его лексику составляет огромное количество слов. Лексическое богатство играет не только положительную роль, когда способствует разнообразию и выразительности речи, но и, к сожалению, ведёт порой к *лексическим ошибкам*. Это происходит прежде всего потому, что наблюдается непонимание значения слов, что отражается и в печатных изданиях. Приведём пример. Чем мы хуже штатовских, английских бизнесменов или даже японских? Упомянутые *адресаты* с большой охотой закупают германские печатные машины (ср.: адресат – получатель почтовой корреспонденции); Спросил ли Милошевич и его *визави* Селезнев простых россиян: нужен ли им союз с Югославией? (ср.: визави – напротив, друг против друга); Фамилия появилась в газете в *интерьере* далеко не положительных фактов (ср.: интерьер – архитектурно и художественно оформленное внутреннее помещение здания); В обществе сложился *менталитет*, что электроэнергия – это эдакий божий дар из розетки (ср: менталитет – умонастроения, определённый уровень общественного и интеллектуального сознания и связанный с ним спектр жизненных позиций, культуры и моделей поведения); Отказной детёныш человекообразной обезьяны-орангутанга оказался в руках зоотехников и воспитывается целой *плеядой* приёмных мам (ср.: плеяда – группа выдающихся деятелей одной эпохи, одного направления).

Определённую трудность представляет **употребление в речи паронимов**. Паронимы – это слова одной и той же части речи, обычно однокоренные, близкие по звучанию, но имеющие разные значения. Неразличение паронимов ведёт к лексическим ошибкам в печатном тексте. Приведём примеры.

Адресант – отправитель почтовой корреспонденции.

Адресат – получатель почтовой корреспонденции.

Но следом за письмом с этими строчками мы получили ещё одно письмо от того же *адресата*, но уже наполненное семейным творчеством и изысканиями; Лицо, посылающее почтовое отправление, – *адресат*.

Ванна – 1. большая ёмкость для купания, мытья и т. п.: эмалированная ванна, 2. мытье или лечебная процедура в такой ёмкости: хвойная ванна.

Ванная – помещение, где установлена ванна: дверь в ванную.

Плиткой выложены *ванна*, кухня, туалет; Смесители для кухни и *ванны*; *ванны* под ключ; Зеленью мяты хорошо ароматизировать воду в *ванной* – искупаешься в такой ванной и будто снова родился; Вместо *ванной* средний немец предпочитает три раза принять душ; Сохранились мебель и даже *ванные*, в которые погружался Иосиф Виссарионович; Продаю *ванную* черную 170 см.

Предоставить – отдать в чье-либо распоряжение: предоставить кредит.

Представить – дать возможность познакомиться с кем-либо или с чем-либо: представить гостя, представить справку

Работниками краевого архива организована выставка «Думское дело в Вятке», которую они любезно *предоставили* кандидатам в депутаты в городскую Думу; Возможно зачисление и из других вузов, не имеющих государственной аттестации. Необходимо только *предоставить* академическую справку установленного образца; На пресс-конференции были *предоставлены* следующие материалы; А сегодня мне *предоставилась* возможность выступить с этой трибуны от имени крестьянства...

Анализ языкового материала показывает, что на страницах печатных изданий встречаются многочисленные *орфографические ошибки*. Очевидно, это объясняется недостаточным уровнем усвоения учениками школьной программы по русскому языку. Трудность в овладении русским языком связана, на наш взгляд, и с тем, что при наличии орфографических правил существуют многочисленные исключения из них, о которых необходимо всегда помнить. Кроме того, выпускнику школы часто не прививается необходимость пользоваться словарями при написании слов, вызывающих затруднение. Снижение интереса к чтению в обществе ведёт к тому, что «не работает» и зрительная память, которая помогает запомнить написание слова произвольно. Всё это проявляется в том, что в печати встречаются орфографические ошибки разного характера.

Немало ошибок связано с написанием *непроверяемых гласных в корне слова*, так называемых словарных слов. «Ошибкоопасными» являются разные гласные. *Ошибки в словах с непроверяемыми безударными гласными А*: мастер цветной *оранжировки*; разные *дельтопланы*; появятся *акводром*, *кордодром*, *картодром*; про *герболайф* забудьте; *комуфляж*, горнолыжные ботинки; пельмени *Ярморочные*.

Ошибки в словах с непроверяемым безударным гласным Е: фарфоровый *кандилябр*; *нехристоматийный* подход к образу героя; *полиуритановые* покрытия; найденный в холодильнике *сервилат*; извечные российские *архитипы*.

Ошибки в словах с непроверяемым безударным гласным О: чай чёрносмородиновый *араматизированный*; фрагмент *диарамы*; ажурная *махеровая* кофточка; рады стать *спонсарами*; депозитный вклад с *пролангацией*; набор цветных *фламастеров*; *электрофарез* снимает воспалительный процесс.

Одним из самых трудных правил в русском языке является *написание -Н- и -НН- в словах разных частей речи*. Это отражается и на страницах печатных изданий. Приведём примеры: сыры отечественные, твёрдые и *плавленые*; *свежемороженная* рыба; *ветренные* бури; для *непрошенных* гостей; оба хорошо *образованы*, оба поехали по миру; *сгущенное* молоко; будучи *раненым* на Волге, был направлен в госпиталь; *вино-водочные* изделия.

Многочисленные ошибки встречаются в региональных изданиях *при написании имен собственных*. Покажем это на примере двух правил употребления прописной буквы. Согласно орфографической норме с прописной буквы обычно пишется первое слово и собственные имена в названиях праздников (исключение – День Победы). С прописной буквы пишется первое слово в названиях промышленных, торговых, зрелищных предприятий. Однако на страницах печати мы встречаем такие написания: директор Дома *Моды* «8 марта» рассказала, как добилась успеха; 22 сентября *дом* культуры «Родина» загорится.; открыли Дом *Обуви*; «Олимп» – это новый облик и новая жизнь микрорайона Дворца *Пионеров*; поздравить с *Новым Годом*.

Таким образом, анализ вятских печатных изданий свидетельствует, что в печати наблюдается, в частности, нарушение морфологических, синтаксических, лексических и орфографических языковых норм. На наш взгляд, это является отражением снижения культуры в обществе в целом, в том числе и речевой культуры. Кроме того, в этом проявляется и недостаточный профессиональный уровень работников СМИ. Газета как один из видов массовой информации призвана служить образцом в использовании богатства русского языка, быть носителем его чистоты и правильности. Однако получается, что читатель, доверяя печатному слову, произвольно усваивает неправильные формы, воспринимает нарушение языковых норм как образец. Ошибки со страниц печати переключиваются в устную и письменную речь читателей. И чтобы повысить уровень речевой культуры жителей Вятского края, надо, очевидно, прежде всего повысить нормативный уровень вятских печатных изданий.

Примечания

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. Ростов н/Д., 1999. С. 86.
2. Головина Э. Д. На ошибках учимся: практикум по культуре речи. Киров: ФГУИПП «Вятка», 2003. 224 с.

Notes

1. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. Kul'tura i iskusstvo rechi [Art and Culture of speech]. Rostov-na-Donu. 1999. P. 86.
2. Golovina E. D. Na oshibkakh uchimsya: praktikum po kul'ture rechi [Learn from mistakes: a workshop on the culture of speech]. Kirov: FGUIPP "Vyatka". 2003. 224 p.

УДК 803.541.56

Н. Д. Миловская

Резервы полисемии в создании юмористического эффекта в немецких языковых бытовых анекдотах о блондинке

Автор статьи осмысливает столкновение лексико-семантических вариантов полисемантической опорной лексемы как доминирующий способ создания юмористического эффекта в немецких бытовых анекдотах о блондинке, бытующих в социуме в форме повествования и шуточного вопроса.

The author of the article interprets the clash of lexico-semantic variants of a polysemantic reference component as a dominant way to create humorous effect in the Wortwitz – German linguistic anecdotes on everyday life about a blonde. They exist in the society in a short story or a humorous question form.

Ключевые слова: языковой бытовой анекдот, опорный компонент, механизм создания юмористического эффекта, примарное и секундарное значение.

Keywords: a linguistic anecdote on everyday life, a reference component, a device of humorous effect creation, primary and secondary meaning.

В массе немецких языковых бытовых анекдотов (ЯБА) – особой и самостоятельной разновидности немецких бытовых анекдотов [1] – присутствуют малоформатные юмористические сюжеты-зарисовки бытового содержания, действующим лицом (одним из действующих лиц) которых является блондинка – eine Blondine. Анекдоты данного типа мотивируют реципиента анекдота осмыслить в профанно-смеховой модальности интеллектуальный уровень белокурой красавицы. Такие сюжеты названы нами *немецкими ЯБА о блондинке*.

Среди немецких ЯБА о блондинке обнаружены сюжеты двух структурно-композиционных типов. Структурно-композиционный тип *повествование* представляют ЯБА *в форме короткого рассказа*. (1). «Auf der Strasse treffen sich zwei Blondinen. Die eine: "Mein Vermieter will, dass ich bis zum Monatsende **ausgezogen bin!**" Darauf die andere: "Da hast Du aber noch Glück! Meiner will das jeden Abend!"». В них моделируется ситуация *ненамеренного расхождения*

партнёров по коммуникации в толковании некоторого языкового знака. Его ложное декодирование осуществляется во всех сюжетах глупой блондинкой, что и мотивирует реципиента к оценке её интеллекта в духе Т. Гоббса.

Структурно-композиционный тип *шутливый вопрос* представляют ЯБА в форме вопроса с кратким и обескураживающим ответом на него. Сюжеты в форме шутливого вопроса встречаются более часто. (2). «Warum macht sich eine Blondine Zucker unters Kopfkissen? Na, damit sie **syße** Trdume hat». (3). «Was macht eine Blondine mit einer Matratze an einer Bushaltestelle? Sie muss zum Vorstellungsgespräch und bringt ihre **Unterlagen** mit!» Такой анекдот не нацелен на получение серьёзной и достоверной информации об истинных причинах неадекватного, без сомнения, глупого поведения блондинки. Несерьёзный по своей тональности, этот вопрос ориентирован только на то, чтобы, поразив реципиента парадоксальным и неожиданным для повседневного послушного человеческого мышления ответом, вызвать его смеховую реакцию.

Своеобразие механизма создания юмористического эффекта в немецких ЯБА о блондинке связано с присутствием в их текстовом полотне семантически дуальной опорной лексемы. Она побуждает реципиента к когнитивному столкновению её возможных оппозитивных реализаций. Суть семантического механизма, отражающего конкуренцию двух перспектив интерпретации содержания ЯБА о блондинке, заключается в *столкновении* примарного и секундарного значений дуальной опорной лексемы. Поясним сказанное на примере. (4). «Eine Blondine steigt mit ihrer Mutter ins Auto. Sagt die Mutter zur Blondine: "Liebes, kannst du mir mal den Sitz **vorstellen**?" Darauf die Blondine: "Mutter, das ist der Sitz. Sitz, das ist meine Mutter!"» В (4) реципиент обнаруживает опорную лексему *vorstellen*. Изначально обозначенная предметно-референциальная область сообщения *mit ihrer Mutter, im Auto* стимулирует реципиента к приписыванию опорной лексеме примарного значения *den Sessel nach vorne stellen*, которое утверждает и примарную перспективу интерпретации сюжета. На этапе пунты ЯБА (это абсурдный, на первый взгляд, ответ блондинки её матери) происходит «бисоциирование» [2] реципиентом понятий-представлений, связанных в его когнитивной сфере с опорной лексемой *vorstellen*. Реципиент открывает секундарную перспективу её интерпретации через приписывание ей секундарного значения *jmdn., den man kennt, anderen, denen er fremd ist, mit Namen o. D. nennen*. Примарное значение опорной лексемы в контексте примарной перспективы интерпретации ЯБА входит в отношение оппозитивного *столкновения* с секундарным значением опорной лексемы в контексте секундарной перспективы интерпретации сюжета, инициируя процесс мгновенно протекающего сопоставления её банально-тривиального и нестандартно-парадоксального значения, осмысливаемых в контексте двух конфликтующих ситуаций. Постигаемая парадоксальность двунаправленного осмысления перспективы интерпретации изначально заданного тривиального сюжета ЯБА и вызывает смех реципиента.

Наблюдения за сюжетами немецких ЯБА о блондинке позволяют выделить *столкновение значений полисемантического языкового знака (опорной лексемы)* среди прочих разнообразных реализаций семантического механизма создания юмористического эффекта в них.

Полисемия языкового знака в лингвистике традиционно оценивается как конститутивное свойство естественных языков, обусловленное ограниченным объёмом памяти человека и его стремлением к экономии выражения мысли. И. Г. Ольшанский [3], Т. Шиппан [4], С. Хойзингер [5] объясняют существование полисемии тем, что язык представляет собой систему, имеющую ограниченное число знаков номинации по сравнению с бесконечным разнообразием объектов номинации в реальном мире. Поэтому «язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий» [6].

В отечественном языкознании изучение различных лексических значений слова восходит к работам В. В. Виноградова [7], справедливо отмечающего присутствие слова в сознании человека со всеми своими значениями, «скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность», и А. И. Смирницкого, дополнившего теорию лексических значений слова понятием лексико-семантического варианта [8].

Значимый вклад в осмысление структуры значения слова вносят труды И. В. Арнольд, указывающей на то, что «все множество лексико-семантических вариантов слова можно на-

звать лексико-семантической... или... семантической структурой» [9], а также А. А. Уфимцевой [10], отмечающей иерархическую организацию семантической структуры слова.

В концепции слова как знака, созданной И. А. Стерниным, показывается, что вариантность смысловой структуры слова обусловлена лексико-семантическими вариантами, «отдельными значениями слова, находящимися друг относительно друга в отношениях семантической производности», но существующими под одной звуковой оболочкой [11]. Этот автор уточняет, что лексико-семантический вариант относится к явлениям системы языка. Семема, образующая смысловую сторону ЛСВ, «есть системная единица» [12]. Каждый ЛСВ существует в слове как отдельная единица, оформленная синтагматически и парадигматически. «Отдельность» ЛСВ проявляется в неповторимой специфике его синтагматического оформления. Семантика отдельного ЛСВ включает как собственно содержательные компоненты значения, так и определенные синтагматические указания на возможные употребления ЛСВ. И. А. Стернин подчеркивает, что «в речевой цепи каждый ЛСВ реализуется в своей семантической целостности, в единстве своих синтагматических и парадигматических признаков. Селективные признаки ЛСВ полностью определяют его окружение» [13].

Наличие у слова лексико-семантических вариантов наводит Е. Г. Беляевскую [14] на мысль о том, что «они представляют собой не изолированные, но взаимосвязанные сущности, определенным образом коррелирующие между собой и образующие своеобразное единство», которое и есть «упорядоченное (обнаруживающее системную взаимосвязь своих элементов) множество ЛСВ одного и того же слова».

Полисемию, таким образом, понимают как некоторое парадигматическое отношение, подчеркивающее совпадение означающих у таких означаемых, которые так или иначе семантически связаны друг с другом. Иными словами, в случае полисемии одно и то же слово связывается с несколькими концептами-значениями, с тем непременным условием, что связь эта не случайна, а мотивирована зависимостями концептов и определённым образом моделируется [15]. Узуальное значение слова связано при этом с некоторым классом однородных употреблений, в пределах которого слово признаётся имеющим одно и то же значение. Понятно, что узуальное значение слова есть не что иное, как «абстракция от в принципе бесконечного ряда актуальных значений слова в речи, инвариант актуальных значений, все различия между которыми могут быть объяснены действием экстралингвистических факторов» [16]. Виртуальное же значение полисемантического слова определяется как совокупность всех его узуальных значений. Количество узуальных значений – или ЛСВ – в виртуальном значении полисемантического слова в таком случае всегда ограничено и образует соответствующим образом организованную иерархию, члены которой находятся между собой в отношениях семантической деривации и «каждый новый лексико-семантический вариант многозначного слова непосредственно вытекает из одного из предыдущих» [17]. Вместе с тем каждый ЛСВ многозначного слова является самостоятельной и реально существующей единицей языковой системы, которая обладает своим сигнификативным и денотативным значением.

Переход от полисемии к моносемии происходит обычно в процессе коммуникации [18], когда в рамках отрезка речи слово реализует только одно узуальное значение. Такой переход от полисемии к моносемии не сопровождается созданием юмористического эффекта. Не сопровождаемую юмористическим эффектом актуализацию в коммуникативной ситуации одного из нескольких узуальных значений полисемантического слова, входящих в его семантическую структуру, в коммуникативной теории лексического значения [19] принято называть лексико-семантическим варьированием. Лексико-семантическое варьирование слова осуществляется в процессе коммуникации при помощи определённого набора системных языковых средств, к числу которых относят лексическую дистрибуцию, синтаксическую дистрибуцию, морфологическую разнооформленность, тематическую закреплённость, а также ситуативную и жестовую закреплённость [20].

В то же время подчёркивается [21], что обладающее набором лексико-семантических вариантов полисемантическое слово потенциально создаёт затруднения в процессе коммуникации, поскольку содержит «неоднозначное указание на тот сегмент высказывания, который представлен в тексте этим словом, закодирован с его помощью адресантом (отправителем). При опоре только на языковой код адресат получает указание на ряд смыслов, из которых он должен выбрать для понимания (декодирования) текста» [22]. Этот выбор осуществ-

ляется «на основе указаний, содержащихся либо в самом тексте, в речевом произведении (лингвистический контекст), либо вне текста, в реальной ситуации (внелингвистический контекст)» [23].

Размышляя о коммуникативных аспектах семантики, Г. Г. Почепцов (мл.) [24] обращается к понятию референции. Толкуя вслед за Е. В. Падучевой референцию как характеристику высказывания в составе речевого акта, под коммуникативным аспектом референции он понимает «процесс выбора того или иного языкового выражения для указания на объект» в момент речевого общения. По его мнению, при исходном совпадении референций у говорящего и слушающего после осуществления речевого акта имеет место единый выбор объекта референции. Однако существуют множественные случаи сложной референции, когда наблюдается осознанное или неосознанное несовпадение референции у говорящего и слушающего в момент речевого общения. На этом основании учёный утверждает, что «значение следует признать истинным только для говорящего, так как именно он его высказывает в данную минуту и несёт ответственность за его истинность» [25].

Из сказанного выше понятно, что полисемантический языковой знак может служить весьма благодатным посылом и для возникновения курьёзных и юмористических (для наблюдателя со стороны) ситуаций, связанных с его одновременным ненамеренным декодированием партнёрами по коммуникации через призму различных предметно-референциальных областей сообщения, одно из которых в рамках гомогенной ситуации оказывается ложным. И такие ситуации «неузнавания» одним из партнёров по коммуникации перехода между двумя значениями одного языкового знака как его лексико-семантическими вариантами, активно фиксируются коллективным автором – абстрактным и безымянным представителем немецкого этноса – в ЯБА о блондинке. (5). «Zwei Blondinen unterhalten sich. Sagt die eine: „Hast du gehurt? Bei der Post **suchen** sie Briefträger“. Darauf die andere: „Dann muss ich schleunigst nach Hause, ich habe vergessen, dass meiner noch im Schrank steht“». В данном сюжете в формате повествования *короткий рассказ* первая блондинка реализует в глаголе *suchen*, лежащем в основе её реплики, значение его ЛСВ *sich bemühen, etw. Bestimmtes, was man braucht, zu erlangen, erwerben*. Вторая блондинка, возлюбленный которой работает почтальоном, склоняется декодировать сказанное подругой, через приписывание глаголу *suchen* значения другого его ЛСВ – *sich bemühen, jmdn., etw. Verlorenes, Verstecktes zu finden*. Реципиент домысливает, что она во избежание семейного скандала, вероятно, когда домой возвратился муж, спрятала возлюбленного в шкафу, оставила его там на некоторое время, затем забыла «освободить из плена» и ушла из дома по каким-то своим делам.

Ненамеренное расхождение персонажей анекдота в толковании языкового знака *suchen* актуализируется в (5) через столкновение различных семантических планов, потенциально заложенных в его семантической структуре на уровне языка в виде различных узально закреплённых значений. Оно перерастает по ходу сюжета в незначительный коммуникативный сбой, недоразумение, осмысление которого приводит реципиента к толкованию всей ситуации как юмористической, самой естественной реакцией на которую является смех.

В немецких ЯБА-шутливых вопросах, посвящённых блондинке, активно реализуется когнитивное столкновение возможных оппозитивных реализаций самых разных языковых знаков. (6). «Was **hdlt** die meisten Blondinen vom Studium **ab**? Das Abitur». (7). «Warum stellt eine Blondine den PC immer unter den Tisch? Damit er nicht **abstürzt**». (8). «Was macht eine Blondine mit einer Schere im Auto? Sie **schneidet** der Polizei den Weg **ab**». Однако особой популярностью пользуется, например, языковой знак *surfen*. (9). «Warum kippt eine Blondine einen Eimer Wasser auf ihren Computer? Weil sie im Internet **surfen** will». (10). «Warum kippt eine Blondine Wasser auf ihren Computer? Weil sie im Internet **surfen** will». (11). «Warum schüttet eine Blondine Wasser über den Computer? Sie will im Internet **surfen!**» (12). «Was macht eine Blondine im Bikini vor dem Computer? Sie **surft** im Internet!» В сюжетах (9–12) имеет место столкновение его ЛСВ *Surfing betreiben* и ЛСВ *wahllos od.gezielt nach Informationen suchen, indem durch das Anklicken von Hyperlinks nacheinander verschiedene Seiten aufgerufen werden*.

Итак, семантический механизм создания юмористического эффекта в немецких языковых бытовых анекдотах о блондинке сводится к столкновению примарного и секундарного значений дуальной опорной лексемы, связывающих её с двумя различными предметно-референциальными областями сообщения.

Частотно востребованной реализацией семантического механизма создания юмористического эффекта в немецких ЯБА о блондинке является столкновение значений полисемантической опорной лексемы, обеспечиваемое лексико-семантическим варьированием языкового знака в коммуникативном процессе.

Примечания

1. *Миловская Н. Д.* Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2011.
2. *Кестлер А.* Дух в машине // *Вопр. философии.* 1993. № 10.
3. *Ольшанский И. Г.* Лексическая полисемия в современном немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991; *Ольшанский И. Г.* Функциональные аспекты исследования полисемии // *Лексика и лексикография.* М.: Отд. лит. и яз. РАН, 2002. Вып. 13.
4. *Schippan Th.* Einführung in die Semasiologie. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975.
5. *Heusinger S.* Die Lexik der deutschen Gegenwartssprache. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004.
6. *Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 14.
7. Там же. С. 14.
8. *Смирницкий А. И.* Значение слова // *Вопр. языкознания.* 1955. № 2. С. 35–36.
9. *Арнольд И. В.* Полисемия существительных и лексико-грамматические разряды // *Иностранные языки в школе.* 1969. № 5. С. 12.
10. *Уфимцева А. А.* Лексическое значение. М.: Наука, 1986. С. 5–6.
11. *Стернин И. А.* Проблема анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. С. 11.
12. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. С. 113.
13. Там же. С. 113.
14. *Беляевская Е. Г.* Семантика слова: учеб. пособие для ин-тов и фак. ин. яз. М.: Высш. шк., 1987. С. 72.
15. *Никитин М. В.* Полисемия на пределе: (широкозначность) // *Язык. Человек. Общество: междунар. сб. науч. тр.: (к 60-летию проф. В. Т. Малыгина).* СПб.; Владимир, 2005. С. 110.
16. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 158.
17. *Колобаев В. К.* О некоторых смежных явлениях в области лексики // *Иностр. яз. в шк.* 1983. № 1. С. 3.
18. *Rymer Ch., Matzke B.* Lexikologie des Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005.
19. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи; *Стернин И. А.* Коммуникативная концепция семантики слова // *Русское слово в языке, тексте и культурной среде.* Екатеринбург, 1997.
20. *Стернин И. А.* Проблема анализа структуры значения слова.
21. *Литвин Ф. А.* Многозначность слова в языке и речи. М.: Высш. шк., 1984.
22. Там же. С. 5.
23. Там же. С. 5–7.
24. *Почепцов Г. Г.* Коммуникативные аспекты семантики. Киев: Вища шк., 1987.
25. Там же. С. 28.

Notes

1. *Milovskaya N.D.* Nemetskij yazykovoj bytovoj anekdot kak spetsificheskij tip yumoristicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk [German language consumer anecdote as a specific type of humorous discourse dis. Dr. Philol. sci]. Ivanovo, 2011.
2. *Koestler A.* Dukh v mashine [Spirit in the machine] // *Vopr. filosofii – Problems of philosophy*, 1993, № 10.
3. *Olshansky I. G.* Leksicheskaya polisemiya v sovremennom nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... d ra filol. nauk [Lexical polysemy in modern German: Autoref. dis. Dr. Philolog. Sci]. Moscow, 1991; *Olshansky I. G.* Funktsional'nye aspekty issledovaniya polisemii [Functional aspects of the study of polysemy] // *Leksika i leksikografiya – Vocabulary and lexicography.* Moscow: Div. of Literature and lang. of Russian Academy of Sciences. 2002. Vol. 13.
4. *Schippan Th.* Einführung in die Semasiologie. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975.
5. *Heusinger S.* Die Lexik der deutschen Gegenwartssprache. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004.
6. *Vinogradov V. V.* Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannye trudy [Lexicology and lexicography. Selected Works]. Moscow: Nauka. 1977. P. 14.
7. Ibid. P. 14.
8. *Smirnickii A. I.* Znachenie slova [Meaning of the word] // *Vopr. yazykoznaniiya – Problems of linguistics* 1955, № 2, pp. 35-36.
9. *Arnold I. V.* sushchestvitel'nykh i leksiko-grammaticheskie razryady [Polysemy of nouns and lexical and grammatical level] // *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign languages in school*, 1969, № 5, p. 12.
10. *Ufimtseva A. A.* Leksicheskoe znachenie [Lexical meaning]. Moscow: Nauka. 1986. Pp. 5-6.

11. *Sternin I. A.* Problema analiza struktury znacheniya slova [Problem of analyzing the structure of the word meaning]. Voronezh: Voronezh University Publ. 1979. P. 11.
12. *Sternin I. A.* Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical meaning in speech]. Voronezh: Voronezh University Publ. 1985. P. 113.
13. *Ibid.* P.113.
14. *Belyaevskaya E. G.* Semantika slova [Semantics of words]: tutorial for institutes and fac. of in. lang. Moscow: Higher school. 1987. P. 72.
15. *Nikitin M. V.* Polisemiya na predele: (shirokoznachnost') [Polysemy at the limit: (wide-meaning)] // YAzyk. CHelovek. Obshchestvo – Language. People. Society: Intern. col. of sci. proc.: (the 60th anniversary of prof. Malygina V.T.). St. Petersburg; Vladimir. 2005. P. 110.
16. *Kobozeva I. M.* Lingvisticheskaya semantika [Linguistics Semantics]. Moscow: Editorial URSS. 2000. P. 158.
17. *Kolobaev V. K.* O nekotorykh smezhnykh yavleniyakh v oblasti leksiki [On some related phenomena in the field of vocabulary] // Inostr. yaz. v shk. – Foreign lang. in sch. 1983, № 1, p. 3.
18. *Rymer Ch., Matzke B.* Lexikologie des Deutschen. Тьbingen: Gunter Narr Verlag, 2005.
19. *Sternin I. A.* Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical meaning in speech]; *Sternin I.A.* Kommunikativnaya kontseptsiya semantiki slova [Communicative concept of word semantics] // Russkoe slovo v yazyke, tekste i kul'turnoj srede – Russian word in the language, text, and cultural environment. Ekaterinburg. 1997.
20. *Sternin I. A.* Problema analiza struktury znacheniya slova [Problem of analyzing the structure of the word].
21. *Litvin F. A.* Mnogoznachnost' slova v yazyke i rechi [Ambiguity of words in language and speech]. Moscow: Higher school. 1984.
22. *Ibid.* P. 5.
23. *Ibid.* P. 5-7.
24. *Pochepstov G. G.* Kommunikativnye aspekty semantiki [Communicative aspects of semantics]. Kiev: Vishcha sch. 1987.
25. *Ibid.* P. 28.

УДК 811.111

А. Ю. Миронина

Война как объект эвфемизации в политическом дискурсе

В статье рассматриваются семантические и прагматические факторы неопределенности политического дискурса, понятие эвфемизации, основная цель и сферы эвфемизации в политическом дискурсе, анализируется прагматический потенциал эвфемистических замен военных реалий в выступлениях Б. Обамы.

The article deals with the semantic and pragmatic factors of uncertainty in political discourse, the concept of euphemization, its aim and spheres in the language of politics. It analyses the pragmatic potential the euphemistic substitutes of military realities have in the texts of B. Obama's public speaking.

Ключевые слова: политический дискурс, семантическая неопределенность, война, военные реалии, эвфемизация, способы и средства эвфемизации.

Keywords: political discourse, semantic uncertainty, war, military realities, euphemization, means of euphemization.

В настоящее время эффективная политическая коммуникация все чаще подразумевает камуфлирование реального положения дел, смягчение, а порой и подмену тех или иных понятий и терминов, «маскировку» существующих проблем. Поэтому в выступлениях современных политиков наблюдается явная тенденция к использованию таких средств, которые позволяют завуалировать негативные стороны явлений действительности, последствия неприглядных политических и экономических мер и, таким образом, осуществить имплицитное воздействие на массового адресата.

Как известно, политический дискурс обладает рядом системообразующих признаков, к которым относятся: институциональность, многоплановость, идеологичность, информативность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность и др. [1] Для данного исследования наибольший интерес представляет смысловая неопределенность как один из основных отличительных признаков политического дискурса.

Смысловая неопределенность политической коммуникации обусловлена рядом семантических и прагматических факторов.

К семантическим факторам некоторые ученые, в частности В. Дикман, относят: абстрактность и широту значения; сложность значения, обусловленную сложностью денотата; относительный характер обозначения [2].

Под прагматическими факторами неопределенности политического дискурса понимаются причины, заставляющие политиков стремиться к сохранению неопределенности понятийного содержания знаков.

В качестве первой причины выступает ведущая роль воздействующей функции. По справедливому замечанию Д. Грина, суть политической борьбы состоит в борьбе за присвоение языковых символов, за право определять их содержание. Конечной целью политика является не столько уточнение понятийного содержания ключевых терминов, сколько провоцирование желаемой реакции адресата [3]. В этом плане очевидно, что политические эвфемизмы могут использоваться как средство воздействия на аудиторию.

Смысловая неопределенность политического дискурса выступает также как важнейший инструмент манипулирования и лежит в основе стратегий вуалирования, затушевывания нежелательной информации, что позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты, стратегии мистификации, сокрытия истины и стратегии анонимности, деперсонализации как приема снятия ответственности [4].

Основная цель процесса эвфемизации заключается в стремлении избежать коммуникативных конфликтов [5]. Эвфемизации в политическом дискурсе подвергаются реалии различной тематики. И в английском, и в русском языках, к примеру, наблюдается тенденция к использованию так называемых военных эвфемизмов, которые, по мнению Ф. Ховарда, «скрывают правду, и успокаивают воображение, и используются для того, чтобы народы легче мирились с тяготами войн» [6]. Эвфемизмы в политической сфере подчинены цели завуалировать или намеренно исказить информацию о реальных событиях или фактах, «обмануть общественное мнение и выразить что-либо неприятное более деликатным способом» [7]. Например, такие слова, как “pre-emptive” (приоритетный) вместо “aggressive” (агрессивный), “involvement” (вовлечение) вместо “invasion” (вторжение), “conflict” (конфликт) вместо “war” (война), плотно вошли в словарный состав английского языка как эвфемизмы, прикрывающие истинный характер военного вторжения в дела других государств. Большое количество слов и выражений приобретает эвфемистические «облагораживающие свойства» в условиях контекста [8].

Война – страшное событие, связанное с горем, кровопролитием, смертью, которое вызывает негативные чувства и эмоции в языковом сознании языкового социума. Война как крупнейшая политическая и дипломатическая ошибка всегда вызывает большой общественный резонанс, поэтому тема войны, военных действий, военной агрессии зачастую подлечит эвфемизации в современном политическом дискурсе. При этом косвенно-номинативной замене подвергаются не только военные действия, но и сами участники конфликтов, террористы, вражеские войска и военнослужащие, защищающие свою родину.

Показательные примеры эвфемистических замен военных реалий мы обнаружили в выступлениях сенатора и президента США Барака Обамы (2002–2012 гг.), что свидетельствует о тенденции Б. Обамы уклончиво, завуалированно говорить о вооружённых конфликтах и их последствиях.

Наиболее распространённые типы эвфемизмов-словосочетаний, входящих в состав анализируемой тематической группы, – «местоимение + существительное» (*this effort; your mission; that action; our presence (in Iraq)* и др.) и «прилагательное + существительное» (*international effort; American mission; clear mission; delicate situation; current conflict; peacekeeping operation; new approach (in Afghanistan); tough time; substantial rifts; substantial resources* и т. п.).

Рассмотрим примеры военных эвфемизмов, камуфлирующих вооружённые конфликты, в которые вовлечены США. Предпринимаемые этой страной военные действия в Ираке, в

Афганистане могут угрожать имиджу США как оплоту демократии в современном мире. Использование идеологически не выдержанных с этой точки зрения выражений может привести к формированию образа страны-агрессора. Поэтому идеологическими табу для этого общества являются слова, семантика которых прямо указывает на угрозу жизни, жесткость, насильственный и незаконный характер предпринимаемых действий. В связи с тем, что избежать освещения этих событий невозможно, используются вуалирующие суть явления эвфемизмы. В ходе исследования было установлено, что президент Б. Обама старается говорить на данную тему завуалированно, с помощью косвенных наименований, в то время как для сенатора Б. Обамы более характерно использование прямой номинации war. Это можно объяснить стремлением кандидата в президенты на тот момент завоевать доверие электората во время предвыборной гонки.

Ни для кого не секрет, что война в Ираке приобрела затяжной характер, количество жертв и погибших растет с каждым днем, равно как и количество недовольных, поэтому в своих предвыборных выступлениях Б. Обама часто обращается к данной проблеме, обещая вывести войска из зоны конфликта, при этом всячески подчеркивая и разоблачая недальновидную политику Дж. Буша:

When it comes to the war in Iraq, the time for promises and assurances, for waiting and patience is over (January 2007).

Вот как президент Обама в одном из своих выступлений называет военные действия в Афганистане:

I want to speak to you tonight about our effort in Afghanistan (December 2009).

Семантическая неопределенность данной замены очевидна, так как редуцируются все релевантные семы заменяемой единицы речи: «война», «вооруженные действия», «напряженность», «конфликт». Смысловая неопределенность заменного наименования (попытка может быть связана с каким-нибудь положительным явлением) полностью нейтрализует отрицательную оценку. С формальной точки зрения данную эвфемистическую замену можно отнести к типу развёртывания: war – our effort. Если проанализировать рассматриваемый пример с содержательной точки зрения, то следует отметить, что данная замена приводит к увеличению смысловой неопределенности. Эвфемистический эффект достигается при помощи использования приема «распыления» смыслового содержания (генерализации). Нежелательное прямое наименование war в данном случае заменяется словом широкой семантики effort. Использование эвфемистического наименования в данном контексте мотивировано отраженной в нем ценностной доминантой, что война – это зло.

К числу военных эвфемизмов также относятся эвфемистические переименования, служащие для наименования участников военных действий. Рассмотрим несколько примеров, в которых с помощью словосочетаний с осложнённой структурой подчеркиваются статус и значимость вооруженных сил США.

The heroes on their third and fourth and fifth tour of duty they can't afford four more years of a war that should've never been authorized and never been waged (May 2008).

Анализ контекста показал, что в данном случае *heroes* – участники военных действий. Тем самым выступающий подчеркивает, что он гордится этими людьми, их отвагой и смелостью. Вместе с тем определение *on their third and fourth and fifth tour of duty* говорит о затяжном характере их службы, имплицитно указывает на тяготы и лишения, которые приходится терпеть на войне. Мощная аффективная составляющая подобных наименований препятствует адекватному пониманию освещаемых событий и явлений, поэтому рассматриваемое переименование с успехом выполняет функцию вуалирования действительности. С формальной точки зрения в основе образования результирующего наименования лежит схема «слово → словосочетание»: *soldiers* → *heroes on their third and fourth and fifth tour of duty*. Эффект смягчения, маскировки, произведенный тщательно отобранными словами, способствует притуплению негативных эмоций и формированию терпимого общественного мнения к тем, кому в ходе вооружённого конфликта приходится распоряжаться жизнью других, зачастую невинных людей.

В своём инаугурационном обращении Барак Обама говорит о военнослужащих следующим образом:

As we consider the road that unfolds before us, we remember with humble gratitude those brave Americans, who, at this very hour, patrol far-off deserts and distant mountains (January 2009).

Инаугурационное обращение новоизбранного президента США слушали миллионы людей не только в США, но и за рубежом. Вполне естественно, что, затрагивая тему войны, оратору необходимо было не просто упомянуть тех, кто несет службу в данный момент, но и в некоторой степени эвфемистично выразить им признательность, пробудить уважение к ним в глазах аудитории. Положительный перлокутивный эффект в данном случае достигается за счет положительной семантики единиц, входящих в состав эвфемистического субститута. Исходя из количественного соотношения составляющих исходное и результирующее наименование, данная эвфемистическая замена относится к типу развёртывания. В результате произведенной замены редуцируются семы «война», «смерть», «агрессия», содержащиеся в слове *soldiers*, и актуализируются семы «законность цели», «исполнение долга», благодаря которым эвфемистическая номинация должна получить коннотацию общественного одобрения.

Еще одним примером, представляющим интерес для анализа, является следующее высказывание президента Б. Обамы:

And we have forged a new beginning between America and the Muslim world – one that recognizes our mutual interest in breaking a cycle of conflict, and that promises a future in which those who kill innocents are isolated by those who stand up for peace and prosperity and human dignity (April 2010).

В целях смягчения негативной реакции к репрезентируемому событию словосочетание *to stop (put an end to) war* заменяет эвфемизм *to break a cycle of conflict*, в основе образования которого лежит метафорический перенос. По всей видимости, наличие слова *conflict* в составе эвфемистического субститута способствует нейтрализации негативной информации, формированию нейтральной социально оценочной направленности, поскольку в данном случае происходит замена нежелательного наименования родовым термином (*war* → *conflict*).

Выражение *those who stand up for peace and prosperity and human dignity* относится к разряду эвфемистических наименований, так как оно вуалирует единицу речи, которая может вызвать у реципиентов негативные эмоции, поскольку солдаты связаны с войной, то есть с разрушениями, человеческими жертвами и т. д.; кроме того, это выражение обладает долей семантической неопределенности: в результате замены семы «война», «вооруженные действия» переводятся в импликационал, за счет изъятия данных сем происходит нейтрализация отрицательной оценки денотата заменяемой единицы. Солдаты в данном контексте выполняют роль миротворцев, которые при помощи оружия, ценой человеческих жертв по указанию правительства защищают человеческое достоинство. При анализе с содержательной точки зрения было установлено, что здесь присутствует замена с увеличением смысловой неопределенности, эффект которой достигается с помощью снижения категоричности констатации факта. Способом образования рассматриваемого эвфемистического выражения является описательный перифраз, что позволило ослабить «концентрацию» значения табуируемой языковой единицы, а также послужило средством избежать прямой конфронтации с неприятной проблемой.

Приведенный пример интересен тем, что, говоря о террористах, Б. Обама использует глагол *to kill: those who kill innocents*, а действия вооруженных сил своей страны прикрывает с помощью эвфемизма *to isolate*, хотя имеет в виду одно и то же. В значении глагола *to kill* прагматический фокус составляет сема «причинение смерти» (*to cause the death of somebody*). В процессе эвфемистического переименования происходит референциальный сдвиг, связанный с изъятием этой семы и изменением ее статуса. Семантическая неопределенность полученной номинации нейтрализует отрицательную оценку, так как *изолировать* не всегда значит *убить*. Смысловая неопределенность анализируемой эвфемистической номинации вызвана расширением референциального объема. Генерализация смыслового содержания достигается в данном случае посредством употребления слова с широкой семантикой *to isolate*. Мотив, которым руководствовался оратор в данном случае, – попытка закамouflировать совершение не правовых и аморальных действий, чтобы избежать их общественного осуждения. Кроме того, целью использования анализируемых эвфемизмов является не только камouflаж, стремление избежать коммуникативной напряженности, но и возможность противопоставить «ваших» и «наших», продемонстрировать все «свои» добродетели и выставить напоказ все «их» пороки. Это делает речь политического деятеля еще более эмоциональной, экспрессивной, повышает его шансы на завоевание уважения и одобрения электората.

В выступлениях Б. Обамы можно встретить и такие примеры эвфемистического переименования вооружённых сил США: *all who wear the uniform of the United States of America; men and women in uniform; men and women who step forward and say, send me; men and women who are willing to risk all and some who gave all to keep us safe, to keep us free; all those who give their lives in our name; to serve a greater cause; Special Operation Forces; brothers in arms; our brave sons and daughters* и др.

Военные действия, их последствия вызвали появление эвфемизмов, которые успешно вуалируют любые намеки на то, что речь идет о смерти, о гибели солдат. Смерти нельзя избежать, но можно попытаться избежать упоминания о ней. В ходе настоящего исследования выяснилось, что о человеческих жертвах как среди военнослужащих, так и среди мирного населения Б. Обама предпочитает говорить также с помощью описательного перифраза. Рассмотрим ряд примеров:

*But today, on Memorial Day, we also remember that **some come home in a different way*** (May 2005).

В данном примере коммуникатор избегает прямой номинации негативного явления смерти и использует эвфемизм *to come home in a different way* для того, чтобы не вызвать раздражения у тех, кто может быть недоволен подобными последствиями. Эвфемистический субститут структурируется словами, актуализация значения которых снимает вину за произошедшее с кого бы то ни было, так как субъектом действия выступают погибшие во время войны в Ираке военнослужащие. Они сами (причем о них напрямую в данном контексте не говорится с помощью введения в речь слова-определителя с диффузной семантикой *some*) возвращаются домой не так, как обычно. Какие ассоциации может вызвать у общественности данное эвфемистическое переименование, обозначающий гибель солдат, можно только догадываться.

*I've traveled to Dover to meet **the flag-draped caskets of 18 Americans returning home to their final resting place*** (December 2009).

Выделенное словосочетание является эвфемистической заменой *killed soldiers*. Несомненно, что прямое наименование стигматизируемого денотата вызвало бы огромное возмущение со стороны общественности, тогда как использование описательного перифраза способствует вуалированию серьезности и значимости событий, последствия которых привели к гибели американских солдат, которые доблестно сражались за честь своей родины и рисковали своей жизнью во имя нее. Поэтому использование косвенного результирующего наименования является здесь не только способом скрыть острую, вызывающую наибольшее общественное осуждение тему жертв военных действий, но также отдает некую дань уважения этим доблестным, бесстрашным людям, так как именно в знак уважения и почета принято покрывать гробы с погибшими военнослужащими флагом государства, которое они защищали.

*They **are with the Lord** now* (January 2011).

Очень часто американцы в своей речи используют эвфемистическую замену *Lord* для обозначения слова Бог. Исходя из этого, можно вывести значение словосочетания *they are with the Lord* – они с Богом, соответственно на небесах, следовательно, скончались, погибли. Данное словосочетание вызывает некую тоску, печаль, что является вполне объяснимой реакцией при упоминании темы смерти. Семантическая редукция признаков заменного наименования очевидна. Исчезает целый набор релевантных для исходной единицы сем, таких, как «насилие», «жестокость», «убийство». Имеется скорее некая позитивная коннотация, так как можно провести ассоциативный ряд: на небесах, с Богом, а значит, в лучшем из миров, значит, людям там должно быть хорошо. Но, возвращаясь к широкому контексту выступления, адресат понимает, что речь идет о насильственной смерти. В данном случае происходит практически полное вуалирование неприятной сути табуированного явления, что сильно снижает уровень напряженности, связанной с этой темой, происходит смена полюсов. И отрицательное явление представляется как условно положительное. Использование стилистически маркированного книжного выражения и семантический эллипсис способствуют затемнению внутренней формы эвфемистического наименования, что затрудняет его расшифровку и соотнесение с исходной номинацией, способствует созданию облагораживающего эффекта, воздает почести погибшим, облагораживает их смерть.

Показательным является и следующий пример:

They took the lives of innocent men, women, and children without regard to their faith or race or station (December 2009).

В приведённом контексте Б. Обама говорит о жертвах вооружённых конфликтов среди мирного населения. Прямое наименование *to kill (to murder)* неприемлемо в данном случае, поэтому для обозначения табуируемого денотата политик выбрал словосочетание *to take smb's life*. Данная замена является эвфемизмом, так как она соотносится с явлением, вызывающим у людей негативные эмоции – всех и всегда пугала тема смерти. Целью использования данного эвфемизма является как вуалирование, камуфляж существа дела, так и стремление избежать ощущения коммуникативного дискомфорта у слушателя. Описательный перифраз ослабляет значение негативного денотата, позволяет избежать обострения напряженной атмосферы, связанной с вопросами войны и жертв военных действий.

В ходе исследования были обнаружены и другие эвфемистические субституты, вуалирующие тему смерти. Иллюстративным материалом могут послужить следующие эвфемизмы: *to put their lives on the line to defend the country; who will not return to their hometowns; to pay the ultimate price; to give one's last full measure of devotion; to give one's life; to give one's life doing what he loved; profound sacrifice; who is not coming home; collateral damage; quiet places of rest (cemeteries)*.

Наряду с военными эвфемизмами-словосочетаниями, Б. Обама в своих выступлениях использует эвфемистические переименования, структурно представляющие собой предложения.

We thank you and your families for all that you do for America (February 2011).

Анализ широкого контекста высказывания позволяет утверждать, что в данном предложении президент США обращается к военнослужащим и их семьям, которые вынуждены нести все тяготы службы и переживать за своих родственников, отдающих долг родине. Использование слов положительной семантики способствует формированию стойкой ассоциации с благородными действиями, мотивами, а не с разрушением, насилием, агрессией. Ослабление негативной семы связано с попыткой избежать социального противоречия. Благодаря избирательному подходу к выбору способа репрезентации происходит преднамеренное искажение информации. Словосочетание *all that you do* отличается широким диапазоном возможных интерпретаций и, таким образом, предоставляет политику возможность вкладывать в значение этого выражения всё что угодно. Очевидно, что цель, которую преследует Б. Обама в данном случае, – воспитание чувства патриотизма, долга по отношению к своему государству.

Интерес для анализа представляет предложение *They are putting themselves at risk* (December 2010), в котором эвфемистично говорится о службе и предназначении военнослужащих вооружённых сил США. В основе эвфемистического переименования в данном случае лежит модель смещения прагматического фокуса *принуждение → свободный выбор*. Ситуация представляется таким образом, как будто американские солдаты по своей собственной воле рискуют жизнью во имя государства. Описательный перифраз в очередной раз служит средством избежать конфронтации с неприятной проблемой. Как результат – иллюзия снятия ответственности за аморальные или не правовые действия за счёт перераспределения вины.

Смещение прагматического фокуса в процессе эвфемистического переименования в рамках анализируемой тематической группы происходит по следующим схемам: *аморальное действие → благородный мотив; принуждение → свободный выбор; насильственность → естественный ход событий; мы-ответственность → они-ответственность*.

Основываясь на приведённых выше примерах военных эвфемизмов, можно вывести формулировки отражённых в них ценностных доминант, которые постулируют утверждение, согласно которому война – это зло, что никто не имеет права распоряжаться жизнью другого человека.

Подводя итог рассмотрению военных эвфемизмов, следует заметить, что большинство из них носят описательный характер, являются окказиональными образованиями, результатом речевой деятельности Барака Обамы в политической коммуникации. Однако именно посредством рассмотренных выше примеров можно наглядно убедиться в том, что основными функциями политических эвфемизмов в политическом дискурсе является вуалирование и

камуфлирование действительности. Основными мотивами создания и употребления в речи Б. Обамы политических эвфемизмов, связанных с темой военных действий и вооруженных конфликтов, чаще всего является стремление завуалировать ситуацию, скрыть истинную суть понятия, скрыть не правовые, аморальные действия, тем самым избегая негативной и острой реакции у массового адресата. Большинство проанализированных эвфемистических единиц указывает на то, что тема войны нуждается в словесном камуфляже для придания легитимности действиям политиков и военных.

Примечания

1. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С. 42.
2. *Dieckmann W.* Politische Sprache, politische Kommunikation: Vortrdge, Aufsdtze, Entwrfte. Heidelberg: Winter, 1981. 279 S.
3. *Green D.* The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1987. 277 p.
4. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
5. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2. С. 28–49.
6. *Ховард Ф.* Военные эвфемизмы: язык, павший на поле боя. URL: [http:// www.library.by/data/019/064.htm](http://www.library.by/data/019/064.htm).
7. *Galperin I. R.* Stylistics. M., 1981. P. 175.
8. *Ларин Б. А.* Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 110.

Notes

1. *Sheigal E.I.* Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow: ITDGK "Gnosis". 2004. P. 42.
2. *Dieckmann W.* Politische Sprache, politische Kommunikation: Vortrdge, Aufsdtze, Entwrfte. Heidelberg: Winter, 1981. 279 S.
3. *Green D.* The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1987. 277 p.
4. *Sheigal E.I.* Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya [Semiotics of political discourse: a monograph]. Volgograd: Peremena Publ. 2000. 368 p.
5. *Krysin L.P.* Ehfemizmy v sovremennoj russkoj rechi [Euphemisms in modern Russian speech] // Rusistika – Russian Studies. Berlin, 1994, № 1-2, pp. 28-49.
6. *Howard F.* Voennye ehvfemizmy: yazyk, pavshij na pole boya [Military euphemisms: language, fallen on the battlefield]. Available at: [http:// www.library.by/data/019/064.htm](http://www.library.by/data/019/064.htm) (in Russ.).
7. *Galperin I. R.* Stylistics. M., 1981. P. 175.
8. *Larin B.A.* Ob ehvfemizmax [On euphemisms] // Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie – History of the Russian language and general linguistics. Moscow. 1977. P. 110.

УКД 811.161.1'25

А. А. Осипова

**Русские версии Послания апостола Павла к Титу
(сопоставительный анализ Синодального и Современного переводов)**

В настоящей статье предлагается сопоставительный анализ Послания апостола Павла к Титу в двух русских переводах. В первой части статьи представлена краткая информация об истории и предпосылках создания данной части Священного Писания. Анализ проводился с целью выявления несоответствий вторичных текстов друг другу. Для работы были выбраны соответствующие части Священного Писания в Синодальном и Современном русском переводах, языковое и стилистическое оформление которого вызвало неоднозначную реакцию специалистов. В статье приводятся и комментируются фрагменты Послания, в которых расхождения особенно очевидны. В результате сопоставительного анализа были обнаружены несоответствия разного уровня – семантические, лекси-

ко-синтаксические, коннотативные. Степень влияния выявленных несоответствий на восприятие текста читателем рассматривается в каждом конкретном случае.

The present paper contains the comparative analysis of the Apostle Paul's Epistle to Titus included by two Russian translations of the Scripture. The information about preconditions of writing the Epistle is given in the first part of the paper. The texts were analysed in order to reveal different divergences between them. Synodal Translation and Modern Russian translation were chosen as a source of material. The opinion of specialists about linguistic and stylistic features of the Modern Russian translation can also be found in the paper. The most evident divergences between two Russian versions are described. As a result semantic, lexical, syntactical and connotative divergences were found. Their influence on a reader's perception is also regarded.

Ключевые слова: перевод, расхождение, текст, семантический, коннотативный, синтаксический.

Keywords: translation, divergence, text, semantic, connotative, syntactic.

Послание Апостола Павла к Титу входит в Новый Завет и составляет одну из частей Священного Писания, содержащих рекомендации по распространению и сохранению идей христианства. По всей вероятности, Тит, критянин по происхождению, был отправлен в Иерусалим, где стал свидетелем земного пути Христа. Он, очевидно, был знаком с апостолами и впоследствии занимался с Павлом миссионерской деятельностью. В итоге же вернулся на Крит и прожил там, «просветив весь остров верою». Несмотря на небольшой объем, данная часть Священного Писания полагается весьма значимой, так как здесь представлены идеи организации религиозной иерархии на довольно большом и стратегически важном острове Средиземноморья, где христианство распространялось быстро, хотя и несколько бессистемно [1].

В настоящей статье предлагается описание некоторых несоответствий друг другу русских текстов данной части Священного Писания (в Синодальном и Современном русском переводах). Синодальный перевод имеет статус главного текста Священного Писания на русском языке, относительно Современного перевода единой точки зрения пока не сформировалось. Большее количество споров возникает по поводу Нового Завета, включающего, в частности, Послания апостола Павла. Работа В. Н. Кузнецовой (автора новозаветной части Современного перевода) вызвала довольно противоречивые отклики. Наиболее резкую оценку дал иеромонах Иларион (ныне митрополит Волоколамский): «Читая “Письма апостола Павла” в переводе В. Н. Кузнецовой, мы пришли к печальному выводу: перед нами не перевод, а пересказ... искажающий смысл и стиль оригинального текста», в основе которого «изначально ложный принцип – стремление подстроиться к языку, на котором якобы говорит современный российский обыватель. Но обыватель все-таки не всегда говорит на таком языке. А если и говорит, то от священных текстов будет ожидать чего-то более возвышенного» [2]. Выбор языкового оформления перевода В. Н. Кузнецовой, по мнению иеромонаха Илариона, приводит к «десакрализации священного текста» [3]. И. А. Левинская, напротив, полагает, что «Кузнецова... поставила перед собой цель дать перевод на живой современный русский язык... перевод, основанный на так называемом критическом тексте, т. е. таком, который с точки зрения современной текстологии максимально приближается к авторскому» [4]. Безусловно, мы не считаем себя вправе давать оценку качеству сопоставляемых переводов, однако можем указать на явные их несовпадения, которые затрагивают как коннотативный, так и фактический уровень повествования. Приведем некоторые примеры таких расхождений.

В первую очередь, обратимся к синтаксическим несоответствиям. В рассматриваемых переводах Письмо начинается по-разному. В Синодальном переводе имя автора имеет форму именительного падежа, а имя адресата, появляющееся только в четвертой строфе, – дательного. Такой интервал между номинациями автора и адресата несколько затрудняет восприятие, так как внимание читателя может быть направлено на соотнесение этих компонентов. В Современном переводе фрагмент текста, размещение которого предполагается с первой по четвертую строфы, объединен в одну часть и обозначен соответственно – «1–4». Кроме того, в Современном переводе имена автора письма и адресата помещены в одно предложение, имя собственное Павел имеет форму родительного падежа и сочетается с предлогом «от». Таким образом, вводная информация помещена в начальную часть и отделена от содержания самого Послания.

Приведем еще один пример синтаксического расхождения двух переводов. Фрагмент Письма, посвященный описанию потенциальных руководителей общин, которых должен найти Тит, в двух переводах организован по-разному. Синодальный перевод использует условную конструкцию «*Если кто непорочен, муж одной жены...*» (С. П., Т. 1:6), реализующую значение строгой рекомендации, обязательности и неуклонности выполнения. «Употребление условных конструкций в церковнославянском языке... характерно, главным образом, для текстов, определяющих правовые нормы. Условные синтаксические конструкции являются важнейшим, основным структурным элементом такого документа... Особое место среди церковнославянских книг с точки зрения использования условных конструкций занимают книги поучений, являющиеся сборниками строгих нравственно-религиозных правил, которым необходимо следовать читателям и слушателям» [5]. Аналогичный фрагмент в Современном переводе за счет краткого прилагательного «*должен*» имеет модальность обязательности выполнения: «...они должны быть людьми безупречной жизни, женаты не больше одного раза...» (С. Р. П., Т. 1:6). С точки зрения восприятия такая организация текста, безусловно, удобнее. Стоит учитывать, однако, что упрощение синтаксической конструкции в данном случае может не вполне соответствовать стилю библейского повествования.

Обратимся еще к одному случаю несовпадения синтаксической организации текста, приводящей к расхождению его коннотативной составляющей. Апостол Павел говорит Титу: «*Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя*» (С. П., Т. 2:15).

«*Вот чему учи. Ободрай и обличай, используя всю свою власть! И пусть никто не смеет смотреть на тебя свысока!*» (С. Р. П., Т. 2:15)

В первом случае фрагмент имеет структуру одного сложноподчиненного предложения с придаточным цели, во втором случае мы видим несколько простых предложений, предикаты которых, выраженные лексическими единицами с ярко выраженной модальностью («*пусть никто не смеет*»), имеют форму повелительного наклонения, реализуемого еще и посредством отрицания. Названные несоответствия более влияют на коннотативную составляющую текста, чем на содержательную. Обращает на себя внимание употребление в Синодальном переводе не характерной для современного русского языка формы местоимения «*ты*» при согласовании с глаголом «*пренебрегать*» – «*пренебрегать тебя*». В. И. Даль допускает возможность такого управления, однако указывает, что предпочтительна форма творительного падежа зависимого слова [6], таким образом, в выборе авторов Синодального перевода можно усматривать стремление к архаизации текста.

Далее приведем случаи расхождений на лексическом уровне, которые, на наш взгляд, принципиального значения не имеют и стать причиной существенного отличия переводов не могут.

Рассмотрим фрагмент обращения Павла к Титу:

«*Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал*» (С. П., Т. 1:5).

«*Вот для чего я оставил тебя на Крите: ты должен устроить все дела, что остались нерешенными, и назначить старейшин в каждом городе так, как я распорядился...*» (С. Р. П., Т. 1:5)

Согласно Краткому толковому словарю к Синодальному переводу Библии слово «*пресвитеры*» имеет греческое происхождение и понимается как «старейшины в христианской общине». Словарь, сопровождающий Современный перевод, включает употребленное здесь слово *старейшины* (греч. *Πρεσβύτερος*), которое трактуется как «наиболее уважаемые и богатые люди в Израиле, входившие в состав иерусалимского Совета и советов местных синагог». В Словаре говорится, что «в христианской Церкви также были старейшины. Первоначально так называли старших по возрасту, но потом – людей, пользовавшихся наибольшим авторитетом в общине, которым доверялось управление делами общины» [7]. Приведенные данные позволяют заключить, что лексическая единица «*старейшина*» имеет более развернутую семантическую структуру, чем лексическая единица «*пресвитеры*», и в рассматриваемом контексте речь идет о значении, реализуемом последней.

В рекомендациях относительно того, по каким качествам Тит должен отбирать старейшин, для именования последних в Синодальном переводе используется лексема «*епископ*», что, согласно Словарю к Синодальному переводу, означает «надзиратель, блюститель»;

руководитель (или один из руководителей) христианской общины». В Современном переводе используется более общеупотребительное слово «руководитель».

Теперь обратимся к несоответствиям другого уровня – коннотативного. Довольно часто при относительном совпадении лексико-синтаксического состава текста наблюдается расхождение коннотативного аспекта. Вот некоторые примеры.

В начале письма, обращаясь к Титу, Павел, согласно Синодальному переводу, называет себя «*рабом Божиим*», а согласно Современному переводу – «*служителем Бога*». В принципе, значения сочетаний совпадают, и читатель в одном и в другом случае понимает, о чем идет речь (чему также способствует и контекст), однако все-таки стоит обратить внимание на расхождение именно коннотативной составляющей лексем *раб* и *служитель*. Согласно Словарю Академии Российской семантическая структура лексемы «*раб*» состоит из трех компонентов: «1) находящийся в совершенной зависимости у другого; 2) челядинец, слуга, служитель; того, который находится у кого-либо в услугах (в Св. П. – *Примеч. составителей Словаря*); 3) предавшийся какому-нибудь пороку» [8]. Электронный словарь современного русского языка предлагает следующий вариант семантической структуры лексемы «*служитель*»: 1) низший служащий в некоторых учреждениях; 2) тот, кто служит чему-либо, трудится на благо чего-либо [9].

Слово «*служитель*» в Словаре Академии Российской представлено двумя значениями: 1) крепостной человек, или наемный у кого-либо служащий; 2) посвятивший себя делам служащим ко спасению других (*святым служитель...*) [10]. Лексическая единица «*раб*», согласно Электронному словарю русского языка, имеет следующие значения: 1) человек в собственности рабовладельца; 2) крепостной крестьянин; 3) бесправный человек; 4) тот, кто подчиняется обстоятельствам [11]. Как видно из приведенных словарных выдержек, слово «*служитель*» и в языке XIX в., и в современном русском языке имеет в своей семантической структуре значение, адекватное рассматриваемому контексту. Слово «*раб*» имеет большие семантические ограничения и ярко выраженную в некоторых значениях коннотативную составляющую, которая и определяет в данном случае коннотацию фрагмента.

До сих пор речь шла о несоответствиях двух переводов, которые не вызывают существенных вопросов по поводу точности интерпретации исходного текста. Однако, справедливости ради, скажем, что такие несоответствия при сопоставлении двух переводов также были выявлены.

Во второй главе подробно описаны рекомендованные Павлом нормы поведения и жизни для людей разных возрастных и социальных групп. При обозначении этих категорий в двух переводах используются, как правило, разные лексические единицы, семантика которых, однако, по большей части совпадает: *старцы* (С. П.) – *пожилые* (С. Р. П.); *старицы* (С. П.) – *пожилые женщины* (С. Р. П.). Исключение составляет пара *юноши* (С. П.) – *молодые люди* (С. Р. П.). Согласно Словарю Академии Российской, *юноша* – «молодой человек, вышедший из детства и достигший третьей степени возраста» [12]. Данное определение дает основание утверждать, что лексема обозначает лицо мужского пола. Выражение «*молодые люди*» имеет менее выраженную гендерную ориентированность и может обозначать лиц мужского и женского пола вместе.

Рассматриваемые далее фрагменты Послания позволяют говорить о несоответствии переводов уже на фактическом уровне. Приведем такой пример:

«*Божья благодать*) Научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке...» (С. П., П. Т. 2:12)

«*Бог учит нас жить в этом мире разумно, честно и свято, отказавшись от безбожной жизни и земных страстей...*» (С. Р. П., П. Т. 2:12)

Общий смысл высказывания совпадает, для перевода данного фрагмента на русский язык использованы близкие по значению лексические компоненты. Существенное расхождение заключается в наличии в Синодальном переводе словосочетания, обозначающего временной период – «*в нынешнем веке*». Отсутствие такового в Современном переводе придает высказыванию более универсальный характер, создавая впечатление, что приводимые в Послании советы и правила не имеют каких-либо хронологических ограничений.

Далее среди наставлений, которые дает Павел Титу, встречаем следующие:

«*Зину законника и Аполлоса позаботься отправить так, чтобы у них ни в чем не было недостатка*» (С. П., П. Т. 3:13).

«Пожалуйста, приложи все силы к тому, чтобы адвокат Зенас и Аполлос могли продолжить путь, присмотри, чтобы у них ни в чем не было недостатка» (С. Р. П., П. Т. 3:13).

Согласно Краткому толковому словарю к Синодальному переводу Библии, законником называли «знатока и толкователя закона Моисеева» [13], современная же лексема «адвокат» имеет значение «юрист, защитник на суде, которому поручено ведение чьих-нибудь судебных дел» [14]. Таким образом, в двух переводах наблюдается очевидное несовпадение лексических единиц, провоцирующее фактическое расхождение версий данной части Священного Писания.

Анализ выявленных расхождений двух русских версий Послания позволяет сделать следующие выводы: синтаксическое оформление текста может более существенно влиять на восприятие содержания читателем-неспециалистом, в то время как лексические несовпадения затрагивают специфические аспекты содержания и, в большинстве случаев, не существенны для восприятия общего смысла текста.

Примечания

1. Святитель Феофан Затворник. Толкование на послание святого апостола Павла к Титу. URL:http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/feof_zatv/poslanie-titu-tolkovanie/txt03.html (дата обращения 20.08.2013).

2. Иеромонах Иларион (Алфеев). Письма апостола Павла. URL: <http://biblia.ru/reading/articles/show/?6&start=0> (дата обращения: 06.01.2014).

3. Там же.

4. Левинская И. А. Размышляя над рецензией иеромонаха Илариона Алфеева на Письма Апостола Павла / пер. и примеч. В. Н. Кузнецовой. (М.: Общедоступный православный университет, Фонд Александра Меня, 1998). URL: <http://biblia.ru/reading/articles/show/?7&start=0> (дата обращения: 05.01.2014).

5. Ремнева М. Л., Савельев В. С., Филочёв И. И. Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 105.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Рус. яз., 1980. С. 394.

7. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М., РБО, 2011. С. 1404.

8. Словарь Академии Российской. Т. 5. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1789 года. Ст. 1.

9. АBBYU Lingvo x5 – электронный словарь.

10. Словарь Академии Российской. Т. 5. Ст. 554.

11. АBBYU Lingvo x5 – электронный словарь.

12. Словарь Академии Российской. Т. 6. Ст. 1013.

13. Краткий толковый словарь к Синодальному переводу Библии // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические / в русском переводе с параллельными местами и приложением (Синодальный перевод). М., РБО, 2011. С. V.

14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Сов. энцикл., 1968. С. 18.

Notes

1. St. Theophan the Recluse. Tolkovanie na poslanie svyatogo apostola Pavla k Titu [Commentary on the epistle of Paul the Apostle to Titus]. Available at: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/feof_zatv/poslanie-titu-tolkovanie/txt03.html (date accessed 20.08.2013) (in Russ.).

2. Hieromonk Hilarion (Alfeyev). Pis'ma apostola Pavla [Letters of the Apostle Paul]. Available at: <http://biblia.ru/reading/articles/show/?6&start=0> (date accessed: 06/01/2014) (in Russ.).

3. Ibid.

4. Levinskaya I.A. Razmyshlyaya nad retsenziej ieromonakha Ilariona Alfeeva na Pis'ma Apostola Pavla [Thinking on reviews of Hieromonk Hilarion Alfeyev on the Letters of St. Paul] / transl. and notes V.N. Kuznetsova (Moscow: Public Orthodox University, Fond of Alexander Men', 1998). Available at: <http://biblia.ru/reading/articles/show/?7&start=0> (date accessed: 05/01/2014).

5. Remneva M.L., V.S. Saveliev, Filichyov I.I. TSerkovnoslavjanskij yazyk: Grammatika s tekstami i slovarem [Church Slavonic language: Grammar with texts and vocabulary]. Moscow: MSU. 1999. P. 105.

6. Dal V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3 Moscow: Rus. lang. 1980. P. 394.

7. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. Sovremennyy russkij perevod [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical. Modern Russian translation]. Moscow. DBR. 2011. P. 1404.

8. Slovar' Akademii Rossijskoj [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 5 In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences in 1789. Art. 1.
9. ABBYY Lingvo x5 – electronic dictionary.
10. Slovar' Akademii Rossijskoj [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 5. Art. 554.
11. ABBYY Lingvo x5 – electronic dictionary.
12. Slovar' Akademii Rossijskoj [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 6. Art. 1013.
13. Kratkij tolkovyj slovar' k Sinodal'nomu perevodu Biblii [Short Dictionary for King James Version Bible] // Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie – Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical / in Russian translation with parallel passages and application (King James translation). Moscow. DBR. 2011. P. V.
14. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian language]. Moscow: Sov. entsikl. 1968. P. 18.

УДК 811.161.1'36

С. В. Рябушкина

Собирательные числительные в современной русской речи: семантика и синтагматика

Статья посвящена активным процессам, происходящим в сфере собирательных числительных. Автор отмечает ряд узуальных (но не признаваемых литературной нормой) особенностей их использования в речи и пытается найти причины этих изменений (снижение формальности массовой коммуникации; связь собирательных не только с идеей «маскулинности», но и с идеей персональности и одушевленности в широком смысле; etc.).

The article highlights active processes in the field of Russian numerals. The author tackles a number of regular (but not recognized as a norm) modes of usage of collective numerals with an attempt to find the reasons for such variations (reduction of formality in mass communication; the nature of collective numerals suggesting not only the idea of 'masculinity' but also 'person' and 'animacy' in a broad sense; etc.).

Ключевые слова: имя числительное, синтагматика, одушевленность, персональность, активные процессы в русском языке.

Keywords: the Numeral, syntagmatics, category of person, category of animacy, active processes in Russian.

Реальное употребление, узус, всегда разнообразней, богаче наших представлений о нем: «...любая языковая система всегда находится в неустойчивом равновесии» [1], и поэтому нормативные требования грамматик отражают лишь часть узуальных возможностей использования тех или иных единиц. Так, кодифицированные правила употребления собирательных (или лично-количественных) числительных регулярно нарушаются: «Относительно противопоставления *два / две vs. двое* колебания узуса столь велики, что здесь можно говорить в основном лишь о достаточно определенной тенденции, но не о четком правиле» [2], и это неоднократно отмечалось в классических работах [3]. Назовем некоторые особенности функционирования собирательных числительных (далее – СЧ).

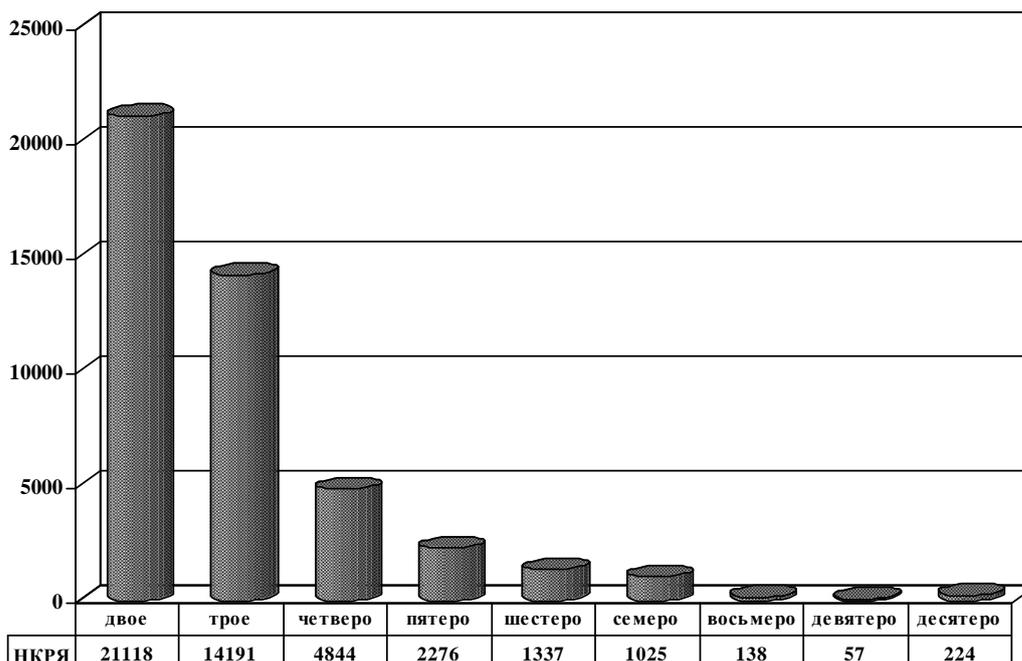
1. Русские СЧ – малочисленная группа суффиксальных производных на базе количественных числительных первого десятка, но ряд активно используемых может быть короче: «...при прочих равных условиях, лично-количественные *восьмеро, девятеро* и *десятеро* нежелательны» [4]. Это наблюдение, сделанное И. А. Мельчуком в 1970-х гг., можно подтвердить данными Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)¹: наиболее частотны *двое* (46,71% от общего количества употреблений СЧ), *трое* (31,39%). Далее частотность резко падает – *четверо* (10,71%), *пятеро* (5,03%), *шестеро* (2,96%), *семеро* (2,27%), *восьмеро* (0,30%), *девятеро* (0,13%), *десятеро* (0,50%)³. Количественные соотношения представлены на рисунке.

© Рябушкина С. В., 2014

¹ Выборка произведена в сентябре 2013 г. по Основному корпусу, объем которого 85 996 документов, 19 362 746 предложений, 229 968 798 слов.

³ Из подсчетов исключены наречные употребления, как-то: *Там все в десятеро дешевле, чем у нас – а денег выходит в пятеро более!* (Ф. В. Булгарин. Управление именем); *Тюрьма ты моя, тюрьма крепка! Пошире ты гробовой доски, Да тяжеле ты ее в семеро...* (Н. А. Полевой. Клятва при гробе Господнем).

Собирательные числительные в Основном корпусе НКРЯ
(количество употреблений)

Если «круглое число» *десять* по частотности среди количественных находится на шестом месте («рейтинг популярности» таков: *два – три – один – пять – четыре – десять – двадцать – шесть – сто...*) [5], то на частотности СЧ *десятеро* это свойство практически не отражается.

«Большие» СЧ в речи крайне редки, хотя их образование возможно как реализация словообразовательного потенциала нумеральной системы. Они сравнительно легко появляются в градационном ряду: *Сколько же вас. Ну и много же вас. Вас больше меня раз в сто. <...> Сколько же, сколько же вас? Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* или же *вас, уважаемые, одиннадцатеро и двенадцатеро, целая большая стена, широкая курганская стена плача?* (А. Салангин. Слово. <http://radiokurgan.narod.ru/slovo/salangen/puteshestvie/puteshestvie.htm>). Игроки футбольной команды могут быть обозначены СЧ: *У меня все еще хуже. Меня не интересуют результаты игры даже тогда, когда все одиннадцатеро носят русские фамилии. Очень понимаю ст. Хоттабыча, раздавшего каждому по мячу* (<http://helpix.livejournal.com/38328.html>. 13.05.05); *Потому что только так можно было попасть в число одиннадцати игроков, которые выходили на поле. Собственно, эти одиннадцатеро довольно быстро определились. Как в старые добрые времена, динамовские болельщики почти точно знали, кто завтра выйдет на поле* (<http://day.kiev.ua/154119/>).

В Основном корпусе НКРЯ обнаружены *шестнадцатеро, восемнадцатеро, двадцатеро*, и все их употребления стилистически оправданны как речевая характеристика персонажа: стилизованное просторечие или диалект (*Он не говорил о том, что за ним едет еще шестнадцатеро мастеровых, чтобы не дать разграбить леса.* Б. А. Пильняк. *Мать сыра-земля; Не много, не много, восемнадцатеро всего, восемнадцатеро, – говорил за окном, заикаясь и щелкая зубами, очевидно совсем презябший человек.* Н. С. Лесков. *Запечатленный ангел; Полегла вся наша рота, Двадцатеро в степь ушло.* Б. А. Лавренев. *Сорок первый*) или же детская речь (*И маленькая Лена спрашивает Евдокию: <...> – Столько много детей? <...> Тут одних девочек десятеро или двадцатеро.* В. Ф. Панова. *Евдокия*).

2. Существительные лично-мужского рода имеют дополнительную синтагматическую характеристику – сочетаемость с СЧ. Но поскольку у СЧ есть некоторый налет разговорности, постольку они не должны сочетаться «с обозначениями высоких общественных рангов» [6], на что указывал еще М. В. Ломоносов: «Сие употребляется только о людях, и то по большей части низких, ибо неприлично сказать: *трое бояръ, двое архиреевъ, но: три боярина, два архiereя*» [7].

В последнее время официальные лица все чаще «считаются» с помощью собирательных: *Он пережил шестерых президентов США и шестерых лидеров СССР и России* (Своя игра. НТВ. 16.06.07); *Путин уволил пятерых генералов российской полиции* (Заголовок статьи: <http://news.mail.ru/politics/10765551/?frommail=1>. 30.10.12). Расширение сочетаемости можно объяснить стилистически: «разговорность» СЧ постепенно исчезает, они пополняют нейтральный пласт лексики. Или же объяснить несколько иначе, сместив акцент: одной из особенностей современной коммуникации является снижение формальности, что обусловлено социальными процессами, прежде всего процессом демократизации общества и изменениями, происходящими в иерархии культурных ценностей.

Т. Е. Янко предлагает семантическое объяснение. Сопоставляя разные подзначения существительных-названий лица, она делает вывод о том, что сочетания с СЧ обозначают «группу лиц, объединенных по определенному онтологическому признаку» [8], тогда как количественные сочетаются и с обозначениями человека по функции, званию: «В силу существующего устройства мира низший чин имеет больше шансов концептуализоваться как лицо, а высший – как звание... Низшие чины “человечны”, а высшие – отражение номенклатурной деятельности людей» [9].

3. Чрезвычайно распространенные в узусе сочетания СЧ с названиями лиц женского пола появляются иногда как бы вопреки воле говорящего. Вот примеры из спонтанной речи профессиональных филологов-преподавателей: *На индивидуальном обучении – только двое девочек, остальные – мальчишки* (учитель русского языка и литературы, 62 года); *Они готовы направить четверых девочек на обучение в России* (канд. филол. наук, доцент, преподаватель русского как иностранного, 54 года); *Вас, этих пятерых девчонок, он не променяет на одну Ритуню* (доктор филол. наук, профессор, 80 лет). При указании на ошибку каждая парировала примерно таким образом: «Я так сказать не могла, это неправильно, потому что слово женского рода».

Ряд исследователей относится к этим неправильностям лояльно. Так, Ю. И. Щербаков делает вывод о том, что «сочетания собирательных числительных с существительными женского рода употребляются как в именительном, так и в косвенных падежах, лексическое значение и стилевая отнесенность существительных на такую сочетаемость влияния не оказывают, а сочетания типа “трое женщин” в современном русском языке стали литературной нормой» [10]. «Сочетания собирательных числительных с личными существительными женского рода допустимы, хотя и не вполне литературны (*двое женщин, пятеро сестер*)» [11]. Подобные фразы, отмечает И. А. Мельчук, «воспринимаются мной как абсолютно нормальные... это широко распространившийся, но еще не полностью победивший синтаксический неологизм» [12]. СЧ, таким образом, связаны с общей идеей лица, с персональностью.

4. «В последнее время наблюдается тенденция употреблять собирательные с названиями не только лиц, но и животных» [13], например: *Он не знает страха. Он съедает на завтрак пятерых быков* (К/ф «Астерикс и Обеликс на Олимпийских играх», перевод); *Дубайский шейх взял и выпустил на свободу шестерых лошадей* (Сегодня. НТВ. 01.12.09); *В однокомнатной квартире рядом с нею проживают трое ранее подобранных собак* (Вести-Ульяновск. ГТРК «Волга». 24.02.09).

Сочетания СЧ с названиями взрослых животных вполне допустимы в украинском и белорусском языке, но в литературном русском такое расширение сочетаемости должно быть семантически обусловлено. Например, если становится изобразительным средством, показывая «очеловеченность» животного. Так, в книге Д. Рубиной «Синдикат» «независимые иерусалимские кошки» стали одним из символов Вечного города – «легион неустрашимых кошек», которые «никого не боятся, ни на кого не оглядываются и идут по своим делам, никого не спросят». И в этом контексте фраза «*чем там лакомятся трое отважных иерусалимских кошек*» звучит вполне органично. «Очеловечены» и коты в сказке Митьков: *Было трое котов: Прохор, Харлам и Терентий. Вместе их связала крепкая мужская дружба, закаленная переменными осадками, ветром, постоянной проголодью и другими вещами, известными всякому, кто жил на крыше или чердаке и дышал вольным воздухом необозримых пространств* (Митьки. Три кота. – НКРЯ).

Появление СЧ при обозначении животного может быть мотивировано иначе. В статье Е. Гончаренко о жизни Московского зоопарка контексты с количественным и собирательным использованы рядом: *Справа и слева от меня за ограждениями из толстых бетонных*

столбов стояли слоны. **Их было восемь.** «Ну и что? – спросите вы меня. – Слоны – вещь нехитрая. Захотим – завтра пойдем в зоопарк и тоже увидим **восемь слонов**». В том-то и дело, что нет. Никто из посетителей Московского зоопарка не может увидеть **восьмерых слонов**. Всем известно, что в музеях есть запасники. Статуи, вазы, картины скрыты от глаз публики, и видят их только служители. В зоопарке тоже есть много такого, чего посетители не видят (Е. Гончаренко. Звери нашего города // «Столица». 27.05.97. – НКРЯ). В контексте с СЧ актуализирована семантика собирательности: увидеть восемь слонов не по отдельности, а одновременно. Значение совокупности реализуется и в следующем контексте: *А ему удалось оседлать **троих львов** и прокатиться на них по арене* (Памяти Вальтера Запашного. Т/к «Россия-К». 01.04.13).

5. Нормативная сочетаемость СЧ с неодушевленными существительными ограничена только группой *pluralia tantum* – эта «вынужденная» сочетаемость обусловлена особенностями поверхностно-синтаксического оформления количественно-именных сочетаний: в им.-вин. п. при числительных *два, три, четыре* существительное должно стоять в форме род. п. ед. ч., что для *pluralia tantum* невозможно. Поэтому в прямых падежах используются СЧ (*трое часов, двое суток*), заменяясь в косвенных количественными: **В течение двух суток** грузинская армия планировала захватить Абхазию (Сегодня. НТВ. 27.08.08). Но начиная с *пяти* запрет снимается, и в современной речи такие синтагмы оформляются количественным: *В целом в год на борьбу с компьютером уходит **восемь суток*** (Доброе утро, Россия! Т/к «Россия». 29.01.10); *Землетрясение произошло на Гаити **десять суток** назад* (Новости. Первый т/к. 22.01.10).

Сочетания с прочими неодушевленными существительными редки, их появление обусловлено семантически – происходит олицетворение.

Как способ подчеркнуть авторскую мысль использовала собирательное Т. Толстая, рассказывая о гибели царской семьи в очерке «Анастасия, или Жизнь после смерти»: «...*даже теперь, когда царские останки найдены и очевидно, что **двоих тел** не хватает, мы удивляемся: куда же они делись?..*» Речь здесь идет об оставшихся в живых людях.

А в следующих контекстах говорится о командах-участниках состязаний (совокупность, группа лиц): **Из семи** отобранных нами **аналитических команд пятеро** работают вот каким образом: они дают рекомендации «покупать», если рассчитанная на год вперед справедливая цена акции на 15–20% выше текущей ее цены (Forbes. 2005. Декабрь. С. 164); **Сейчас лидеров – трое**: «Динамо» (Москва), «Кузбасс» (Кемерово) и красногорский «Зоркий» (Вести-Ульяновск. ГТРК «Волга». 14.02.08). В споре за звание победителя могут быть «очеловечены» даже продукты питания: **Народное жюри выбрало пятерых претендентов** на звание победителя конкурса. **Это брынза фирм...** (Контрольная закупка. Первый т/к. 03.06.10). Впрочем, собственно синтагматика в последних контекстах вполне нормативна – это сочетание с существительным, традиционно обозначающим лицо по определенному свойству, действию, но имя использовано метафорически, с иной референцией. Как, например, в следующем фрагменте: *Все эти **пять продуктов** содержат большое количество мононенасыщенных жирных кислот. ...Все **пять продуктов-«ликвидаторов жира»** надолго оставляют чувство сытости. ...Мы и будем налегать на **пятерых «ликвидаторов жира»** с их мононенасыщенными жирными кислотами* (М. Иванова. Диета плоского живота. 29.05.12. <http://lady.mail.ru/article/467318-dieta-ploskogo-zhivota/>).

Подведем итоги. Кодифицированные правила сочетаемости СЧ отражают дополнительную синтагматическую характеристику существительных лично-мужского рода. Но узальная сочетаемость свидетельствует о том, что этот «маскулинный» признак постепенно становится признаком «общечеловеческим», распространяясь на сочетания с лично-женскими существительными. Именно так развивалась в истории русского языка и категория одушевленности, последовательно охватывая разные словоизменительные классы имен: от мужского – к женскому и среднему роду. Таким образом, особенности синтагматики СЧ делают их средством различения лица и не-лица, что позволяет включить СЧ в состав категории персональности.

Примечания

1. Косерцу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 85.

2. Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, sdb. 16, 1985. С. 379.

3. См., например: *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986; *Супрун А. Е.* О русских числительных. Фрунзе, 1959; *Супрун А. Е.* Славянские числительные: Становление числительных как особой части речи. Минск: Изд-во БГУ, 1969.
4. *Мельчук И. А.* Указ. соч. С. 379.
5. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Новый частотный словарь русской лексики. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_num&title=Частотный список числительных
6. *Мельчук И. А.* Указ. соч. С. 383.
7. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 558.
8. *Янко Т. Е.* Русские числительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1(3). С. 179.
9. Там же. С. 174–175.
10. *Щербаков Ю. И.* Употребление собирательных числительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1969. С. 15–16.
11. *Милославский И. Г.* Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. С. 124.
12. *Мельчук И. А.* Указ. соч. С. 382.
13. *Щербаков Ю. И.* Указ. соч. С. 18.

Notes

1. *Coseriu E.* Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya (problema yazykovogo izmeneniya)[Synchrony, diachrony and history (the problem of language change)]. 2nd ed., ster. Moscow: Editorial URSS. 2001. P 85.
2. *Mel'chuk I.A.* Poverkhnostnyj sintaksis russkikh chislovykh vyrazhenij[Surface syntax of Russian numerical expressions]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, sdb. 16. 1985. P. 379.
3. See for eg: *Vinogradov V.V.* Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)[Russian language (grammatical doctrine of the word)]. 3rd ed., rev. Moscow: Higher school. 1986; *Suprun A.E.* [O russkikh chislitel'nykh About Russian numerals]. Frunze. 1959; *Suprun A.E.* Slavyanskie chislitel'nye: Stanovlenie chislitel'nykh kak osoboj chasti rechi[Slavic numerals: The Rise of numerals as a particular part of speech]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University. 1969.
4. *Mel'chuk I.A.* Op. cit. P. 379.
5. *Lyashevskaya O.M., Sharov S.A.* New frequency dictionary of Russian language. Available at: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_num&title=Частотный список числительных (in Russ.)
6. *Mel'chuk I.A.* Op. cit. P. 383.
7. *Lomonosov M.V.* Rossijskaya grammatika [Russian Grammar] // M.V. Lomonosov. Full collection of works. Op. it. in 10 volumes. Moscow;Sh., 1952, Vol. .7 P. 558.
8. *Janko T.E.* [Russian numerals as nouns classifiers] // Russian language in a scientific light, 2002, № 1 (3). P. 179.
9. Ibid. Pp. 174-175.
10. *Shcherbakov Y.I.* potreblenie sobiratel'nykh chislitel'nykh v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis kand. filol. nauk. [Addicting of collective numerals in modern Russian: autoref. dis. Candidate Philol sci.] Kuibyshev. 1969. Pp. 15-16.
11. *Miloslavskii I.G.* [Morphological categories of modern Russian]. Moscow: Prosveshcheniye. 1981. P. 124.
12. *Mel'chuk I.A.* Op.cit. P. 382.
13. *Shcherbakov Y.I.* P 18.

О методологии отражения элементов современной алгебры в содержании математической и методической подготовки будущих учителей

В статье на основе анализа роли современной алгебры в математической культуре и системного подхода в научных исследованиях исследуется методология отражения элементов современной алгебры в содержании математической и методической подготовки будущих учителей. Основой этой методологии являются элементы современной алгебры, играющие фундаментальную роль в их профильном обучении совместному использованию дискретных и непрерывных математических моделей, математическим основам информатики, реализации вычислительных процессов, метапредметном (надпредметном) подходе в профильном обучении в школе.

The article is devoted to the research in the methodology of reflection of elements of modern algebra in the content of mathematical and methodological training of future teachers. The research is based on the analysis of the role of modern algebra in mathematical culture and on the system approach in research investigation. This methodology is grounded on the elements of modern algebra playing a fundamental role in teaching joint use of discrete and continuous mathematical models, mathematical foundations of informatics, implementation of computing processes, metadiscipline approach in profile training at school.

Ключевые слова: методология, математическая и методическая подготовка, будущий учитель.

Keywords: methodology, mathematical and methodological training, future teachers.

В последние десятилетия в содержании подготовки студентов многих специальностей все большее отражение находят идеи и методы современной алгебры, известной также под названием общей, или абстрактной, алгебры. Это вызвано тем, что современная алгебра стала одной из наиболее важных и бурно развивающихся областей математики. Как отмечается в [1], роль абстрактной алгебры «в современной математике исключительно велика, и существует объективная тенденция к дальнейшей “алгебраизации” математики». В последние десятилетия «сфера ее применения расширяется столь стремительно, что иногда поговаривают об “алгебраической чуме”, охватившей не только математику, но и другие науки» [2]. Сейчас уже трудно перечислить все естественные, технические, экономические и некоторые другие науки, в которых используются те или иные результаты исследований современной алгебры. Например, ее методы и разрабатываемые на их основе средства используются всюду, где возникает потребность в организации больших объемов данных и реализации вычислительных процессов в самых различных областях науки и производства.

Идеи и методы современной алгебры оказались эффективными в исследованиях даже в плохо формализованных, но очень важных прикладных областях, в которых обнаруживается отсутствие для исследуемых реальных ситуаций или объектов сколько-нибудь адекватных математических моделей, на базе которых можно было бы вести расчеты и получать количественные и качественные выводы. Например, получил широкое признание алгебраический подход в исследованиях в области обработки и распознавания информации (в том числе видеоинформации). Язык современной алгебры играет ведущую роль в математических основах системного подхода, имеющего фундаментальное методологическое значение в исследованиях многих наук [3].

Как следует из изложенного, элементы современной алгебры играют важную роль в профильном обучении в школе и поэтому их необходимо отразить в содержании математической и методической подготовки будущих учителей.

1. *О методологии отражения элементов современной алгебры в содержании математической подготовки.* Историко-философский анализ развития математики показывает, что идеи и методы достижения современной алгебры наиболее ярко отразились в таких проявлениях современной «всечеловеческой» математической культуры, какими являются *математическое моделирование, дискретная математика и вычислительные процессы* [4]. Они оказывают наибольшее воздействие на математическое образование и в том числе на структуру и содержание математической подготовки будущих учителей различных профилей подготовки и поэтому играют важную роль в исследуемой нами методологии.

Анализ труднообозримого многообразия видов и методов *математического моделирования* показывает, что фундаментальную роль в математическом моделировании играет понятие алгебраической системы (структуры), возникшее в результате применения к алгебре методов математической логики [5]. Напомним, что алгебраической системой называется множество с определенными на нем операциями и отношениями данного типа. При этом тип операции – число элементов, к которым она применяется, а тип отношения – число элементов, состоящих в отношении.

Как оказалось, трактовка понятия математической модели как алгебраической системы играет такую же системообразующую роль в классификации видов математического моделирования в самых различных науках, какую играет понятие атомного *веса* элемента в классификации химических элементов в таблице Менделеева. Важной разновидностью алгебраической системы являются такие алгебры, как полугруппы и группы, кольца и полукольца, модули, поля, решетки и др., играющие все возрастающую роль в предметной подготовке не только будущих учителей математики и информатики, но и учителей физики, химии, биологии и некоторых других предметов. В частности, об этом свидетельствуют многочисленные важные приложения элементов теории полугрупп в разработке математических моделей в биологии и социологии, теории групп – в физике, химии и т. д.

Можно привести многочисленные примеры того, что в содержании математической подготовки будущих учителей наряду с понятием алгебраической системы важным методологическим ориентиром являются такие понятия абстрактной алгебры, как понятия отношения, эквивалентности, частичного порядка, гомоморфизма, конгруэнции, изоморфизма (т. е. важной «меры» сходства математических моделей) и многие другие, играющие фундаментальную роль в математическом моделировании с использованием компьютера.

Как показывает анализ предмета и функций современной дискретной математики [6], абстрактная алгебра играет фундаментальную роль в современной *дискретной математике*. Например, основным содержанием раздела прикладной дискретной математики с названием «Математические основы информатики и программирования» являются формальные языки и грамматики, алгоритмические системы, языки программирования, структуры и алгоритмы обработки данных, теория вычислительной сложности (см. тематику журнала «Прикладная дискретная математика»). Далее, в современной теории формальных языков, образующих «ядро дискретной математики» [7], доминирующим является алгебраический подход, в котором существенно используется аппарат, базирующийся на понятии полугруппы и алгебраической структуры полукольца и их свойств.

Наряду с алгебраическими структурами в дискретной математике доминирующими являются порядковые структуры и логические, алгоритмические, комбинаторные схемы (в общенаучной терминологии средства, методы математического познания) [8]. Многие понятия абстрактной алгебры и их свойства стали терминологической основой языка этих структур и схем. Например, алгебраической структурой с двумя бинарными алгебраическими операциями является решетка, которая известна как основная порядковая структура, определяемая как частично упорядоченное множество. В свою очередь в основе логических средств, методов познания (в частности, законов правильных рассуждений) лежит алгебра высказываний как разновидность алгебраической структуры. Наконец, понятия кольца формальных степенных рядов, алгебры Коши и Блиссара играют фундаментальную роль в языке комбинаторных схем (комбинаторики), являющихся неотъемлемой частью основ аппарата информатики и смежных областей.

Таким образом, терминология современной алгебры оказывает важное воздействие на формирование языка доминирующих в дискретной математике структур и схем, как установлено, играющих «фундаментальную роль в качественном анализе проблем математического моделирования, в систематизации информации по интересующей проблеме, ее структуризации, представлении имеющихся знаний в виде, удобном для последующего решения проблем» [9]. Игнорирование этого воздействия является одной из причин возникновения впоследствии самых живучих ошибок математического моделирования – тех, что остаются незамеченными в процессе итогового анализа и тестирования результатов моделирования и доходят до этапа внедрения его результатов. В частности, это – ошибки в использовании программного обеспечения. К сожалению, «рекламный звон вокруг инструментов и методов – это чума индустрии ПО. Большая часть усовершенствований средств и методов приводит к увеличению производительности и качества примерно на 5–35%. Но многие из этих усовершенствований были заявлены как дающие преимущества на “порядок”» [10].

Современная алгебра играет фундаментальную роль не только в разработке математических основ программирования (что уже было отмечено ранее), но и в создании и эксплуатации средств передачи и обработки информации, автоматизированных систем для реализации *вычислительных процессов*, обеспечивающих функционирование сложных систем управления технологическими процессами, энергетическими и другими важными системами. В частности, ее идеи и методы сыграли фундаментальную роль в разработке теории автоматов, лежащей в основе разработки автоматизированных систем управления. При этом автомат определяется как многоосновная модель (алгебраическая система [11]), заданная на трех конечных множествах с определенными на них двумя бинарными алгебраическими операциями. Классификация автоматов осуществляется с помощью отображений многоосновных алгебраических систем, которые являются гомо- и изоморфизмами.

Как следует из изложенного, основой методологии отражения элементов современной алгебры в содержании математической подготовки будущих учителей и особенно учителей математики и информатики являются элементы современной алгебры, играющие фундаментальную роль в их профильном обучении совместному использованию дискретных и непрерывных математических моделей, математическим основам информатики и реализации вычислительных процессов.

Анализ математической и методической литературы для учителей показывает, что в исследуемой методологии важным ориентиром являются межпредметные связи современной алгебры и других научных дисциплин, изучение которых предусмотрено в математической, естественнонаучной и профессиональной подготовке. Например, в математической подготовке будущих учителей физики и химии фундаментальную роль играют межпредметные связи теории групп и дисциплин «Строение вещества», «Физико-химические методы анализа» [12].

В исследуемой нами методологии важным ориентиром также являются уже перечисленные ранее понятия языка современной алгебры, а также понятия линейной и нечеткой алгебр и другие, которые (как уже отмечалось) играют ведущую роль в математических основах системного подхода в научных исследованиях, в частности в исследовании временных, динамических, стационарных крупномасштабных, сложных и других систем во многих науках [13].

Отметим, что важнейший вклад в постановку преподавания современной алгебры в педагогических вузах внес выдающийся алгебраист, один из главных создателей современной теории коммутативных групп профессор Л. Я. Куликов.

2. *О методологии отражения элементов современной алгебры в содержании методической подготовки.* В методической подготовке будущих учителей в рамках доминирующей компетентностной парадигмы фундаментальное значение имеет формирование методически компетентного учителя. К сожалению, здесь основное внимание к сегодняшнему дню оказалось сосредоточенным на подготовке будущего учителя к овладению методикой обучения учащихся решению продуктивных и творческих задач в рамках *одного* предмета, а нередко даже в пределах той или иной изучаемой темы. В условиях усиливающейся интеграции математики и других наук это – локальный уровень формирования методической компетенции. Он характеризуется как готовность применить полученные методические знания только в узких рамках изучаемого учащимися предмета или темы, чего явно недостаточно

для формирования методической готовности будущего учителя к принятию эффективных решений в различных учебных ситуациях с использованием межпредметных связей. Поэтому в методической подготовке будущего учителя всё возрастающую роль играют метапредметные (надпредметные) знания и умения, формируемые в процессе изучения различных дисциплин.

Метапредметные математические знания и умения, играющие фундаментальную роль в исследованиях в естественных, технических, экономических и других науках, имеют ценность не только для студента, но и для окружающего его социума, мира, человечества. Поскольку эти идеи и методы выходят далеко за рамки математических дисциплин, то на их основе будут достигаться метапредметные результаты как в математической, так и в методической подготовке будущих учителей.

Таким образом, в методической подготовке будущего учителя важным методологическим ориентиром являются те элементы современной алгебры, которые необходимы для реализации метапредметного (надпредметного) подхода в профильном обучении учащихся элементам математического моделирования, дискретной математики и теории вычислительных процессов. Поэтому среди метапредметов для учащихся должны быть не только метапредмет «Знак», «Обучение схематизации» и т. д. [14], но и метапредметы «Приглашение в абстрактную алгебру», «Изоморфизм (равенство) математических моделей», «Отношения порядка и эквивалентности», «Группы симметрий» и некоторые другие. Изучение таких метапредметов будет способствовать углублению представлений школьников о современной математической культуре и развитию их абстрактного мышления.

В настоящее время в методической подготовке будущих учителей недостаточное внимание уделяется методике развития абстрактного мышления учащихся на основе языка абстрактной алгебры. В развитии этого вида мышления необходимо уйти как можно дальше от длившейся многие тысячелетия эпохи именованных натуральных чисел (эпохи «мамонтов»). На основе понятий абстрактной алгебры метапредметного характера необходимо формировать методические умения будущих учителей демонстрировать учащимся посильные их восприятию элементы «нечисловой» математики, позволяющие уйти от изучения «довлеющих рекомендаций с установившимся инструктивным материалом» [15]. Очевидно, что в изучении довлеют свойства чисел и «инструкции» по тождественному преобразованию привычных алгебраических выражений. По этой причине при изучении такого наглядного понятия нечисловой математики, как решетка [16], или пятиэлементного поля [17] пусть учащимся покажется удивительным, например, что может быть $\alpha + \alpha = \alpha(\alpha\alpha = \alpha)$ или $2 \cdot 3 = 1$ соответственно.

Важную роль в вариативной методической подготовке будущих учителей математики играют специализированные курсы. В качестве такого курса в вариативной методической подготовке учителей, предполагающих работать в классах физико-математического профиля, можно предложить курс «Элементы теории решеток» [18], благодаря которому на основе уже упоминавшегося наглядного понятия решетки возникает возможность изучения со школьниками основных понятий современной абстрактной алгебры.

Отметим, что в последние десятилетия опубликован целый ряд книг для учителей, в которых весьма удачно нашли свое отражение те или иные элементы современной алгебры. В первую очередь здесь следует отметить книгу [19], в которой впервые опубликовано доступное для школьников изложение понятия кольца остатков, группы (движений на плоскости). Доступное для них изложение понятий полугруппы, группы, кольца, поля и решетки и др. имеется в ряде других книг (см. литературу в [20]). Таким образом, уже можно констатировать существование методики элективного обучения школьников тем или иным элементам современной алгебры, имеющей важное значение в формировании метапредметных знаний и развитии их абстрактного мышления.

Примечания

1. Математическая энциклопедия: в 5 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1979. Стб. 117.
2. Фрид Э. Элементарное введение в абстрактную алгебру. М.: Мир, 1979. С. 7.
3. Мессарович М., Такаха Я. Общая теория систем: математические основы. М.: Мир, 1975. 312 с.
4. Глушков В. М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 888 с.; Садовничий В. А. Математическое образование: настоящее и будущее: докл. на Всерос. конф. «Математика и

общество. Математическое образование на рубеже веков». Дубна, сентябрь. 2000. М.: МЦНМО, 2000. 664 с.

5. Мальцев А. И. Алгебраические системы. М.: Наука, 1970. 392 с.

6. Перминов Е. А. Методические основы обучения дискретной математике в системе «школа-вуз»: монография. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2006. 237 с.

7. Белоусов А. И., Ткачев С. Б. Дискретная математика: учеб. для вузов. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2001. С. 5.

8. Перминов Е. А. О методологии реализации дискретной линии в интеграции содержания математической и профессиональной подготовки будущих учителей информатики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(3). С. 75–79.

9. Там же. С. 78.

10. Гласс Р. Факты и заблуждения профессионального программирования / пер. с англ. СПб.: Символ-Плюс, 2007. С. 23.

11. Мальцев А. И. Указ. соч.

12. Кобычев В. Б., Витковская Н. М. Основы теории групп для химиков: учеб.-метод. пособие. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2006. 52 с.

13. Мессарович М. Указ. соч.

14. Громыко Н. В. Смысл и назначение метапредметного подхода / НИИ инновационных стратегий развития общего образования. URL: ug.ru/uploads/files/method_article/90/1; Математическая энциклопедия: в 5 т. Т. 1.

15. Красовский Н. Н. Математическое моделирование в школе // Известия УрГУ. Екатеринбург, 1995. № 4. С. 12–24.

16. Перминов Е. А. О курсе “Элементы теории решеток” в вариативной методической подготовке будущих учителей математики // Математика и компьютерное моделирование в исследованиях студентов и школьников: материалы Всерос. молодежной науч.-практич. конф. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 19–22.

17. Перминов Е. А. Дискретная математика: учеб. пособие для 8–9-х кл. сред. общеобразоват. шк. Екатеринбург: ИРРО, 2004. 206 с.

18. Перминов Е. А. О курсе “Элементы теории решеток” в вариативной методической подготовке будущих учителей математики.

19. Гусев В. А. Внеклассная работа по математике в 6–8 классах / В.А. Гусев, А. И. Орлов, А. Л. Розенталь. М.: Просвещение, 1984. 286 с.

20. Перминов Е. А. Дискретная математика.

Notes

1. Encyclopedia of Mathematics: in 5 vols. Vol. 1 Moscow: Sov. Entsikl. 1979. P. 117.

2. Frid E. Elementarnoe vvedenie v abstraktnuyu algebru [An elementary introduction to abstract algebra]. Moscow: Mir. 1979. P 7.

3. Messarovich M., Takahara J. Kibernetika. Voprosy teorii i praktiki [General systems theory: the mathematical foundations]. Moscow: Mir. 1975. 312 p.

4. Glushkov V.M. Kibernetika. Voprosy teorii i praktiki [Cybernetics. Theory and Practice]. Moscow: Nauka. 1986. 888 p.; Sadovnichii V.A. [Mathematical Education: Present and Future: report at the All-Russia. conf. "Mathematics and Society. Mathematical Education at the turn of the century" Dubna, September. 2000] Moscow: MCCME. 2000. 664 p.

5. Maltsev A.I. Algebraicheskie sistemy [Algebraic Systems]. Moscow: Nauka. 1970. 392 p.

6. Perminov E.A. Metodicheskie osnovy obucheniya diskretnoj matematike v sisteme «shkola-vuz»: monografiya [Methodical bases of learning discrete mathematics in the "school-high school": monograph]. Ekaterinburg: RGPPU Publ. 2006. 237 p.

7. Belousov A.I., Tkachev S.B. Diskretnaya matematika: ucheb. dlya vuzov [Discrete Mathematics: Textbook for universities]. Moscow: Publ. of MSTU of Bauman. 2001. P. 5.

8. Perminov E.A. O metodologii realizatsii diskretnoj linii v integratsii soderzhaniya matematicheskoy i professional'noj podgotovki budushchikh uchitelej informatiki [On methodology of the discrete lines in the integration of mathematical content and the training of future teachers of computer] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta Herald of Vyatka State University of Humanities, 2012, № 4 (3), pp. 75-79.

9. Ibid. P. 78.

10. Glass R. Fakty i zabluzhdeniya professional'nogo programmirovaniya [Facts and Fallacies of professional programming] / Translated from English. St. Petersburg: Symbol-Plus. 2007. P. 23.

11. Maltsev A.I.. Op. cit.

12. *Kobychev V.B., Vitkovskaja N.M.* Osnovy teorii grupp dlya khimikov: ucheb.-metod. posobie[Fundamentals of group theory for chemists]: tutorial. Irkutsk: Irkut. State. University Publ. 2006. 52 p.
13. Messarovich M. Op. cit..
14. *Gromyko N.V.* Smysl i naznachenie metapredmetnogo podkhoda [Meaning and purpose of a meta-approach] / NII innovatsionnykh strategij razvitiya obshchego obrazovaniya – Research Institute of Innovative Strategies of general education. Available at: ug.ru/uploads/files/method_article/90/1; Encyclopedia of Mathematics: in 5 vols. Vol. 1. (in Russ.)
15. *Krasovskii N.N.* Matematicheskoe modelirovanie v shkole [Mathematical modeling in school] // Izvestiya UrGU – News of USU, Ekaterinburg, 1995, № 4, pp. 12-24.
16. *Perminov E.A.* O kurse “Эlementy teorii reshetok” v variativnoj metodicheskoy podgotovke budushchikh uchitelej matematiki[On the course "Elements of the theory of lattices" in variant methodical preparation of future mathematics teachers] // Matematika i komp'yuternoe modelirovanie v issledovaniyakh studentov i shkol'nikov: materialy Vseros. molodezhnoj nauch.-praktich. konf. – Mathematics and computer modeling studies of students and schoolchildren: Proceedings of All-Russia. youth scientific-pactical. conf. Kirov. VyatSHU Publ. 2013. Pp. 19-22.
17. *Perminov E.A.* Diskretnaya matematika: ucheb. posobie dlya 8–9-kh kl. sred. obshcheobrazovat. shk[Discrete Mathematics: Textbook for 8-9 grades of general sch. Ekaterinburg: IRRO. 2004. 206 p.
18. *Perminov E.A.* O kurse “Эlementy teorii reshetok” v variativnoj metodicheskoy podgotovke budushchikh uchitelej matematiki[On the course "Elements of the theory of lattices" in variant methodical preparation of future mathematics teachers].
19. *Gusev V.A.* Vneklassnaya rabota po matematike v 6–8 klassakh[Class work in mathematics in grades 6-8] / V.A. Gusev, A.I. Orlov, A. L. Rosenthal. Moscow: Prosveshcheniye. 1984. 286 p.
20. *Perminov E.A.* Diskretnaya matematika[Discrete Math.]

УДК 378.147.88:338.24

О. В. Тарбеева

Профессионально ориентированная научно-исследовательская деятельность будущих менеджеров как средство формирования их информационно-коммуникационной компетентности

В статье рассматривается профессионально ориентированная научно-исследовательская работа (деятельность) будущих менеджеров, ее сущность, функции: мотивационная, методологическая, организационная, креативная, воспитательная; виды: индивидуальные (традиционные) и групповые (инновационные). В процессе этой работы в вузе формируется информационно-коммуникационная компетентность студентов, которая является основой профессиональной компетентности будущих менеджеров.

The article considers the job-oriented research work (activity) of the future managers, its essence, function (motivational, methodological, organizational, creative, educational), species (individual (traditional) and group (innovation)). In this process, the emerging information and communication competence of students, which is the basis of professional competence of future managers in the course of their vocational training in high school.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, профессионально ориентированная научно-исследовательская деятельность, информационно-коммуникационная компетентность, будущий менеджер.

Keywords: professional competence, professionally oriented research activities, information and communication competence, future manager.

Основой Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) как стандарта нового поколения, реализующего вузовские основные образовательные программы, является компетентностный подход к ожидаемым результатам высшего образования. Реализация этих стандартов объективно

требует построения новой модели подготовки будущего специалиста (бакалавра, магистра) и обуславливается разнообразием и структурной сложностью общекультурных и профессиональных компетенций бакалавров [1], содержащихся в ФГОС ВПО.

Главными целевыми установками в реализации ФГОС ВПО являются компетенции, полученные учащимся в ходе обучения. При этом под термином компетенция понимается способность применять знания, умения, навыки и личностные качества для успешной деятельности в определенной области.

Профессиональная компетентность является основной составляющей профессиональной деятельности и будущих менеджеров. Чаще всего профессиональная компетентность употребляется для выражения высокого уровня квалификации и профессионализма и рассматривается как характеристика качества подготовки специалиста, потенциала эффективности трудовой деятельности [2].

Профессиональная компетентность менеджера является важнейшим критерием качества управленческой деятельности и понимается как способность и готовность менеджера к управлению, основанные на профессионально значимых и личностных качествах. Поэтому в настоящее время важным ресурсом профессиональной компетентности становятся не столько специальные знания, сколько информационно-коммуникационная компетентность как основа профессиональной деятельности, обеспечивающая личностное и профессиональное развитие специалиста [3].

С формированием информационного общества к профессионально значимым для будущего менеджера компетентностям добавилась информационно-коммуникационная компетентность, которая является одной из ключевых компетентностей современного специалиста и проявляется, прежде всего, в деятельности при решении различных задач с привлечением компьютера, средств телекоммуникаций, Интернета и т. д.

К задачам развития информационно-коммуникационной компетентности относят совокупность знаний и умений из области информатики и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); развитие коммуникативных, интеллектуальных способностей; осуществление интерактивного диалога в едином информационном пространстве [4].

Определяя информационно-коммуникационную компетентность будущего менеджера как готовность к работе в новых условиях информатизации, исследователи в качестве существенных указывают такие характеристики:

- способность решать профессиональные задачи с использованием современных средств и методов информатики и ИКТ;
- состоявшееся личностное качество, отражающее реально достигнутый уровень подготовки в области использования средств ИТК в профессиональной деятельности;
- особый тип организации предметно-специальных знаний, позволяющих правильно оценивать ситуацию и принимать эффективные решения в профессиональной деятельности, используя ИКТ.

Информационно-коммуникационную компетентность можно рассматривать как комплексное умение и готовность самостоятельно искать, отбирать нужную информацию, анализировать, организовывать, представлять, передавать ее; моделировать и проектировать объекты и процессы, реализовывать проекты, в том числе в сфере индивидуальной и групповой человеческой деятельности.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что проблема готовности и умения студентов использовать ИКТ в профессиональной деятельности рассматривается весьма активно [5]. Несмотря на сложность функций информационно-коммуникационной компетентности будущих менеджеров (информативная, информационно-обменная, технологическая, организационная, креативная), ее структура содержит следующие компоненты:

- мотивационный компонент включает систему мотивов, эмоционально-волевых и ценностных отношений менеджера к деятельности, к людям, к своим способностям, их развитию, отражает личностную заинтересованность менеджера в отношении использования ИКТ в профессиональной деятельности;
- когнитивный компонент выражает способность владения теоретическими знаниями, умениями и навыками оперирования информацией, информационными объектами и т. д., необходимы знания способов получения, переработки и передачи информации, навыки профессионального самосовершенствования, знание истории вычислительной техники, знание межпредметных связей и т. д.;

– деятельностный компонент представляет умение и готовность активно применять ИКТ в профессиональной деятельности как средство познания, развития и самосовершенствования;

– рефлексивный компонент проявляется в умении контролировать результаты своей деятельности, осуществлять анализ и самоанализ менеджером собственных навыков в области ИКТ и готовность к поиску новых средств для решения возникающих задач в профессиональной сфере.

Именно информационно-коммуникационная компетентность характеризует глубокую осведомленность в предметной области знаний, личный опыт субъекта, нацеленного на перспективу в работе, на становление современного научного мировоззрения; открытого к динамичному обогащению и самосовершенствованию за счет получения, оценивания и использования информации; умеющего создавать новую информацию; способного достигать значимых результатов и высокого качества в профессиональной деятельности. Таким образом, информационно-коммуникационная компетентность является основной компонентой профессиональной подготовки будущего менеджера.

Формирование информационно-коммуникационной компетентности будущего специалиста особенно активно происходит в системе высшего профессионального образования, в частности в научно-исследовательской работе (деятельности) студентов (НИРС). Её эффективность определяется уровнем сформированности исследовательских знаний, умений, развитием личностных качеств, накоплением опыта творческой исследовательской деятельности по данному направлению подготовки [6].

В процессе профессионального образования в вузе студенты на аудиторных занятиях (лекции, семинары, практические занятия) и во внеаудиторной работе (учебная и производственная практика, научные лаборатории и кружки, конференции, олимпиады) занимаются профессионально ориентированной научно-исследовательской деятельностью, в процессе которой они приобретают знания, умения и навыки профессиональной деятельности.

Профессионально ориентированная научно-исследовательская деятельность студентов – это вид активности обучающегося, направленной на получение и применение новых знаний по специфике профессиональной деятельности, развитие способностей и мотивации к научному профессиональному творчеству.

В профессионально ориентированной научно-исследовательской работе студентов можно выделить следующие ее функции:

– мотивационную, связанную с развитием познавательного интереса к содержанию научных исследований в профессиональной области, формированием профессиональной мотивации будущего специалиста;

– методологическую, предполагающую овладение студентами методологией научного познания и методикой научных исследований в профессиональной сфере;

– организационную, характеризующую приобретение навыков самостоятельной исследовательской работы, самостоятельного решения научных задач, овладение навыками работы в научных коллективах, практическое ознакомление студентов с методами организации их работы; привлечение студентов к выполнению научно-исследовательских, опытных и проектно-конструкторских работ в профессиональной сфере;

– креативную, обуславливающую необходимость развития творческого мышления и творческого подхода к решению задач профессиональной деятельности; освоение методов самостоятельной работы с научной литературой, воспитание способности критического восприятия научной информации; углубленное и творческое освоение учебного материала; использование творческого и интеллектуального потенциала для решения актуальных задач социально-культурной сферы страны;

– воспитательную, предполагающую формирование сознательного отношения к профессиональному обучению и научно-исследовательской деятельности, стремления к самостоятельной работе, развитие интереса к научным исследованиям.

В практике профессионального образования в качестве основных видов профессионально ориентированной научно-исследовательской работы студентов можно выделить индивидуальные (традиционные) и групповые (инновационные) виды, которые в свою очередь можно также отнести к аудиторной и внеаудиторной деятельности.

К индивидуальным внеаудиторным видам профессионально ориентированной научно-исследовательской работы студентов относятся:

- чтение, анализ, отбор и систематизация научной литературы по профессиональному профилю деятельности, достижения отечественной и зарубежной науки в сфере профессиональной деятельности, составление библиографии по определенным темам;

- составление научных докладов, эссе, статей, тезисов по темам профессиональной деятельности;

- выполнение методических рекомендаций по актуальным вопросам профессиональной деятельности;

- участие в образовательных выставках, форумах, олимпиадах, а также научных конференциях и, по возможности, выступление с докладом на них по профилю деятельности;

- подготовка научных сообщений и рефератов по темам профессиональной деятельности;

- составление научных отчетов о выполнении элементов исследований во время практики;

- выполнение курсовых и выпускных квалификационных работ по темам профессиональной деятельности.

Групповые внеаудиторные виды профессионально ориентированной научно-исследовательской работы студентов:

- объединения в научные кружки по определенному направлению исследования;

- работа в исследовательских группах по узкой теме профессиональной деятельности.

Успех профессиональной деятельности предполагает владение ее операционной, организаторской, психологической и нравственной сторонами, а также обобщенными профессиональными знаниями и готовностью к реализации оптимальных способов выполнения трудовых заданий. Наибольшее влияние на профессиональные намерения студентов оказывает интерес к учебным дисциплинам и участие их во всех видах профессионально ориентированной научно-исследовательской деятельности.

На формирование мотивационного компонента информационно-коммуникационной компетентности существенное влияние оказывают личная готовность и заинтересованность будущего менеджера к использованию ИКТ в своей профессиональной деятельности, что характеризует стремление к формированию и развитию творческих возможностей и способностей использовать ИКТ в профессиональной сфере, уровне самооценки в области ИКТ, а также мотивах выбора информации. Студенты имеют возможность участвовать в научных конференциях, олимпиадах, форумах, выставках, проводимых на факультетах в рамках учебной и внеучебной деятельности, где прослеживается личная заинтересованность обучающегося. Мотивационный компонент информационно-коммуникационной компетентности очень важен в профессионально ориентированной научно-исследовательской деятельности студентов, так как определяет побуждение и интерес студентов к научным исследованиям в процессе обучения в вузе.

На формирование когнитивного компонента информационно-коммуникационной компетентности оказывают влияние знание современных ИКТ и владение ими будущим менеджером в профессиональной деятельности, способность к восприятию, передаче, получению, отбору, хранению, воспроизведению, представлению и интеграции информации в профессиональной сфере, а также способность к моделированию и конструированию информационно-образовательной среды и прогнозированию результатов собственной деятельности. Умение студентом найти информацию, представить ее в виде реферата, доклада по теме, курсовой работы по учебной дисциплине или выпускной квалификационной работы на последнем курсе обучения – в той или иной мере происходит участие студентов в научно-исследовательской деятельности в рамках учебного процесса. Когнитивный компонент информационно-коммуникационной компетентности характеризует уровень знаний, умений и навыков в процессе профессионально ориентированной научно-исследовательской деятельности студентов.

На формирование деятельностного компонента информационно-коммуникационной компетентности существенное влияние оказывает умение использовать и способность организовывать профессиональную деятельность на основе средств ИКТ для решения профессиональных задач – это готовность к использованию ИКТ в условиях профессиональной деятельности в постоянно меняющемся информационном обществе, способность применять ИКТ для решения специализированных задач, а также готовность к освоению эффективного доступа к информации и аналитической обработке этой информации в профессиональной

деятельности. В процессе проведения научных поисков и представления конечного результата, например в период прохождения различных типов практики на предприятиях и в организациях, представление исследовательских отчетов, выражается в умении и способности организовывать профессиональную деятельность. Деятельностный компонент информационно-коммуникационной компетентности связан с особой спецификой профессионально ориентированной научно-исследовательской деятельности студентов.

На формирование рефлексивного компонента информационно-коммуникационной компетентности существенное влияние оказывает способность менеджеров освоить новые программные средства и технологии для работы в профессиональной деятельности, так как происходит непрерывный процесс их модернизации и обновления – готовность к совместному освоению научного и социального опыта; наличие совместной рефлексии и саморефлексии. Студент может и готов использовать новые технологии и средства в своей научной деятельности, например для написания выпускной квалификационной работы, а также во взаимодействии с преподавателем по теме исследования той же выпускной квалификационной работы. Рефлексивный компонент информационно-коммуникационной компетентности связан с профессионально ориентированной научно-исследовательской деятельностью студентов как средство осознания студентом-исследователем результата исследований.

Таким образом, эффективная профессионально ориентированная научно-исследовательская деятельность будущих менеджеров – неотъемлемое средство формирования информационно-коммуникационной компетентности студентов, которая является основой профессиональной деятельности будущих менеджеров.

Примечания

1. *Зайцева О. Н.* Формирование информационно-коммуникационной компетентности в системе уровня образования // Проблемы и перспективы развития образования: материалы III междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2013). Пермь: Меркурий, 2013. С. 124–126.
2. *Пугачев В. П.* Руководство персоналом организации. М.: Аспект Пресс, 2000. 54 с.
3. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002.
4. *Тришин С. В., Хуторской А. В.* Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного профессионального образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2004. 22 июня. URL:<http://www.eidox.ru/journal/2004/0622-09.htm>
5. *Лебедева М. Б., Шилова О. Н.* Что такое ИКТ-компетентность студентов педагогического университета и как ее формировать // Информатика и образование. 2004. № 3. С. 95–99.
6. *Никитина Е. Ю.* Применение технологии проблемного обучения при организации образовательного процесса в высшей школе // Гуманизация образования в контексте системного подхода: материалы 4-й Всерос. конф. Бийск, 2007. С. 266–269.

Notes

1. *Zaitseva O.N.* Formirovanie informatsionno-kommunikatsionnoj kompetentnosti v sisteme urovnevoogo obrazovaniya [Formation of information and communication competence in the formal education] // Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy III mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', yanvar' 2013) – Problems and Prospects of Education: Proceedings of the III International scientific conf. (Perm, January 2013). Perm: Mercury. 2013. Pp. 124-126.
2. *Pugachev V.P.* Rukovodstvo personalom organizatsii [Management staff of the organization]. Moscow: Aspect Press. 2000. 54 p.
3. *Raven J.* Kompetentnost' v sovremennom obshchestve. Vyyavlenie, razvitie i realizatsiya [Competence in modern society. Identification, development and implementation]. Moscow. 2002.
4. *Trishin S.V., Hutorskoy A.V.* Informatsionnaya kompetentnost' spetsialista v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Information competence of specialist in the system of additional vocational training] // Internet magazine "Eidos", 2004, 22 June. Available at: <http://www.eidox.ru/journal/2004/0622-09.htm> (in Russ.)
5. *Lebedev M.B., Shilova O.N.* CHto takoe IKT-kompetentnost' studentov pedagogicheskogo universiteta i kak ee formirovat' [What is the ICT competence of students of pedagogical university and how to generate it] // Informatika i obrazovanie – Education and Informatics, 2004, № 3, pp. 95-99.
6. *Nikitina E.Y.* Primenenie tekhnologii problemnogo obucheniya pri organizatsii obrazovatel'nogo protsessa v vysshej shkole [Application of technology of problem-based learning in the organization of the educational process in higher education] // Gumanizatsiya obrazovaniya v kontekste sistemnogo podkhoda:

УДК 510 (075.5)

С. В. Напалков

О практическом использовании тематических образовательных Web-квестов в школьном обучении математике

В статье раскрывается значение современной образовательной технологии Web-квест для совершенствования процесса обучения математике школьников; раскрывается структура тематического Web-квеста, его содержательное наполнение и особенности использования.

There is a value of the modern educational Web quest technology for improvement of process of training in mathematics of school students reveals in the article; the structure of a thematic Web quest, its substantial filling and features of use reveals.

Ключевые слова: тематический Web-квест, современные технологии обучения математике, математическое образование школьников.

Keywords: thematic Web quest, modern technologies of training in mathematics, mathematical education of pupils.

Современное состояние науки и производства ставит перед математическим образованием школьников задачи, требующие поиска и разработки эффективных педагогических технологий освоения фундаментальных знаний, оптимизации методик обучения, обеспечивающих высокое качество математической подготовки школьников, задействующих широкие возможности электронных образовательных ресурсов [1].

Электронные образовательные ресурсы по математике могут быть использованы как на уроках, так и во внеурочной деятельности учащихся. Особое значение при специальной организации они могут приобрести на уроках обобщения и систематизации знаний, умений и навыков учащихся по изученной теме, поскольку использование их возможностей позволяет более эффективно реализовать функцию систематизации, сводящуюся к установлению структурно-логических связей между отдельными единицами знаний данной темы, а также их связей с предыдущими темами, разделами курса и даже другими учебными предметами; и функцию обобщения, заключающуюся в выделении главного в содержании темы, а именно ведущих понятий, положений, методов, способов их получения и применения. В этом и заключаются, по мнению Т. А. Ивановой, основные учебные задачи урока систематизации и обобщения знаний учащихся:

- осмысление идей, приведших к изучению новой темы;
- выделение ведущих понятий темы, установление связей между ними, а также связей с родственными понятиями других тем курса математики или других учебных предметов;
- выделение общих методов познания (логических и эвристических), с помощью которых были получены новые знания, и частных методов, характерных для данной темы;
- выделение ключевых задач темы и способов их решения; установление связей с ключевыми задачами других тем, схожими или по условиям, или по требованиям, или способу решения;
- осознание общего способа изучения всей темы и исследование возможностей другого её построения [2].

Решение выделенных учебных задач при использовании электронных образовательных ресурсов, способствующих обобщению и систематизации учебного материала темы, фактически позволяет охватить все компоненты её содержания: информационный, методологический, смысловой и ценностный. А поэтому способствует правильному формированию

у учащихся представлений о предмете математики, о математическом моделировании, а также развитию познавательной самостоятельности школьников.

Кроме того, необходимо учитывать, что электронные образовательные ресурсы по математике достаточно «гибкие» и вариативные сами по себе. Поэтому работа с ними позволяет учитывать специфику состава класса, наличие в нём тех или иных типологических групп учащихся, а следовательно, осуществлять дифференцированный или индивидуальный подход к учащимся, использовать групповые формы обучения. Обобщающе-систематизирующая работа, построенная с использованием электронных образовательных ресурсов по математике, может послужить основой деятельности по уточнению и упрочению знаний одними учащимися класса, по упрочению знаний и расширению области их применения – другими, по углублению знаний – третьими [3].

Одним из инновационных средств обучения математике, позволяющих эффективно использовать электронные образовательные ресурсы с целью обобщения и систематизации знаний, умений и навыков учащихся по изученной теме, является тематический образовательный Web-квест.

Как известно, использование Web-квестов в обучении изначально предполагало такой способ организации поисковой деятельности учащихся, при котором вся информация, предоставляемая обучающимся, или ее часть поступают из интернет-источников, дополняясь видеоконференцией (Б. Додж) [4].

В настоящее время в связи с расширением сферы применения Web-квест технологий данная трактовка уточняется, появляются различные типологии Web-квестов, рассматриваются их структуры и функциональные возможности.

Так, в работах С. Ф. Катержиной под Web-технологией понимается технология навигации по гиперссылкам, которая позволяет создавать различные обучающие системы, а те, в свою очередь, могут являться основой для организации различных форм дистанционного образования [5].

Е. И. Багузина Web-квест трактует как проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета [6].

Г. А. Воробьёвым Web-квест рассматривается как Web-проект, при этом часть или вся информация, с которой работает учащийся, может находиться на различных Web-сайтах [7].

Web-квесты сегодня находят применение и в сфере математического образования школьников [8]. При достаточно простом способе включения в учебный процесс, не требующем особых технических знаний, они могут способствовать развитию критического и абстрактного мышления, умений сравнивать, анализировать, классифицировать; навыков самостоятельного планирования, целеполагания, активного познания изучаемого математического материала (учебного курса, учебной темы, учебного вопроса) по самостоятельно построенной образовательной траектории. Они способствуют также выбору образовательной стратегии в зависимости от сферы интересов и имеющихся способностей, в частности возможности планирования результатов в теоретической, прикладной, исследовательской, исторической или коррекционно-аналитической деятельности, а также повышению познавательности активности учащихся и мотивации к изучению математики у школьников [9].

Многофункциональность образовательных Web-квестов по математике приобретает особое значение на этапах обобщения и систематизации знаний, поскольку их использование с целью организации обобщающего повторения способствует обобщению, систематизации знаний, приведению их в целостную систему. Поэтому следует говорить о необходимости использования *тематических* образовательных Web-квестов по математике, которые позволяют решать и ещё одну важную задачу совершенствования математического образования школьников – задачу развития их познавательной самостоятельности.

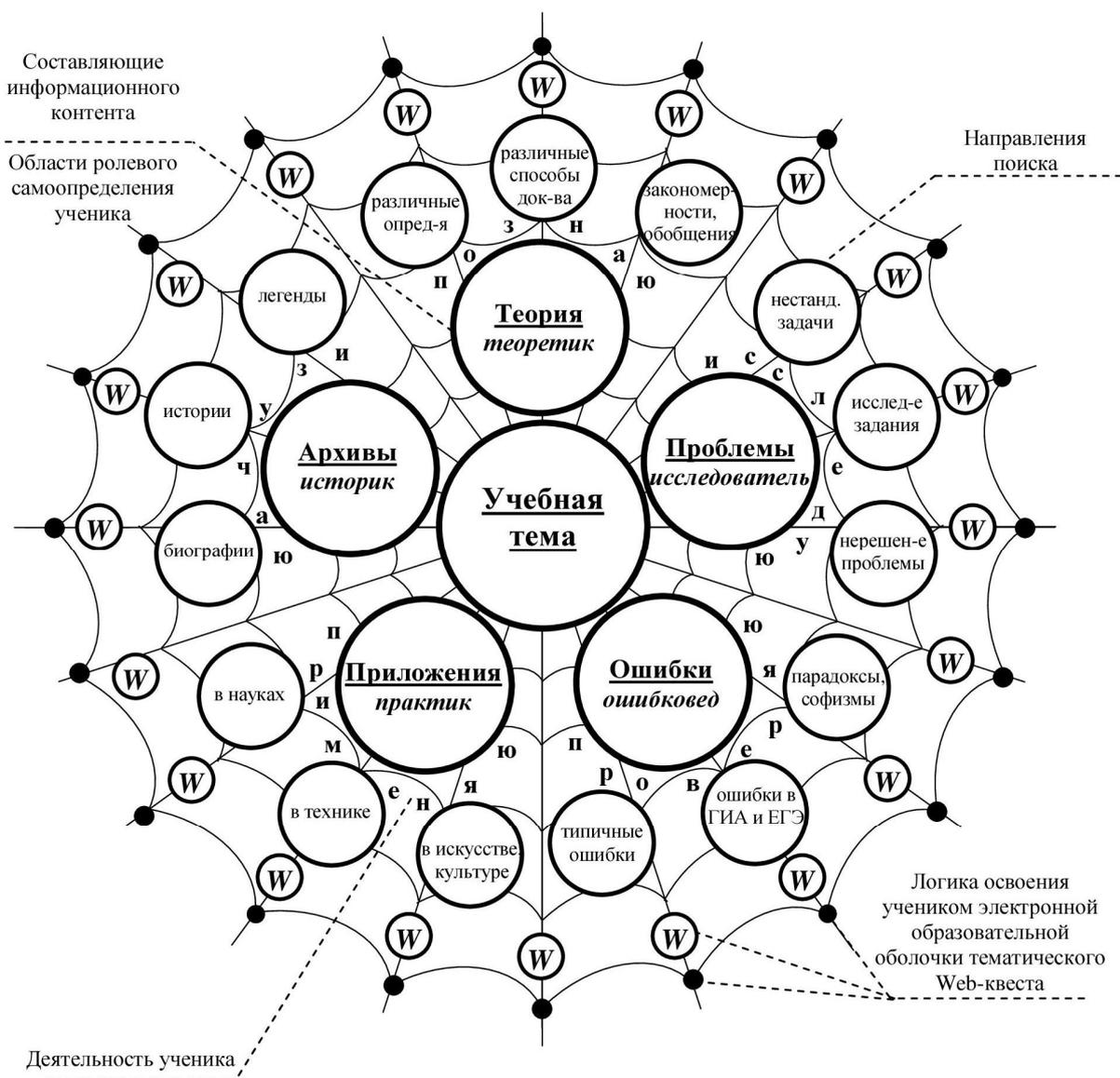
Под *тематическим образовательным Web-квестом* будем понимать такой Web-квест, который имеет информационный контент, определяющийся содержанием учебной темы, целями и задачами обобщающе-систематизирующего этапа её изучения и предполагает выполнение заданий, способствующих развитию познавательной самостоятельности учащихся.

Информационный контент тематического образовательного Web-квеста по математике может быть постоянным, а может и регулярно пополняться (например, контент новостных сайтов, блоги учителей-предметников). Содержание контента или сайта может быть разным, поскольку они могут быть ориентированы на школьника, который увлекается ма-

тематикой, или учителя математики, стремящегося к самообразованию и совершенствованию своих профессиональных навыков.

Тематические образовательные Web-квесты по математике, ориентированные, прежде всего, на развитие познавательной самостоятельности учащихся в процессе обобщения и систематизации знаний по изученной теме, имеют особую структуру, образованную взаимосвязью пяти основных компонентов: *теоретическим, прикладным, исследовательским, историческим и коррекционно-аналитическим.*

В соответствии с выделенными компонентами тематического образовательного Web-квеста по математике при его конструировании целесообразно выбирать следующие составляющие его наполнения: **<Архивы>**, **<Теория>**, **<Проблемы>**, **<Приложения>**, **<Ошибки>**. Каждая из них может быть соотнесена с той или иной областью ролевого самоопределения ученика (сферой его познавательных интересов, приоритетностью видов его деятельности): «Историк», «Теоретик», «Практик», «Исследователь», «Ошибковед» (см. рисунок).

Модельное представление тематического образовательного Web-квеста по математике

При создании тематического образовательного Web-квеста по математике необходимо исходить, прежде всего, из особенностей его структуры и определить последовательность действий, номенклатуру ролей и ресурсов, необходимых для выполнения заданий (ссылки на интернет-ресурсы и любые другие источники информации), а также вспомогательные

материалы (примеры, шаблоны, таблицы, бланки, инструкции и т. п.), которые позволяют более эффективно организовать работу над квестом.

Следует иметь в виду, что наиболее важной частью тематического образовательного Web-квеста по математике являются познавательные задания, обеспечивающие достижение целей обобщающе-систематизирующей работы и развитие познавательной самостоятельности школьников. Хорошо подобранные задания должны быть выполнимыми и увлекательными, побуждать учащихся мыслить и самосовершенствоваться.

Содержание тематического образовательного Web-квеста может быть представлено в виде:

- *печатной продукции* – учебного пособия с электронным приложением, учебно-методического пособия, книжки-раскладушки и т. п.;
- *электронного образовательного ресурса удалённого доступа*, распространяемого на USB-носителях, компакт-дисках, через файлообменники и электронную почту в Интернете;
- *специализированного сайта*.

Наиболее практичный из перечисленных способов представления образовательных Web-квестов сопряжен с созданием собственного информационного контента: специализированного сайта. Этот подход может быть применен почти для всех учебных тем школьного курса математики: общим при этом будет сайт, структура Web-квеста и этапы его использования, а вариативным будет содержательное наполнение: задания, вопросы, формы отчетности учеников (пример такого наполнения тематического образовательного Web-квеста по теме «Квадратные уравнения» более подробно см. matematikum.ucoz.ru).

Следует заметить, что использование тематических образовательных Web-квестов по математике позволяет учитывать познавательные запросы различных групп учащихся, рассматривать изученный материал в том аспекте, который наиболее тесно связан со сферой интересов отдельных школьников, или же в нескольких аспектах, что существенно расширяет их представление о значении данной темы для различных научных областей; а кроме того, будет способствовать развитию их познавательной самостоятельности.

Как показывает опыт, работа с тематическими образовательными Web-квестами по математике вносит разнообразие в учебный процесс, делает его живым и интересным; она может быть организована и на уроке, и во внеурочной деятельности. Применение тематических образовательных Web-квестов при обучении математике расширяет информационную составляющую процесса обучения школьников, предоставляет возможность ученикам самостоятельно добывать новые знания. Они с равным успехом могут быть использованы учащимися не только на уроках, но и в домашних условиях как дополнительный электронный образовательный ресурс.

Примечания

1. *Напалков С. В.* Электронные образовательные тренажёры по математике как эффективное средство развития познавательной активности сельских школьников // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1(32). С. 98–101.

2. *Иванова Т. А., Первощикова Е. Н., Кузнецова Л. И., Григорьева Т. П.* Теория и технология обучения математике в средней школе: учеб. пособие для студ. матем. спец. пед. вузов / под ред. Т. А. Ивановой. 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: НГПУ, 2009. 355 с.

3. Технология обучения в классах с малой наполняемостью сельских школ: из опыта работы учителей Нижегородской области: (сб. метод. ст.) / сост. и науч. ред. М. И. Зайкин. Арзамас; Н. Новгород, 1995. 85 с.

4. *Dodge B.* (1995). Some thoughts about WebQuests. Available: http://edweb.sdsu.edu/courses/edtec596/about_webquests.html.

5. *Катержина С. Ф.* Развитие познавательной самостоятельности студентов технического вуза при обучении математике с использованием Web-технологий: дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2010. 174 с.

6. *Багузина Е. И.* Веб-квест технология как дидактическое средство формирования иноязычной коммуникативной компетентности: на примере студентов неязыкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 238 с.

7. *Воробьев Г. А.* Веб-квесты в развитии социокультурной компетенции: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 168 с.

8. *Напалков С. В.* О гуманитарном значении Web-квест технологии в обучении математике // Гуманитарные традиции математического образования в России: сб. ст. участников Всерос. науч. конф. с междунар. участием / под общ. ред. М. И. Зайкина; АГПИ. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 416–421.

9. *Зайкин М. И.* Виртуальный класс в дополнительном образовании сельских школьников: учеб.-метод. пособие / М. И. Зайкин, С. В. Арыткина, С. В. Менькова, А. А. Статуев, М. И. Фокеев. Арзамас, 2008. 120 с.

Notes

1. *Napalkov S.V.* EHlektronnye obrazovatel'nye trenazhyory po matematike kak ehffektivnoe sredstvo razvitiya poznavatel'noj aktivnosti sel'skikh shkol'nikov [Electronic educational simulators for mathematics as an effective means of cognitive activity of rural students] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of science, culture and education, 2012, № 1 (32), pp. 98-101.

2. *Ivanova T.A.* Perevoshchikova E.N., Kuznetsova L.I., Grigorieva T.P. Teoriya i tekhnologiya obucheniya matematike v srednej shkole: ucheb. posobie dlya stud. matem. spets. ped. vuzov [Theory and technology of teaching mathematics in secondary schools: tutorial for stud. of Mat. specials. of ped. universities] / ed. T.A. Ivanova. 2nd ed., rev. and ext. Nizhny Novgorod: NGPU. 2009. 355 p.

3. *Tekhnologiya obucheniya v klassakh s maloj napolnyaemost'yu sel'skikh shkol: iz opyta raboty uchitelej Nizhegorodskoj oblasti: (sb. metod. st.)* [Technology of training classes with small pupils in rural schools: the experience of teachers of Nizhny Novgorod region (coll. of method. art.)] / Ed. and scientific. ed. M.I. Zaykin. Arzamas; Nizhny Novgorod. 1995. 85 p.

4. *Dodge B.* (1995). Some thoughts about WebQuests. Available at: http://edweb.sdsu.edu/courses/edtec596/about_webquests.html.

5. *Katerzhina S.F.* Razvitie poznavatel'noj samostoyatel'nosti studentov tekhnicheskogo vuza pri obuchenii matematike s ispol'zovaniem Web-tekhnologij: dis. kand. ped. nauk. [Development of cognitive independence of students of a technical college for teaching mathematics using Web-based technologies: dis. Candidate ped. sci]. Yaroslavl. 2010. 174 p.

6. *Baguzina E.I.* Veb-kvest tekhnologiya kak didakticheskoe sredstvo formirovaniya inoyazychnoj kommunikativnoj kompetentnosti: na primere studentov neyazykovogo vuza: dis. ... kand. ped. nauk. [WebQuest technology as a didactic means of formation of foreign language communicative competence: the case of language high school students: Thesis. Candidate ped. sci]. Moscow. 2011. 238 p.

7. *Vorobyov G.A.* Veb-kvesty v razviii sotsiokul'turnoj kompetentsii: monografiya. [Web quests in the development of social competence: monograph]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University. 2007. 168 p.

8. *Napalkov S.V.* O gumanitarnom znachenii Web-kvest tekhnologii v obuchenii matematike [Humanitarian value of Web-quest of technology in teaching mathematics] // Gumanitarnye traditsii matematicheskogo obrazovaniya v Rossii: sb. st. uchastnikov Vseros. науч. конф. s mezhdunar. uchastiem – Humanitarian tradition of mathematics education in Russia: col. of art. of participants of All-Russia scientific. conf. with intern. participation / under gen. ed. M.I. Zaykin; ACRI. Arzamas: ACRI. 2012. Pp. 416-421.

9. *Zaykin M.I.* Virtual'nyj klass v dopolnitel'nom obrazovanii sel'skikh shkol'nikov: ucheb.-metod. posobie [Virtual Classroom in additional education of rural students: tutorial] / M.I. Zaykin, S.V. Aryutkina, S.V. Menkova, A.A. Statuev, M.I. Fokeyev. Arzamas. 2008. 120 p.

УДК 37.016:811.1

Е. Н. Владимирова

Учебная деятельность как инструмент овладения школьниками аудированием на иностранном языке

В статье рассматривается учебная деятельность с точки зрения её способности выступать эффективным инструментом при овладении аудированием как видом речевой деятельности на иностранном языке. Автор характеризует учебно-речевые действия, необходимые ученикам при решении разных типов учебно-речевых задач в процессе восприятия и понимания иноязычного речевого сообщения.

The article proves that learning activities is as an effective instrument of students' acquisition of listening comprehension in a foreign language. The author describes students' communicative actions in solving different types of communicative tasks in the process of listening to a foreign language message.

Ключевые слова: учебная деятельность, фазы учебной деятельности, учебно-речевая задача, учебно-речевые действия, иноязычное аудирование.

Keywords: learning activities, stages of learning activities process, communicative tasks, communicative actions, foreign language listening comprehension.

Согласно примерной образовательной программе по иностранному языку для основной школы, разработанной на основе фундаментального ядра содержания общего образования и требований к результатам основного общего образования, определены ведущие цели обучения иностранному языку в основной школе. Среди них особое место занимает формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) учеников в совокупности таких ее составляющих, как языковая, речевая, социокультурная, компенсаторная и учебно-познавательная [1]. Освоение школьниками ИКК на должном уровне позволит им использовать иностранный язык как средство получения информации из различных источников в процессе иноязычного общения.

Одной из форм, обслуживающих устное иноязычное общение, является аудирование как рецептивный вид речевой деятельности и сложный психологический процесс восприятия, распознавания, осмысления, закрепления и понимания речевого сообщения (РС), в основе которого лежат активная переработка и оценка полученной информации в опоре на речевой и социальный опыт для достижения цели, стоящей перед слушающим. Иначе говоря, аудирование как акт деятельности начинается мотивом и планом, а завершается результатом, т. е. достижением намеченной в начале цели; «в середине же лежит *динамическая система конкретных действий и входящих в них операций*, направленных на это достижение» [2].

Владение учащимися основной школы действиями и операциями, необходимыми для восприятия и понимания иноязычной речи, позволяет говорить о предметных результатах овладения иноязычным аудированием. Ими является совокупность следующих умений: а) полное понимание на слух речи учителя и одноклассников; б) понимание основного содержания несложных аутентичных РС, относящихся к разным коммуникативным типам речи (рассказ, интервью и др.); в) выборочное понимание кратких аутентичных сообщений в опоре на языковую догадку, контекст, выделяя значимую, необходимую информацию для решения коммуникативной задачи.

Однако на основании анализа состояния обучения аудированию в общеобразовательной школе можно заключить, что учащиеся владеют этим видом речевой деятельности в недостаточной степени. Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что школьники в процессе восприятия и понимания иноязычной речи часто испытывают трудности в выделении главного/второстепенного в сообщении; нахождении конкретной (нужной) информации; понимании смысла сообщения для решения речевой задачи и т. п. Объяснить это можно, по нашему мнению, тем, что учащиеся либо владеют частично, либо не владеют вообще аудитивными действиями и операциями как морфологическими единицами этого вида речевой деятельности, необходимыми им для решения поставленной задачи в процессе устного иноязычного общения.

Эффективным инструментом разрешения названного противоречия, на наш взгляд, является учебная деятельность (УД), ибо она может создавать оптимальные условия для овладения школьниками той совокупностью учебно-предметных аудитивных действий, которые им нужны для решения поставленной учебно-речевой задачи. Последняя обуславливает работу психологических механизмов, приводящих в действие интеллектуальные действия слушающего, и тем самым обеспечивает такой уровень овладения аудированием как формой устного иноязычного общения, который предполагает программа.

Вслед за И. А. Зимней, мы понимаем УД как «деятельность субъекта (школьника) по овладению обобщенными способами учебных действий и саморазвитию в процессе решения им посредством учебных действий специально поставленных учителем учебных задач на основе внешнего контроля и оценки, переходящих в самоконтроль и самооценку самого ученика» [3]. Иначе говоря, УД – процесс решения школьником учебной задачи с целью приобретения к накопленному социально-личностному опыту преобразования окружающей действительности [4]. В результате происходят изменения в самом субъекте УД, его развитие и превращение из субъекта, не владеющего действиями по изменению объектов некоторой предметной области, в субъекта, овладевшего ими [5].

Основным компонентом УД является учебная задача как данная в некоторых условиях (ситуации) цель деятельности, которая должна достигаться преобразованием этих условий

согласно определенной процедуре. Задача включает в себя требования (цель), условия (известное) и искомое (неизвестное), формулирующееся в вопросе. Между названными элементами существуют определенные связи и зависимости, за счет которых осуществляются поиск и выявление неизвестных элементов через известные с помощью учебных действий и операций, реализующих их. Иными словами, учебная задача – это «известная цель, достижение которой возможно с помощью определенных действий в столь же определенной ситуации» [6].

Заметим, что часто для достижения какой-либо цели требуется решение не одной, а нескольких задач. Так, решение одной задачи может вносить вклад в решение другой, более сложной по своему содержанию задачи, а та, в свою очередь, в решение последующей и т. д. Что касается УД, направленной на овладение материалом, то она, как правило, предусматривает решение комплекса учебных задач и соответствующих им обобщенных способов учебных действий. Воспользуемся классификацией учебных действий, предложенных А. К. Марковой [7] для решения любой учебной задачи, в рамках которой выделены три группы универсальных учебных действий, отражающих фазный характер УД [8]:

Первая группа соотносится с мотивационно-ориентировочной фазой УД и рассматривается как ориентировочная основа решения учебной задачи. Она включает следующие действия учеников: а) понимание смысла деятельности, задачи и её принятие к решению; б) выбор ориентиров действия в предлагаемом учебном материале; в) актуализация ранее усвоенного социально-личностного опыта, г) составление плана решения задачи.

Вторая группа – это собственно учебные действия как путь к решению учебной задачи, протекающий в рамках исполнительской фазы УД. Она содержит несколько групп действий, которые классифицируются по следующим критериям: а) по соответствию задаче (воспроизведение, нахождение, поиск, изменение, реконструкция, трансформация, анализ, синтез, сравнение, проектирование, моделирование и др.); б) по форме (материализованные, громко-речевые, умственные), в) по операционному составу (развернутые, выполняемые полным составом операций, или свернутые); в) по качеству (выполняемые по предложенному алгоритму, в опоре на уже известные действия, полностью самостоятельно).

И наконец, контрольно-оценочная фаза предполагает учебные действия а) проверки в процессе работы (пошаговый/текущий самоконтроль); б) проверки после окончания работы (итоговый контроль/самоконтроль); в) оценки (самооценки) решения поставленной учебной задачи.

Результат УД считается объективным, если поставленная учебная задача решена правильно, т. е. выполнены все необходимые учебные действия для решения определенного типа задачи за рациональный период времени. Под субъективным результатом УД понимается значимость и смысл проделанной учебной работы для самого ученика, его личный вклад в решение поставленной учебной задачи. В результате ученик приобретает новые обобщенные способы действия, которые продвигают его как субъекта УД на более высокий уровень.

Владение обобщенными способами учебных действий для решения поставленной учебной задачи с целью получения продукта определенного качества и достижения ожидаемого результата обеспечивает эффективное решение предметных (в нашем случае речевых) задач и позволяет более успешно овладеть той или иной предметной областью, каковой здесь является иноязычное аудирование. Поэтому далее будем говорить об УД как об инструменте, с помощью которого школьники учатся воспринимать и понимать иноязычную речь на слух, решая комплекс учебно-речевых задач.

Напомним, что процесс аудирования представляет собой сторону устного речевого общения, в ходе которого у каждого из участников (говорящий – слушающий) есть определенная цель и речевая задача. Так, если задачей говорящего является передача некоторой порции информации, то задачей слушающего – её приём. Причем именно речевая задача, которую необходимо решить в процессе аудирования, определяет то, как, какого качества и в каком количестве должна быть принята информация РС.

В то же время на мотивационно-ориентировочной и контрольно-оценочной фазах УД по овладению аудированием действия и операции учащихся будут идентичными, лишь частично зависящими от типа учебно-речевой задачи. Данный факт объясняется тем, что здесь, главным образом, функционируют другие виды речевой деятельности (говорение, чтение, письменная речь), приводящиеся в действие присущими им механизмами.

Так, анализ ситуации общения, актуализация требующихся знаний и составление плана решения поставленной задачи на мотивационно-ориентировочной фазе УД могут выполняться учебно-речевыми действиями говорения во время устного обсуждения проблемы, пословиц, поговорок, видеосюжета или презентаций, связанных с содержанием будущего аудиотекста. Здесь же может быть письменная фиксация возникающих идей с помощью кластера, ассоциативных кругов, «таблицы знаний» или прочтение подготовленных заранее слоганов, небольших текстов и др.

Сам же процесс восприятия и понимания иноязычного РС имеет место на исполнительской фазе УД, где функционируют речевые действия, в основе которых лежит слаженная работа аудитивных механизмов. Эти действия выполняются совместно с учебными действиями и являются способами решения учебно-речевой задачи. Поэтому для успешного её решения учащиеся должны быть вооружены следующей системой учебно-речевых действий:

а) действия по **восприятию и воспроизведению** отдельных элементов, набора элементов предложенной информации и нахождение смысловых связей между ними;

б) действия по **распознаванию** смыслового образа отдельного элемента сообщения, нескольких элементов, образующих более крупный смысловой образ, и всего РС целиком;

в) действия по **выделению** ключевых слов, смысловых опорных пунктов, структурных блоков информации, определенных фактов, деталей, речевых и языковых особенностей оформления сообщения, главного и второстепенного, известного и неизвестного и др.;

г) действия по **нахождению и комбинированию** элементов, деталей сообщения, смысловых частей друг с другом, знакомой/мало знакомой/не знакомой информации;

д) действия по **определению** цели и темы иноязычного сообщения, РС, логической последовательности событий, стиля текста сообщения и его жанра;

е) действия по **объяснению и моделированию** предпосылок, хода события, начала/концовки содержания РС и др.;

ж) действия по **интерпретации** целого сообщения и его смысловых частей, отдельных элементов, языковых и стилистических средств;

з) действия по **оценке** новизны, важности полученной информации с целью ее личного использования в других видах деятельности.

Перечисленные учебно-речевые действия являются универсальными, и их наличие в арсенале у учащихся позволяет успешно решать любую учебно-речевую задачу в рамках исполнительской фазы УД по овладению аудированием на иностранном языке.

Контрольно-оценочная фаза УД представлена продуктом решения учебно-речевой задачи. Таковым является умозаключение, к которому пришел обучающийся в результате слушания. Оно может обладать такими качествами, как *точность, полнота и глубина* проникновения в содержание предложенной информации. Наличие и уровень перечисленных качеств у продукта выявляется с помощью других видов речевой деятельности, поэтому его контроль и оценка осуществляются также посредством учебно-речевых действий говорения, чтения или письменной речи.

Например, *точность* выбора может быть выявлена при заполнении текста с пропусками или фиксации ключевых слов в таблице, при чтении только тех высказываний, которые отражают смысл РС, и др. Понимание сути РС и даже определение хода развития мысли говорящего возможно выяснить во время его обсуждения с помощью ответов на специальные вопросы и вопросы проблемного характера, говорящие о *полноте* и *глубине* понимания РС.

Отметим, что уровень указанных качеств умозаключения, полученного в ходе слушания, а также качество учебно-речевых действий аудирования, их количество и последовательность зависят от типа поставленной учебно-речевой задачи и этапа обучения иноязычному аудированию. В качестве таких типов мы используем репродуктивную, поисковую и творческую учебно-речевую задачи (С. С. Куклина), совокупность которых обеспечивает способность учащихся понимать РС на том уровне, которого требует образовательная программа.

Так, на этапе формирования навыков иноязычного аудирования школьники решают учебно-речевую задачу репродуктивного типа, в рамках которой ученик действует по алгоритму и заданным способам действия. Следуя обобщенному способу решения такой задачи, обучающиеся воспроизводят материал после его восприятия и частичной переработки, выполняющейся с помощью воспроизводящих информацию действий, связанных, с одной сто-

роны, с восстановлением, копированием, подражанием, повторением, возобновлением, воссозданием информации, а с другой – с частично подстановочными действиями.

Для успешного решения такого типа учебно-речевой задачи на исполнительской фазе УД по овладению аудированием учащимся необходимо иметь в своем арсенале такие учебно-речевые действия: а) восприятие и воспроизведение отдельных элементов информации в опоре на варианты ответов, б) выделение ключевых слов и словосочетаний из РС по опорам и без них, в) распознавание отдельных смысловых частей информации, предложенной в РС.

После многократного выполнения перечисленного набора учебно-речевых действий школьники овладевают материалом на первом, алгоритмическом уровне усвоения, соответствующем учебно-речевой задаче данного типа. Качество полученного продукта будет оцениваться по точности выбора, распознавания и воспроизведения учащимися нужной информации, представленной в иноязычном сообщении.

Процесс решения поисковой учебно-речевой задачи нацелен не только на то, чтобы совершенствовать навыки аудирования путем доведения их качеств до более высокого уровня, но и чтобы создать оптимальные условия для следующего этапа обучения аудированию. Его цель в нашем случае заключается в том, чтобы развить у учащихся целенаправленные, динамичные, продуктивные, интегрированные, самостоятельные и иерархичные умения аудирования как «способность управлять речевой деятельностью» [9].

Для учебно-речевой задачи поискового типа характерна заданная цель и известны учебные действия, с помощью которых она может быть достигнута, поскольку это те действия, которыми школьники уже овладели. Однако ситуация, в которой возможно достижение цели, не совсем ясна и лишь частично обусловлена как по содержанию, так и по форме. Для её доопределения учащиеся должны преобразовать усвоенные обобщенные способы решения репродуктивных задач и с их помощью сконструировать новый способ. При этом они не просто находят, выбирают и воспроизводят услышанную информацию, а ведут поиск смысловой информации, представляя её в измененном виде благодаря перефразированию, перекодированию, реконструкции и частичному гипотезированию воспринимаемого РС.

Иначе говоря, на исполнительской фазе УД при решении данного типа задачи ученики должны владеть следующими учебно-речевыми действиями: а) выделение смысловых вех сообщения и его отдельных частей; б) нахождение и комбинирование различного рода информации; в) определение темы, логики повествования, проблемы, стиля РС. В этом случае продуктом решения задачи будут точность и полнота нахождения учащимися смысловой информации иноязычного сообщения.

Овладение учебно-речевыми действиями репродуктивного и поискового типа в полном объеме и на высоком уровне позволяет перейти к решению творческих учебных задач в процессе овладения иноязычным аудированием. Творческая УД ученика проявляется как в создании принципиально новых способов решения задач значительного интеллектуального затруднения, так и в конструировании своеобразных новых комбинаций на основе действий, ранее использовавшихся учеником при решении репродуктивных и поисковых задач. В этом случае школьник проявляет умения находить пути решения новых задач, а в процессе переосмысления ранее усвоенных действий конструирует новые, которые будут связаны с проектированием или моделированием, объяснением, созданием чего-то нового. Г. А. Балл уточняет, что при решении творческой задачи либо способ решения, либо полученный в ходе этого процесса результат являются принципиально новыми для школьника [10].

Такие учебно-речевые задачи решаются на этапе обучения общению (Е. И. Пассов), где иноязычное аудирование уже является средством, обслуживающим другие виды деятельности школьников. Для успешного решения задачи предложенного типа учащимся необходимы следующие учебно-речевые действия: а) объяснение определенных фактов или предложенной информации (ход события, поведение персонажей, своя точка зрения на проблему и т. д.); б) моделирование событий сообщения или создание продукта на основе информации РС (написание мини-сочинения, создание проекта и др.); в) оценивание и интерпретация предложенного РС (комментарий, объяснения, факты «за» и «против» и т. п.).

Владение этими учебно-речевыми действиями свидетельствует, прежде всего, о том, что ученики умеют выявить основной замысел высказывания, его главную мысль вне зависимости от того, сформулирована она говорящим или дана в подтексте. В связи с этим кон-

тролю и оценке подлежат полнота, точность и глубина понимания смысла целого иноязычного сообщения, позволяющие школьникам активно включиться в иноязычное общение по обсуждаемой проблеме в рамках циклов уроков на данной ступени обучения.

Проведенное теоретическое исследование и опытно-экспериментальная работа показали, что в результате использования УД в качестве инструмента по овладению иноязычным аудированием ученики приобретают способность понимать речевые сообщения на иностранном языке и таким образом принимать участие в устном общении, как этого требует образовательная программа по иностранному языку. Более того, благодаря освоению описанной совокупности учебно-предметных действий школьники поднимаются на новую ступень развития как субъекты УД, что дает им возможность применять полученный опыт в других учебных ситуациях для решения более сложных задач.

Примечания

1. Федеральный государственный образовательный стандарт. URL: <http://standart.edu.ru/attachment.aspx?id=370> (дата обращения 05.08.2013). С.3-4.
2. Леонтьев А. А. Психология развития в обучении языкам: направления и основы обучения неродному языку: хрестоматия. М.: Изд-во Моск. психолого-социального института, 2005. С. 4–16.
3. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. для вузов. Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. М.: Изд. корпорация «Логос», 2004. С. 115.
4. Куклина С. С. Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. С.47.
5. Ляудис В. Я. Формирование учебной деятельности студентов. М.: МГУ, 1989. С. 81.
6. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. С. 55.
7. Маркова А. К. Формирование мотивации учения: кн. для учителя / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. М.: Просвещение, 1990. С. 9.
8. Куклина С. С. Указ. соч. С. 46.
9. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Рус. яз., 1989. С. 37.
10. Балл Г. А. Теория учебных задач: психолого-педагогический аспект. М.: Педагогика, 1990. С. 106.

Notes

1. Federal State Educational Standard. Available at: <http://standart.edu.ru/attachment.aspx?id=370> (date accessed 05.08.2013). Pp.3-4. (in Russ.)
2. Leontiev A.A. Psikhologiya razvitiya v obuchenii yazykam: napravleniya i osnovy obucheniya nerodnomu yazyku: khrestomatiya [Psychology of language teaching: the direction and the basis of learning a second language: textbook. Moscow: Psychology and Sociology Institute Publ. 2005. Pp. 4-16.
3. Zimnyaya I.A. Pedagogicheskaya psikhologiya: ucheb. dlya vuzov [Educational Psychology: Textbook for universities]. Ed. 2nd, ext. and rev. Moscow: Publ. Corporation "Logos". 2004. P. 115.
4. Kuklina S.S. Kollektivnaya uchebnaya deyatel'nost' kak organizatsionnaya forma ovladeniya inoyazychnym obshcheniem: monografiya [Collective learning activity as the organizational form of mastering foreign language communication: monograph]. Kirov. VyatSHU Publ. 2007. P.47.
5. Liaudis V.Y. Formirovanie uchebnoj deyatel'nosti studentov. [Formation of learning activities of students]. Moscow: MSU. 1989. P. 81.
6. Bespal'ko V.P. Sлагаемые pedagogicheskoy tekhnologii [Components of educational technology]. Moscow: Pedagogika. 1989. P. 55.
7. Markova A.K. Formirovanie motivatsii ucheniya: kn. dlya uchitelya [Formation of learning motivation: teachers' book] / A.K. Markova, T.A. Mathis, A.B. Orlov. Moscow: Prosveshcheniye. 1990. P. 9.
8. Kuklina S.S. Op. cit. P. 46.
9. Passov E.I. Osnovy kommunikativnoj metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu [Bases of communicative methods of teaching foreign language communication]. Moscow: Russian lang. 1989. P. 37.
10. Ball G.A. Teoriya uchebnykh zadach: psikhologo-pedagogicheskij aspekt [Theory of learning tasks: psycho-pedagogical aspect]. Moscow: Pedagogika. 1990. P. 106.

УДК 796.82.012.2

М. П. Бандаков, Д. В. Грязин

О роли и месте координационных способностей в тренировочном процессе спортсменов, занимающихся греко-римской борьбой

В статье обосновывается роль и место координационных способностей в тренировочном процессе, представлены особенности современных методик тренировки в развитии координационных способностей у юных борцов греко-римского стиля, показана необходимость учета разработки экспериментальной методики развития координационных способностей и методических подходов к дифференцированному использованию специальных упражнений для совершенствования технико-тактической подготовленности борцов греко-римского стиля с различными типологическими свойствами нервной системы, такими, как «сила/слабость» нервной системы по процессу возбуждения.

The article validates specific role and place of body coordination in training process, as well as outlines peculiarities of up-to-date training techniques particularly aimed at coordination development in the course of training young Greco-Roman wrestlers. The article also demonstrates significance to elaborate experimental methodology of body coordination development together with methodological approaches used to differentiate special exercises, in order to advance technical and tactical efficiency of Greco-Roman wrestlers with various typological properties of the nervous system, such as the 'strength/weakness' typological comparison based on excitative process.

Ключевые слова: греко-римская борьба, координационные способности, тренировочная и соревновательная деятельность, «сила/слабость» нервной системы по процессу возбуждения.

Keywords: Greco-Roman wrestling, body coordination, training and competitive activity, the 'strength/weakness' typological comparison based on excitative process.

Фундаментальные исследования по вопросам спортивной подготовки в различных видах спорта указывают на то, что за последние годы все большее число ученых пытаются выделить самостоятельную предметную область, связанную с определением места и роли координационной тренировки как взаимообусловленного комплексного тренировочного процесса. Специалисты считают, что развитие и совершенствование координационных способностей должно происходить в тесной связи не только с физическим, но и с техническим совершенствованием [1].

Анализ литературных источников показал, что на сегодняшний день научно-методическое обеспечение учебно-тренировочного процесса в греко-римской борьбе требует совершенствования. Противоречивость и нерешенность многих вопросов в методике развития координационных способностей у юных борцов требуют дальнейших научных исследований и обуславливают актуальность данной работы. Таким образом, основная задача исследования состоит в том, чтобы выяснить, какую роль и место занимают координационные способности в тренировочном процессе борцов и каковы основные направления повышения качества этой работы в тренировочном процессе на начальном этапе подготовки юных борцов.

Представленная позиция и определила гипотезу настоящего исследования: эффективность учебно-тренировочного процесса у юных борцов греко-римского стиля повысится, если будут проведены следующие мероприятия:

- 1) уточнено и конкретизировано содержание понятия «координационные способности» в учебно-тренировочном процессе;
- 2) раскрыты особенности содержания современных методик тренировки по развитию координационных способностей;
- 3) обоснована необходимость учета типологических свойств нервной системы борцов при развитии координационных способностей;
- 4) разработана дифференцированная методика развития координационных способностей у юных борцов греко-римского стиля, имеющих такие различные типологические свойства нервной системы, как «сила/слабость» по процессу возбуждения.

Совершенствование учебно-тренировочного процесса юных борцов греко-римского стиля тесно связано с формированием рациональной техники двигательных действий, которая предусматривает развитие психомоторных способностей, в состав которых входят и координационные способности [2]. В определенной степени уровень развития координационных способностей влияет на стиль и манеру исполнения технико-тактических действий. Это в свою очередь отражается на качестве выполнения технических движений спортсменом в процессе греко-римской борьбы, которые в своей профессиональной деятельности должны

обладать и использовать весь набор комплексной (интегративной) координации, предполагающей следующие ее виды: двигательная, слухо-двигательная, зрительно-двигательная, тактильно-двигательная.

С целью выявления мнения тренеров по классической борьбе о роли и месте в тренировочном процессе упражнений для развития координационных способностей проведен анкетный опрос 37 тренеров по классической борьбе г. Кирова и Кировской области. Анализ результатов ответов респондентов на ряд вопросов представлен в таблице, из которой видно, что 94% респондентов отмечают наличие проблем в достижении оптимального уровня физической подготовленности борцов греко-римского стиля. В то же время 65% респондентов считают координационные способности ведущими в спортивной подготовке борцов, 23% отвечают на данный вопрос отрицательно, а 12% затруднились ответить на вопрос. Кроме того, следует отметить ответ респондентов на вопрос о необходимости разработки специального раздела в физической подготовке борцов – развития специальных координационных способностях у борцов греко-римского стиля. Ответ «да» выбрали 82% тренеров, тогда как ответ «нет» – 18%.

Мнение респондентов о роли координационных способностях в подготовке борцов греко-римского стиля

Вопросы анкеты	Варианты ответов (в %)		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Существуют ли, по Вашему мнению, проблемы в достижении оптимального уровня физической подготовленности борцов?	94	–	6
Являются ли координационные способности ведущими в спортивной подготовке борцов?	65	23	12
Считаете ли Вы, что имеется необходимость в разработке специального раздела в физической подготовке борцов «Развитие специально-координационных способностей»?	82	–	18
Уделяете ли Вы в настоящее время внимание развитию координационных способностей борцов?	94	6	–

Анкетный опрос показал, что в настоящее время уделяют внимание развитию координационных способностей 94% респондентов. Остальные 6% тренеров не придают значения их развитию.

Анализ ответов на вопрос анкеты «Какими физическими качествами должен обладать борец греко-римского стиля для того, чтобы достойно выйти из трудной и сложной соревновательной ситуации?» показал следующее (рис. 1).

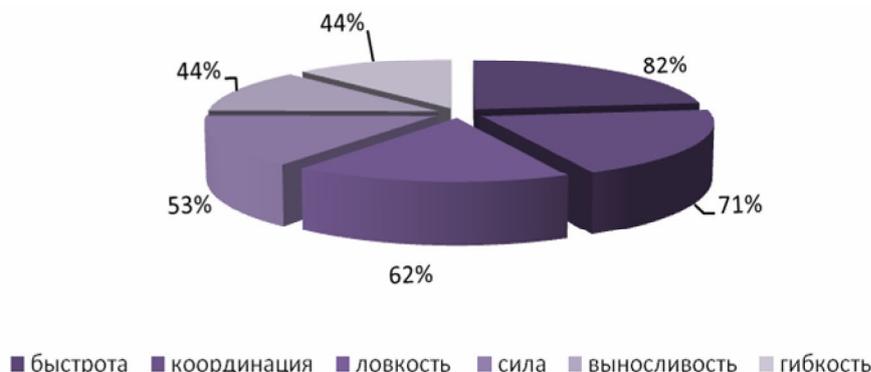

Рис. 1. Мнение респондентов о ранговом месте физических качеств в подготовке юных борцов греко-римского стиля

Из рис. 1 видно, что из 6 представленных вариантов ответа приоритетное первое место у тренеров занимает такое физическое качество, как быстрота (82%), второе место – коор-

динационные движения (71%), на третьем месте – ловкость (62%). Остальные места заняли физическая сила (53%), а также гибкость и выносливость (по 44% каждое).

На рис. 2 представлено мнение тренеров о месте развития координационных способностей у юных борцов греко-римского стиля на различных этапах тренировочного процесса.

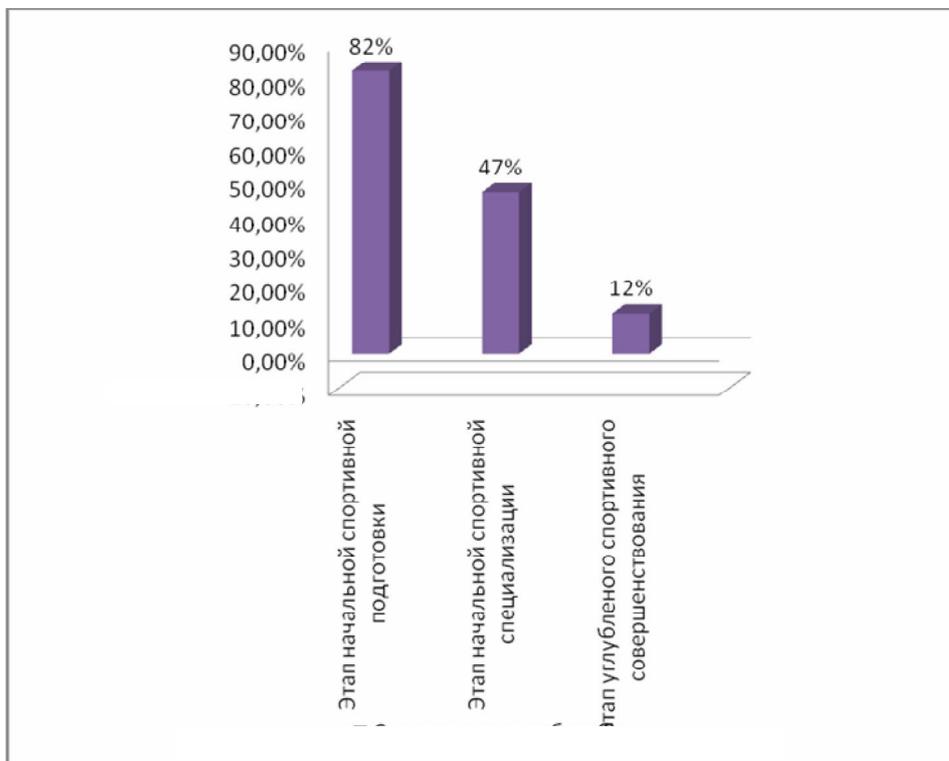

Рис. 2. Мнение тренеров о месте развития координационных способностей у юных борцов греко-римского стиля на различных этапах тренировочного процесса

Из рис. 2 видно, что из трех представленных вариантов ответов более оптимальным и основным этапом для развития координационных способностей у юных борцов греко-римского стиля, по мнению

82% респондентов, является этап начальной спортивной подготовки, а на остальных этапах (начальной спортивной специализации и углубленного спортивного совершенствования) продолжается дальнейшее их совершенствование.

Кроме того, следует отметить, что основными средствами развития координационных способностей 88% респондентов называют подвижные игры и упражнения с координационно-ритмическими заданиями.

Фактом является и то что многие респонденты (96%) считают, что они на тренировочных занятиях дифференцируют тренировочную нагрузку, однако конкретные параметры нагрузки: по интенсивности, продолжительности выполнения упражнений, продолжительности отдыха, его характера и качества повторений упражнений – респонденты затруднились ответить.

На один из главных вопросов анкеты «Учитываете ли Вы при планировании тренировочных занятий по развитию координационных способностей типологические свойства нервной системы «сила/слабость» по процессу возбуждения?» все тренеры ответили отрицательно.

В то же время имеются многочисленные исследования, проведенные в других видах спортивной деятельности, которые говорят о том, что учет данного типологического параметра нервной системы спортсмена оказывает существенное влияние на дифференциацию средств и методов тренировочного процесса, а также на результативность самой соревновательной деятельности [3].

Опираясь на результаты ранее проведенных исследований и полученные результаты анкетного опроса, можно предположить, что разработка экспериментальной методики развития координационных способностей и методических подходов к дифференцированному

использованию специальных упражнений для совершенствования технико-тактической подготовленности борцов греко-римского стиля с различными типологическими свойствами нервной системы, такими, как «сила/слабость» нервной системы по процессу возбуждения, является актуальной задачей, а ее решение будет способствовать повышению качества соревновательной деятельности борцов.

Примечания

1. Лях В. И. Координационные способности школьников. Основы тестирования и методики развития. Ч. 2 // Физическая культура в школе. 2000. № 5. С. 3–10; *Верхошанский Ю. В.* Теория и методология спортивной подготовки: блоковая система тренировки спортсменов высокого класса // Теория и практика физ. культуры. 2005. № 4. С. 2–14.

2. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2003. С. 200–234; *Озеров В. П.* Психомоторные способности человека. Дубна, 2002. 320 с.

3. *Чибичик Ю. Е.* Индивидуализация учебно-тренировочного процесса юных дзюдоистов на начальных этапах подготовки: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2010. 180 с.: ил.; *Воронин Е. В.* Обусловленность выбора стиля игры в настольном теннисе типологическими особенностями основных свойств нервной системы и психомоторными показателями // Теория и практика физической культуры. 2007. № 9. С. 5–10; *Вяткин Б. А.* Спорт и развитие индивидуальности человека // Теория и практика физической культуры. 1993. № 2. С. 1–5; *Мотыль А. В.* Индивидуально-типические различия в структуре двигательной одаренности детей, их значение при выборе спортивной специализации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1998. 23 с.

Notes

1. *Lyakh V.I.* Koordinatsionnye sposobnosti shkol'nikov. Osnovy testirovaniya i metodiki razvitiya [Coordination abilities of students. Fundamentals of testing and development techniques]. Part 2 // *Fizicheskaya kul'tura v shkole – Physical Education in school*, 2000, № 5, pp. 3-10; *Verkhoshansky Yu.V.* Teoriya i metodologiya sportivnoj podgotovki: blokovaya sistema trenirovki sportsmenov vysokogo klassa [Theory and methodology of sports training: bloc training system high-class athletes] // *Teoriya i praktika fiz. kul'tury – Theory and Practice of physical education*, 2005, № 4, pp. 2-14.

2. *Ilyin E.P.* Differentsial'naya psikhologiya professional'noj deyatel'nosti [Differential psychology of professional activity]. St.Petersburg: Peter. 2003. Pp. 200-234; *Ozerov V.P.* Psikhomotornye sposobnosti cheloveka [Psychomotor abilities]. Dubna. 2002. 320 p.

3. *Chibichik Y.E.* Individualizatsiya uchebno-trenirovochnogo protsessa yunyx dzyudoistov na nachal'nykh etapakh podgotovki: dis. kand. ped. nauk. [Customization of the training process of young wrestlers at the initial stages of preparation: dis. Candidate ped. sci.] Chelyabinsk. 2010. 180 p.: with ill.; *Voronin E.V.* Obuslovlennost' vybora stilya igry v nastol'nom tennise tipologicheskimi osobennostyami osnovnykh svojstv nervnoj sistemy i psikhomotornymi pokazatelyami [Stipulation of style selection in table tennis by typological characteristics of the basic properties of the nervous system and psychomotor performance] // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 2007, № 9, pp. 5-10; *Vyatkin B.A.* Sport i razvitie individual'nosti cheloveka [Sport and development of human individuality] // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 1993. № 2. pp. 1-5; *Motyl A.V.* Individual'no-tipicheskie razlichiya v strukture dvigatel'noj odarennosti detej, ikh znachenie pri vybore sportivnoj spetsializatsii: avtoref. dis. kand. ped. nauk. [Individually-typical differences in the structure of motor gifted children, their importance in the selection of sports specialization: autoref. dis. Candidate ped. sci.] St. Petersburg. 1998. 23 p.

УДК 796.332.012.2

М. П. Бандаков, Г. Г. Полевой

Развитие специфических координационных способностей у юных футболистов

Статья посвящена обоснованию методических подходов к разработке методики по дифференцированному развитию координационных способностей юных футболистов, имеющих различные типологические особенности свойств нервной системы.

The article is devoted to the justification of methodological approaches to the development of a methodology for the development of a differentiated coordination abilities of young players with different typological features of the properties of the nervous system.

Ключевые слова: развитие, координационные способности, дифференцированный подход, типологические особенности.

Keywords: development, coordination abilities, and a differentiated approach, typological features.

Современный футбол предъявляет высокие требования к подготовке спортсменов, поэтому поиск новых, более совершенных, прогрессивных методических подходов к организации и проведению тренировочных занятий является актуальной задачей. Это в свою очередь обуславливает наличие высокого уровня знаний и умений у тренера, а также научного подхода к обоснованию содержания спортивной тренировки.

В настоящее время теория и методика детско-юношеского футбола находятся на этапе модернизации и позитивного обновления. Ведутся разработки новых научно-педагогических технологий, способствующих совершенствованию всех сторон подготовки юных футболистов.

Роль специфических координационных способностей в технической подготовке спортсменов давно признана специалистами как ведущая, однако большинство авторов в своих исследованиях дают лишь общие рекомендации по вопросам выбора принципов, средств и методов развития общих и специальных координационных способностей, хотя и определяют их большую важность для футболистов любого возраста.

Н. М. Люкшинов и Ю. Ф. Курамшин [1] рекомендуют следующие принципы, которых необходимо придерживаться при выборе физических упражнений для развития координационных способностей:

- 1) исходить из конкретного вида спорта;
- 2) постоянно повышать сложность упражнений;
- 3) варьировать время выполнения упражнений;
- 4) упражнения должны содержать элементы новизны, необычности;
- 5) включать задания по регулированию, контролю и самооценке различных параметров движений;
- 6) объединять освоенные двигательные умения в различные комбинации и доводить их до автоматизма.

По данным В. И. Ляха [2], для развития способности у футболистов к пространственной ориентации необходимо применять разные прыжки в определенные зоны, удары на точность, игровые упражнения с несколькими мячами и участниками, групповые и командные спортивно-игровые упражнения технического и тактического характера.

По сведениям А. П. Золотарева [3], для эффективного развития координационных способностей необходимо с 10 до 12 лет использовать ведение мяча и обводку фишек, жонглирование, короткие и средние передачи мяча, игру головой, удары в ворота ногой, а также следует увеличить количество времени (до 30% общего объема времени практических занятий, отводимого на техническую подготовку) на овладение элементами техники игры, связанными с непосредственным контролем над мячом.

Фриха Мохамед бен Хабиб [4] рекомендует увеличивать объем упражнений, направленных на развитие координационных способностей, до 30% от общего тренировочного времени. Такой объем рекомендуется сохранять до 14 лет и постепенно увеличивать сложность упражнений. В футболе большое внимание следует уделять таким способностям, как кинестетическая дифференцировка (чувство мяча), пространственно-зрительная ориентация, переключение двигательной деятельности, реакция. В группу технико-тактических упражнений автор отнес разные квадраты 5x2, 7x2, 4x2, 3x1 м с одним и двумя мячами, с ограниченным числом касаний; игры в футбол в 3, 4 ворота; игры в футбол 2, 3 мячами; игру в футбол с мячом для регби; игры с персональной опекой на маленькой площадке; ведение мяча на ограниченном пространстве; игру в футбол с ограниченным количеством касаний или с обязательным выходом всех игроков на чужую половину поля при взятии ворот.

И. В. Аверьянов и А. В. Шамонин указывают на эффективность применяемых средств технической подготовки игроков, которая во многом зависит от методов обучения. Авторы

рекомендуют для развития общих и специфических для избранного вида спорта координационных способностей следующие методы [5]:

1) метод стандартно-повторного упражнения (применять при разучивании новых или в координационном отношении сложных двигательных действий);

2) метод вариативного (переменного) упражнения является главным методом в развитии координационных способностей спортсмена;

3) игровой метод открывает перед занимающимися широкие перспективы проявлять самостоятельность, инициативу, находчивость, решительность и настойчивость;

4) соревновательный метод используется в контрольных, товарищеских и календарных играх. В форме соревнований проводятся также отдельные упражнения (например: Кто точнее поразит цель? Кто быстрее выполнит ведение мяча на заданном отрезке?).

3. Витковски [6] отмечает, что для развития координационных способностей необходимо применять следующие методические приёмы:

1) использование необычных исходных положений;

2) ограничение пространства при выполнении упражнений;

3) выполнение знакомых движений в неизвестных заранее сочетаниях;

4) усложнение упражнений дополнительными средствами;

5) совершенствование технических действий в состоянии значительного утомления;

6) смену способов выполнения технических приёмов;

7) варьирование параметров двигательных действий;

8) воздействие на анализаторы путём введения дополнительных звуковых, световых, зрительных сигналов или их ограничение;

9) формирование рабочей установки;

10) вычленение элемента действия;

11) использование дополнительных ориентиров;

12) зеркальное выполнение упражнений.

Г. С. Лалаков [7] в тренировочном процессе при подготовке юных футболистов использовал нагрузки малого объема с различной продолжительностью выполнения серий упражнений, нагрузки среднего объема применял с продолжительностью серии, равной 3–4 и 4–5 минутам, а вот нагрузки большого объема – с длительностью серии, равной 3–4 минутам. Упражнение может выполняться от 4 до 6 секунд (бег на 30 м) до 15–20 минут и более (игровые упражнения). Рекомендуется использовать серии упражнений длительностью от 3–4 минут, до 4–5 и 5–6 минут с применением упражнений неспецифического характера, с низкой координационной сложностью. Серии упражнений с длительностью, равной 4, 6 и 8 минутам, можно рекомендовать для развития специальных физических качеств, а также для совершенствования технико-тактического мастерства футболистов.

W. Ljach [8] определил следующие параметры физической нагрузки, которых должны придерживаться тренеры, давая упражнения футболистам на развитие специфических координационных способностей. Так, возрасту 11–12 лет соответствует нагрузка, в которой число повторений варьируется от 4 до 40 раз в серии, число серий – 1–6, время выполнения упражнения составляет от нескольких секунд до нескольких минут, время отдыха – от нескольких секунд до полного восстановления, отдых может быть как активный, так и пассивный, интенсивность может быть от низкой до субмаксимальной. Автор рекомендует учитывать два основных правила:

1) если мы пытаемся научить спортсмена новому, достаточно сложному в координационном отношении элементу техники, то применяем большое число повторений выполнения данного элемента в относительно стандартных условиях;

2) когда футболист овладеет техническим приемом на уровне, приближенном к образцовому, он начинает менять его при изменении способа выполнения и в изменяющихся условиях. Причем при выполнении таких упражнений число повторений обычно составляет 4–12 раз, а число серий – от 1 до 3.

В. И. Лях и З. Витковски [9] рекомендуют в каждом тренировочном занятии отводить от 15 до 45 минут на общие и специальные координационные упражнения, способствующие улучшению разных координационных способностей. Координационные упражнения рекомендуется использовать в конце подготовительной или начале основной части занятия, после разминки. Авторы убеждены, что координационные тренировки наиболее целесообразны

но проводить систематически в течение всего макроцикла (в подготовительном, соревновательном и переходном периодах), а на одном учебно-тренировочном занятии необходимо развивать целенаправленно не более одной-двух специфических координационных способностей.

Не менее важным критерием является координационная сложность нагрузок. Так, ещё в 1995 г. В. И. Лях [10] предложил примерное соотношение упражнений разной координационной сложности в тренировке спортсменов в игровых видах спорта, в возрасте 10–12 лет упражнения низкой координационной сложности должны составлять 30–40%, упражнения средней координационной сложности – 35–45%, а упражнения высокой координационной сложности – 10–20% от времени, отводимого на развитие координационных способностей.

Ю. В. Кольвах [11] дифференцировал признаки сложности упражнений в футболе и шкалу оценки технической сложности тренировочного упражнения. Автор определил 9 признаков, которые позволяют классифицировать средства для развития координационных способностей на простые и сложные. Так, к простым упражнениям относятся задания, в которых принимают участие футболисты в уменьшенных составах, скорость выполнения заданий невысока, нет ограничения касаний мяча и степень утомления незначительная. Официальные контрольные игры определяются 10 баллами сложности, а двусторонние игры, игровые упражнения по правилам соревнований в двух составах оцениваются по 9 баллам сложности. Автор рекомендует разделить весь состав специализированных средств тренировки на 3 уровня сложности. К низкому уровню сложности относятся упражнения, отмеченные 1–4 баллами, к среднему – 5–7 баллов, а к высокому – 8–10 баллов.

Обобщая вышеизложенное, приходим к выводу о том, что тренировки, направленные на развитие специфических координационных способностей, должны проводиться на каждом тренировочном занятии, вне зависимости от периода тренировки и этапа подготовки. Комплексы упражнений для развития специфических координационных способностей рекомендуется применять после предварительной разминки (5–7 минут) в подготовительной или в начале основной части занятия. Диапазон времени, отводимого на развитие специфических координационных способностей, составляет примерно 30 минут. В течение одного занятия целенаправленно развивать не более одной-двух специфических координационных способностей. Рациональным для разучивания новых координационных способностей является метод стандартно-повторного выполнения упражнения, метод вариативного выполнения упражнения относят к главным методам развития координационных способностей, однако впоследствии не менее эффективным являются игровой и соревновательный методы.

Таким образом, определены наиболее важные принципы подбора средств по развитию координационных способностей, предложенные Н. М. Люкшиновым и Ю. Ф. Курамшиным [12], а также средства, методы, методические приемы и параметры физической нагрузки, используемые при развитии специфических координационных способностей.

Однако в ходе обзора литературы, посвященной подготовке юных футболистов, не обнаружено научных исследований, которые бы учитывали типологические особенности проявления свойств нервной системы при построении учебно-тренировочных занятий, хотя в других видах спорта такие исследования уже есть.

По определению А. А. Новикова [13], дифференцированный подход необходим для оптимизации процессов обучения, воспитания и профессионального отбора. В педагогике и психологии он рассматривается как метод изучения индивидуальных и групповых различий между людьми. В спорте дифференцированный подход является методом объединения спортсменов в учебно-тренировочные группы с учетом их спортивно-важных качеств и разработки для каждой группы определенных способов тренировки, адекватных их типическим особенностям.

И. П. Ратов [14] приходит к выводу, что индивидуализация подготовки спортсменов более полно раскрывает их способности, способствует более быстрому спортивному обучению и росту спортивных результатов. В практической деятельности тренеры используют индивидуальную подготовку спортсменов, как правило, на основе учета анатомо-морфологических и психологических особенностей спортсменов, уровня их физической и технической подготовленности, не уделяя внимания типологическим особенностям проявления свойств нервной системы.

Таким образом, дифференциация и индивидуализация учебно-тренировочного процесса представляется одной из форм управления подготовкой футболистов, в основе которой лежит учет особенностей конкретных спортсменов при планировании нагрузки.

Анализ литературных источников позволяет выявить и обобщить критерии, по которым занимающиеся при выполнении физических упражнений делятся на подгруппы:

- по типу телосложения – Л. Г. Забелина (2004), И. М. Батталов (2006), М. М. Чернецов (2010), Е. П. Писаренкова (2010), А. А. Гурьев (2010);

- по уровню физической подготовленности – М. М. Чернецов (2011);

- по уровню технической подготовленности – М. Р. Григорьян (2009), Ю. В. Кольвах (2006);

- по уровню функциональной подготовленности – А. И. Шамардин (2000), Н. В. Ткаченко (2008), А. А. Шамардин (2009), А. М. Кондаков (2010);

- с учетом психических качеств – А. Ю. Сырников (2001), Е. Ф. Брагинский (2001);

- по игровому амплуа – Ю. В. Лубкин (2004), В. Цянь (2006) и А. А. Шамардин (2009);

- по биоэнергетическим типам – В. С. Кожевников (2011); и некоторые другие показатели.

В то же время необходимо отметить, что не обнаружено научных исследований в области футбола, в которых при дифференциации тренировочных заданий использовался бы такой критерий, как «сила-слабость» нервной системы по процессу возбуждения.

А ведь ещё в 1951 г. И. П. Павловым [15] было создано учение об основных свойствах нервной системы человека как ведущих параметрах его функциональной организации.

Более того, Б. М. Теплов и В. Д. Небылицын [16] указывают на необходимость учета этих свойств применительно к различным видам спортивной деятельности.

Так, Н. П. Фетискин [17] проводил исследования на теннисистах с учетом силы/слабости нервной системы и пришел к выводу о том, что игра защитников во многом связана с монотонией, а наиболее устойчивые спортсмены в такой работе характеризуются слабой нервной системой.

Г. Л. Драндров и В. А. Сальников [18] изучали влияние силы нервной системы, ее подвижности и баланса нервных процессов на соревновательную деятельность. Было установлено, что знание выявленных особенностей и их влияние на динамику темпов прироста результатов позволит более реально прогнозировать результаты и целенаправленнее планировать многолетний тренировочный процесс юных футболистов.

Ю. М. Пахомов [19] проводил исследования на квалифицированных прыгунах в высоту, отразив взаимосвязь отдельных свойств нервной системы с величинами тренировочной нагрузки. Прыгуны с более сильной нервной системой должны выполнять большее количество прыжков, они нуждаются в более длительном восстановлении после технической тренировки. Спортсмены, у которых преобладает процесс возбуждения, меньше сосредотачиваются перед прыжком, им же необходима и непродолжительная пауза между попытками.

М. Ю. Козьминых [20] индивидуализировала специальную физическую подготовку прыгуний в высоту с учетом типологических свойств их нервной системы и выявила, что силу нервной системы по процессу возбуждения можно определить как выносливость нервной системы к длительному действию возбуждения. Типологические свойства оказывают существенное влияние на успешность овладения двигательными навыками в спорте, лица, обладающие слабой нервной системой, более чувствительны и способны с самого начала работать с большой интенсивностью. В условиях переключения с работы на отдых преимущество имеют лица с более сильной нервной системой. Лица со средней нервной системой в условиях напряженной работы проявляют себя как лица с сильной нервной системой. Лица, обладающие слабой нервной системой по процессу возбуждения, более активно проводят первую часть занятия, а у лиц со средней нервной системой отмечается равномерность проведения тренировочного занятия с некоторым увеличением активности в заключительной части занятия.

Е. В. Воронин [21] в своих исследованиях отметил, что тренировка теннисистов, проводимая без учета индивидуальных способностей, существенно тормозит рост спортивного мастерства. Формирование индивидуального стиля деятельности у спортсменов должно происходить целенаправленно с учетом их индивидуальных особенностей. Большую роль в выборе стиля деятельности играют типологические особенности проявления свойств нерв-

ной системы. В исследовании было доказано, что спортсмены атакующего стиля обладают сильной нервной системой, а защитного – слабой, а также быстрое действие спортсмена обуславливает слабая нервная система, а терпеливость – сильная.

В. А. Коровин [22] подчеркивает, что лица с противоположными свойствами нервной системы могут достигнуть одинакового успеха в спорте за счет преимуществ тех или других качественных особенностей спортивной деятельности.

Таким образом, в ходе теоретического анализа и обобщения литературных источников подтверждена эффективность применения дифференцированного подхода в учебно-тренировочном процессе юных спортсменов, имеющих разные типологические свойства нервной системы. А также дифференцированный подход повышает эффективность занятий, оптимизирует процесс обучения и является одним из наиболее эффективных способов использования скрытых резервов организма человека. В то же время в научных исследованиях, посвященных подготовке юных футболистов, не обнаружено данных, учитывающих типологические особенности проявления свойств нервной системы.

Представленные выше данные позволяют лишь предположить, что, по всей вероятности, эффективнее развивать специфические координационные способности отдельно у футболистов, обладающих сильной и слабой нервной системой. Уточнение этого предположения открывает новую возможность совершенствования методики развития специфических координационных способностей у юных футболистов на учебно-тренировочных занятиях за счет индивидуализации средств их развития.

В связи с этим можно говорить о наличии противоречия между существующими системами подготовки юных спортсменов и отсутствием методики дифференцированного развития специфических координационных способностей юных футболистов 11–12 лет с учетом типологических особенностей проявления свойств нервной системы.

Вышеизложенное противоречие определило **проблему** нашего исследования, заключающуюся в разработке методики дифференцированного развития специфических координационных способностей юных футболистов 11–12 лет, имеющих разные типологические свойства «сила-слабость» нервной системы по процессу возбуждения.

Примечания

1. Люкшинов Н. М. Искусство подготовки высококлассных футболистов: науч.-метод. пособие / под ред. Н. М. Люкшинова. М.: Сов. спорт, 2003. 415 с.; Курамшин Ю. Ф. Теория и методика физического воспитания: учебник / под ред. Ю. Ф. Курамшина. 3-е изд. М.: Сов. спорт, 2007. 464 с.

2. Лях В. И. Развитие координационных способностей у детей школьного возраста: дис. ... д-ра пед. наук. Т. 1. М., 1990. 513 с.

3. Золотарев А. П. Структура и содержание многолетней подготовки спортивного резерва в футболе: дис. ... д-ра пед. наук. Краснодар, 1997. 444 с.

4. Фриха М. Развитие координации движений и пространственной ориентации юных футболистов 11–13 лет: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1998. 122 с.

5. Аверьянов И. В. Методика совершенствования кинестетических координационных способностей футболистов 10–11 лет: дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2008. 240 с.; Шамонин А. В. Повышение технической подготовки при развитии способностей к сохранению равновесия юных футболистов 7–11 лет: дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 183 с.

6. Витковски З. Координационные способности юных футболистов: диагностика, структура, онтогенез: дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 232 с.

7. Лалаков Г. С. Структура и содержание тренировочных нагрузок на различных этапах многолетней подготовки футболистов: дис. ... д-ра пед. наук. Омск, 1998. 328 с.

8. Ljach W. Koordinationstraining im System des mehrjdhrigen Leistungsaufbau -ausgewdhlte theoretisch-metodische Grundpositione. In: Koordinative Fdhigkeiten-koordinative Kompetenz. Herausg. von G. und B. Ludwig. Univ. Kassel. Kassel, 2002. С. 228–233.

9. Лях В., Витковски З. Координационная тренировка в футболе. М.: Сов. спорт, 2010. 216 с.

10. Лях В. И. Координационно-двигательное совершенствование в физическом воспитании и спорте: история теории экспериментальные исследования // Теория и практика физической культуры. 1995. № 11. С. 16–23.

11. Кольвах Ю. В. Нормирование специализированных нагрузок различной координационной сложности квалифицированных футболистов в подготовительном периоде: дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2006. 188 с.

12. Люкшинов Н. М. Указ. соч.; Курамшин Ю. Ф. Указ. соч.

13. Новиков А. А. Ориентация подготовки борцов на их особенности / А. А. Новиков, Ю. И. Чуйко, С. А. Морозов // Теория и практика физической культуры. 1984. № 11. С. 19–21.

14. Ратов И. П. Двигательные возможности человека. Минск: Полымя, 1994. 116 с.
15. Павлов И. П. Общие типы высшей нервной деятельности человека и животных // Павлов И. П. Полн. собр. сочинений. М.: АН СССР, 1951. Т. 3. 438 с.
16. Теплов Б. М., Небылицын В. Д. Изучение основных свойств нервной системы и их значение для психологии индивидуальных различий // Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976. С. 132–145.
17. Фетискин Н. П. Влияние типологических особенностей в проявлении основных свойств нервной системы на возникновение состояния монотонии // Психофизиологические основы физического воспитания и спорта. Л., 1972. С. 150–154.
18. Драндров Г. Л., Сальников В. А. Индивидуальность в динамике развития двигательных способностей у юных футболистов // Теория и практика физической культуры. 1986. № 5. – С. 30–31.
19. Пахомов Ю. М. Индивидуализация технической подготовки высококвалифицированных прыгунов в высоту на основе учета их психофизиологических особенностей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1989. 23 с.
20. Козьминых М. Ю. Индивидуализация специальной физической подготовки квалифицированных прыгунов в высоту с учетом свойств их нервной системы: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1997. 214 с.
21. Воронин Е. В. Обусловленность выбора стиля игры в настольном теннисе типологическими особенностями основных свойств нервной системы и психомоторными показателями // Теория и практика физической культуры. 2007. № 9. С. 5–10.
22. Коровин В. А. Влияние занятий футболом на воспитание личности подростков: дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2008. 143 с.

Notes

1. Ljukshinov N.M. *Iskusstvo podgotovki vysokoklassnykh futbolistov: nauch.-metod. posobie* [Art of preparing of high level players: scientific-method. manual] / ed. N.M. Lyukshinov. Moscow: Sov. sport. 2003. 415 p.; Kuramshin Y.F. *Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya: uchebnik* [Theory and methods of physical education: a textbook] / ed. Y.F. Kuramshin. 3rd ed. Moscow: Sov. sport. 2007. 464 p.
2. Lyakh V.I. *Razvitie koordinatsionnykh sposobnostej u detej shkol'nogo vozrasta: dis. d-ra ped. nauk.* [Development of coordination abilities in school-age children: Dis. Dr. ped. sci.] Vol. 1. Moscow. 1990. 513 p.
3. Zolotarev A.P. *Struktura i sodержание mnogoletnej podgotovki sportivnogo rezerva v futbole: dis. d-ra ped. nauk.* [Structure and content of long-term training of sports reserve in football: dis. Dr. ped. sci.] Krasnodar. 1997. 444 p.
4. Frikha M. *Razvitie koordinatsii dvizhenij i prostranstvennoj orientatsii yunyx futbolistov 11–13 let: dis. kand. ped. nauk.* [Development of motor coordination and spatial orientation of young players 11-13 years: dis. Candidate ped. sci.] St. Petersburg. 1998. 122 p.
5. Aver'yanov I.V. *Metodika sovershenstvovaniya kinesteticheskikh koordinatsionnykh sposobnostej futbolistov 10–11 let: dis. kand. ped. nauk.* [Methods of improving kinesthetic coordination abilities of players 10-11 years: dis. Candidate ped. sci.] Omsk. 2008. 240 p.; Shamonin A.V. *Povyshenie tekhnicheskoi podgotovki pri razvitii sposobnostej k sokhraneniyu ravnovesiya yunyx futbolistov 7–11 let: dis. kand. ped. nauk.* [Improvement of technical training in the development of the ability to maintain balance of young players aged 7-11 years: dis. Candidate ped. sci.] Moscow. 2010. 183 p.
6. Witkowski Z. *Koordinatsionnye sposobnosti yunyx futbolistov: diagnostika, struktura, ontogenez: dis. kand. ped. nauk.* [Coordination abilities of young football players: diagnosis, structure, ontogeny: dis. Candidate ped. sci.] Moscow. 2003. 232 p.
7. Lalakov G.S. *Struktura i sodержание trenirovochnykh nagruzok na razlichnykh ehtapakh mnogoletnej podgotovki futbolistov: dis. d-ra ped. nauk.* [Structure and content of training loads in various stages of long-term training of players: dis. Dr. ped. sci.] Omsk. 1998. 328 p.
8. Ljach W. *Koordinationsstraining im System des mehrjdhrigen Leistungsaufbau -ausgewdhlte theoretisch-metodische Grundpositione.* In: *Koordinative Fdhigkeiten-koordinative Kompetenz.* Herausg. von G. und B. Ludwig. Univ. Kassel. Kassel, 2002. P. 228-233.
9. Lyakh V. Z. *Witkowski Koordinatsionnaya trenirovka v futbole.* [Coordination training in football]. Moscow Sov. sport. 2010. 216 p.
10. Lyakh V.I. *Koordinatsionno-dvigatel'noe sovershenstvovanie v fizicheskom vospitanii i sporte: istoriya teoriya ehksperimental'nye issledovaniya* [Coordination and motor improvement in physical education and sport: the history of the theory of experimental studies] // *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 1995, № 11, pp. 16-23.
11. Kolvakh Yu.V. *Normirovanie spetsializirovannykh nagruzok razlichnoj koordinatsionnoj slozhnosti kvalifitsirovannykh futbolistov v podgotovitel'nom periode: dis. kand. ped. nauk.* [Rationing specialized loads of different coordination complexity of skilled players in the preparatory period: dis. Candidate ped. sci.] Krasnodar. 2006. 188 p.
12. Ljukshin N.M. *Op. cit.; Kuramshin Y.F. Ordinance. Op. cit.*

13. *Novikov A.A.* Orientatsiya podgotovki bortsov na ikh osobennosti [Orientation of training fighters at their features] / A.A. Novikov, Yu.I. Chuiko, S.A. Morozov // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture. 1984. № 11. pp. 19-21.

14. *Ratov I.P.* Dvigatel'nye vozmozhnosti cheloveka [Motor human capabilities]. Minsk: Polymya. 1994. 116 p.

15. *Pavlov I.P.* Obshchie tipy vysshej nervnoj deyatel'nosti cheloveka i zhivotnykh [Common types of higher nervous activity in humans and animals] // Pavlov I.P. Full. cit. works. Moscow: USSR Academy of Sciences. 1951. Vol. 3. P. 438.

16. *Teplov B.M., Nebylitsyn V.D.* Izuchenie osnovnykh svojstv nervnoj sistemy i ikh znachenie dlya psikhologii individual'nykh razlichij [Learning the basic properties of the nervous system and their implications for the psychology of individual differences] // Psikhofiziologicheskie issledovaniya individual'nykh razlichij – Psychophysiological study of individual differences. Moscow: Nauka. 1976. Pp. 132-145.

17. *Fetiskin N.P.* Vliyanie tipologicheskikh osobennostej v proyavlenii osnovnykh svojstv nervnoj sistemy na vzniknovenie sostoyaniya monotonii [Effect of typological features in the manifestation of the basic properties of the nervous system on the occurrence of the state of monotony] // Psikhofiziologicheskie osnovy fizicheskogo vospitaniya i sporta – Psychophysiological basis of physical education and sport. Leningrad. 1972. Pp. 150-154.

18. *Drandrov G.L., Sal'nikov V.A.* Individual'nost' v dinamike razvitiya dvigatel'nykh sposobnostej u yunyh futbolistov [Individuality in the dynamics of development of motor abilities in young players] // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture, 1986, № 5, pp. 30-31.

19. *Pakhomov Y.M.* Individualizatsiya tekhnicheskoy podgotovki vysokokvalifitsirovannykh prygunov v vysotu na osnove ucheta ikh psikhofiziologicheskikh osobennostej: avtoref. dis. kand. ped. nauk [Customization of highly technical training jumpers on the basis of consideration of their psychophysiological features: autoreft. dis. Candidate ped. sci.] St. Petersburg. 1989. 23 p.

20. *Kozminykh M.Yu.* Individualizatsiya spetsial'noj fizicheskoy podgotovki kvalifitsirovannykh prygunij v vysotu s uchedom svojstv ikh nervnoj sistemy: dis. kand. ped. nauk. [Customization of special physical training of qualified jumpers based on the properties of the nervous system: dis. Candidate ped. sci.] St. Petersburg. 1997. 214 p.

21. *Voronin E.V.* Obuslovlennost' vybora stilya igry v nastol'nom tennise tipologicheskimi osobennostyami osnovnykh svojstv nervnoj sistemy i psikhomotornymi pokazatelyami [Stipulation of the choice of style of play in table tennis by typological characteristics of the basic properties of the nervous system and psychomotor performance] // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture, 2007, № 9, pp. 5-10.

22. *Korovin V.A.* Vliyanie zanyatij futbolom na vospitanie lichnosti podrostkov: dis. kand. ped. nauk. [Effect of playing football on the education of the individual adolescents: dis. Candidate ped. sci.] Yaroslavl. 2008. 143 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей

3–4 апреля 2014 г. на факультете лингвистики ВятГГУ прошла V Всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей».

Конференция проводилась кафедрой английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам при содействии Ассоциации выпускников ВятГГУ в целях обмена опытом исследовательской работы по проблемам современного языкового образования и повышения мотивации молодых исследователей к проведению теоретических и эмпирических исследований в области лингвистики и лингводидактики.

В состав организационного комитета конференции вошли преподаватели кафедры английского и немецкого языков и МОИЯ ВятГГУ во главе с председателем оргкомитета – президентом Ассоциации учителей Кировской области, доктором педагогических наук Светланой Станиславовной Куклиной и заместителем председателя оргкомитета конференции – председателем Ассоциации выпускников факультета лингвистики ВятГГУ Светланой Михайловной Бушмелевой.

В конференции приняли участие 67 молодых ученых из разных регионов Российской Федерации (Кировская, Московская, Ленинградская, Нижегородская области), а также их зарубежные коллеги из Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германии.

3 апреля 2014 г. состоялось открытие конференции. По традиции конференцию открыла председатель оргкомитета, президент Ассоциации учителей английского языка Кировской области, доктор педагогических наук С. С. Куклина. С приветственным словом к участникам конференции обратились проректор по НИР Вятского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор Ю. А. Балыбердин, декан факультета лингвистики Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук, доцент В. А. Банин, председатель Ассоциации выпускников факультета лингвистики ВятГГУ С. М. Бушмелева.

В этом году ставшее уже традиционным для факультета лингвистики мероприятие приурочено к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета. Этой дате посвящен ряд мероприятий в рамках конференции, в частности открытие конференции представляло собой экскурс в историю нашего вуза. В связи с этим особый интерес вызвал доклад «От Вятского учительского института к Вятскому государственному гуманитарному университету» доктора педагогических наук, профессора В. Б. Помелова, действительного члена Международной академии наук педагогического образования, члена-корреспондента РАЕН, кавалера медали К. Д. Ушинского.

Пленарное заседание «Иностранный язык в начальной школе» научной сессии, посвященной проблемам преподавания иностранного языка в начальной школе, открыл доклад «Цели современной начальной школы и их реализация средствами предмета иностранный язык» З. Н. Никитенко, профессора кафедры методики преподавания иностранного языка Московского педагогического государственного университета, автора федеральных учебников английского языка для начальной школы, лауреата Премии Правительства России в области образования.

В ходе пленарного заседания были заслушаны выступления молодых ученых: «Субъектные характеристики учебно-речевого взаимодействия младших школьников на уроке иностранного языка» Анастасии Кудряшовой, аспиранта кафедры английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного гуманитарного университета, и «Условия овладения устным “элементарным” иноязычным общением учащимися начальной школы» Евгении Шардиной, магистранта кафедры английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного гуманитарного университета.

Программа конференции включала представление стендовых докладов и работу по секциям:

«Реализация принципов личностно-ориентированного обучения в образовательном процессе» (руководитель – д-р пед. наук, проф. Светлана Станиславовна Куклина);

«Психолого-педагогические основы формирования иноязычной коммуникативной компетенции» (руководитель – д-р пед. наук, проф. Ольга Владимировна Лебедева);

«Современные подходы и инновационные тенденции в языковом образовании» (руководитель – канд. пед. наук, доц. Валентина Семёновна Гуляева);

«Средства реализации рефлексивного подхода к формированию иноязычной коммуникативной компетенции» (руководители: канд. пед. наук, доц. Татьяна Анатольевна Лопарева, ст. преподаватель Любовь Дмитриевна Соловьева);

«Актуальные вопросы современной методики преподавания иностранного языка» (руководители: канд. пед. наук, доц. Майя Николаевна Татарина, ст. преподаватель Лилия Фадневна Дунышева);

«Актуальные проблемы изучения текстов различных типов» (руководители: канд. филол. наук, доц. Марина Геннадьевна Швецова, Светлана Михайловна Бушмелева);

«Структурно-семантические и функциональные аспекты языка» (руководители: канд. филол. наук, доц. Галина Германовна Буторина, ст. преподаватель Ольга Викторовна Чупракова);

«Семантические аспекты языка» (руководитель – канд. филол. наук, доц. Вера Александровна Ситникова);

«Семиотические и стилистические аспекты языка» (руководитель – канд. филол. наук, доц. Ольга Евгеньевна Загрия).

По традиции во второй день конференции, 4 апреля 2014 г., молодые исследователи – будущие педагоги приняли участие в работе круглого стола «Университет в моей судьбе», на котором выступили выпускники факультета лингвистики: молодые учителя иностранного языка школ г. Кирова (Инна Александровна Шитова, преподаватель Лингвистической гимназии; Анна Ильинична Шилева, преподаватель Вятской гуманитарной гимназии; Анна Вячеславовна Малкова, преподаватель МОУ СОШ с УИОП № 28).

Программа второго дня конференции включала представление стендовых докладов: «Социокультурная компетенция как цель обучения иностранному языку студентов-бакалавров неязыкового профиля» (Анна Игоревна Шевченко, Вятский государственный гуманитарный университет), «Жаргонизмы в британской прессе» (Марина Владимировна Глушкова, Вятский государственный гуманитарный университет), «Англицизмы в немецком языке в СМИ (на материале журнала "SpiegelOnline")» (Вита Васильевна Дзямко, Вятский государственный гуманитарный университет), «Классификация фразеологизмов с компонентом "антропоним"» (Тамара Петровна Горбачева, Вятский государственный гуманитарный университет).

Всего в ходе конференции было представлено более 60 докладов о результатах научных исследований. Наибольший интерес вызвали доклады: «Технология кейс-стади как средство формирования иноязычной речевой компетенции у студентов-медиков» (И. Л. Дмитриевых, Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров); «Речевая компетенция студента педагогического колледжа» (М. В. Кокоулина, Кировский педагогический колледж, г. Киров); «Современные компьютерные технологии в процессе обучения иностранным языкам» (А. А. Постнова, Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров); «Использование кейс-технологии при обучении монологической речи» (О. В. Лукиных, Кировский педагогический колледж, г. Киров); «Возможности использования песенного материала в процессе обучения иностранному языку» (Т. Л. Гуляева, Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров); «Обучение изучающему чтению с использованием творческих упражнений» (Г. А. Ахатова, Кировский педагогический колледж, г. Киров); «Результаты опытно-экспериментальной проверки эффективности коммуникативного метода при обучении лексической стороне говорения» (И. Н. Михина, Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров); «Изучающее чтение как цель обучения на уроке иностранного языка в основной школе» (О. В. Мажарова, Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров); «Условия использования виртуальной учебной среды для овладения иноязычной коммуникативной компетенцией студентами языкового профиля» (А. Э. Якуб-Заде,

Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров); «Аббревиатура как одно из средств экономии и экспрессии речи» (Е. А. Щепетковой, Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров).

Конференция завершилась круглым столом, на котором были подведены итоги мероприятия и награждены дипломами авторы лучших докладов. По материалам конференции подготовлен сборник материалов «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей». Результаты мероприятия отражены на сайте Вятского государственного гуманитарного университета, а также на сайте Ассоциации учителей английского языка Кировской области.

*М. Ю. Подлевских
член оргкомитета конференции,
студентка IV курса факультета лингвистики ВятГГУ*

О научно-методических конференциях по развитию математического образования

В год 100-летия Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ) математики нашего университета принимают активное участие в целом ряде мероприятий по математическому образованию.

I. На базе Тюменского государственного университета (ТюмГУ) 22–24 мая 2014 г. состоялся **XXXV Пленум УМС по математике и механике УМО по классическому университетскому образованию РФ**, в работе которого участвовал доцент кафедры алгебры и дискретной математики ВятГГУ, канд. физ.-мат. наук Д. В. Чупраков. К началу Пленума был выпущен сборник научных трудов членов УМС «Математика и информационные технологии в естественнонаучном образовании» (Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014), в котором напечатана статья Е. М. Вечтомова «О ФГОСах и едином образовательном пространстве России», содержащая предложения по созданию нормального единого профессионального образовательного пространства в России.

На Пленуме выступили с докладами:

директор Института математики и компьютерных наук ТюмГУ А. Г. Ивашко «Перспективы развития математического и ИТ образования в Тюменском государственном университете»;

заместитель декана механико-математического факультета Новосибирского государственного университета (НГУ) П. Г. Емельянов «Преподавание фундаментальной информатики в НГУ»;

директор Института математики и компьютерных наук УрФУ М. О. Асанов «Курс “Комбинаторные алгоритмы” в УрФУ»;

председатель УМС, декан механико-математического факультета МГУ В. Н. Чубариков «Преподавание математического анализа в современных условиях».

В решении XXXV Пленума УМС по математике и механике, в частности, записано:

«5. Пленум считает необходимым сохранить роль УМС по математике и механике в математическом образовании России.

6. УМС по математике и механике выступает категорически против введения ЕГЭ в высшее образование.

7. УМС по математике и механике считает необходимым завершить работу по выработке положений о подготовке кадров высшей квалификации через обучение в аспирантуре и докторантуре.

8. В целях сохранения кадрового состава образовательных организаций обратиться в Министерство труда и социальной защиты с предложением о включении периода учебы в трудовой стаж».

II. В Сыктывкарском государственном университете (СыктГУ) 26–27 мая этого года была проведена **IV Всероссийская научно-методическая конференция «Проблемы математического образования в вузах и школах России в условиях его модернизации»**. В оргкомитет конференции вошли профессора – заведующий кафедрой алгебры и дискретной математики, д-р физ.-мат. наук Е. М. Вечтомов и заведующий кафедрой математического анализа и МОМ, д-р пед. наук С. И. Калинин. Сайт конференции **ПМОБР'14**.

Открыл конференцию директор Института точных наук и информационных технологий СыктГУ, канд. физ.-мат. наук В. В. Миронов. С приветственными словами выступили ректор университета, канд. экон. наук М. Д. Истиховская (председатель оргкомитета) и Е. М. Вечтомов (сопредседатель). Затем были заслушаны три пленарных доклада:

Е. М. Вечтомов выступил с презентацией «Алгебраическое образование и алгебраические исследования в ВятГГУ», которую посвятил 100-летию юбилею ВятГГУ и многолетнему сотрудничеству с СыктГУ;

профессор кафедры высшей математики, теории и методики обучения математике СыктГУ, д-р физ.-мат. наук В. П. Одинец сделал доклад на историко-математическую тему «Об истории использования экономических задач в математическом образовании»;

заведующая кафедрой математического моделирования и кибернетики СыктГУ, д-р физ.-мат. наук Н. А. Беляева представила презентацию «Математическое моделирование в исследованиях фундаментальных задач механики сплошных сред».

На трех секциях конференции с интересными докладами выступили известные ученые и преподаватели СыктГУ: заслуженные работники высшей школы РФ профессор, д-р техн. наук В. Л. Никитенков и доцент, канд. физ.-мат. наук В. А. Попов, доценты, кандидаты наук И. И. Баженов, О. В. Генкулова, М. В. Дмитриева, А. В. Ермоленко, В. Н. Исаков, А. Ю. Кораблев, Л. С. Кузнецова, М. В. Пospelов, Е. В. Тулубенская, а также гости: С. И. Калинин (Киров), С. М. Попов (Анадырь), О. А. Сотникова (Ухта) и др.

Изданные материалы конференции содержат 47 статей, включая работы Е. М. Вечтомова, С. И. Калинина и магистранта ВятГГУ по направлению подготовки Математика и компьютерные науки Р. В. Топорова.

Начато подписание договоров о сетевом взаимодействии между ВятГГУ и СыктГУ по направлению подготовки Математика и компьютерные науки (бакалавриат и магистратура). Также состоялась полезная для сотрудничества встреча с заведующим Отделом математики Коми НЦ УрО РАН д-р физ.-мат. наук Н. А. Грозовым.

III. В рамках указанной конференции 27 мая прошло **18-е заседание Совета УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона** со следующей повесткой дня:

1. Проблемы педагогического образования в России.

Докладчик – председатель Совета УМО, д-р физ.-мат. наук, профессор Е. М. Вечтомов.

2. Применение компьютерных технологий в обучении математике.

Докладчик – д-р физ.-мат. наук, доцент Н. А. Беляева.

3. Присвоение учебным пособиям грифа УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона.

4. Разное.

В прениях по докладам выступили члены Совета УМО С. И. Калинин, В. Л. Никитенков, В. А. Попов и О. А. Сотникова.

Гриф УМО были присвоены 10 учебным пособиям: трем пособиям преподавателей ВятГГУ, четырем – СыктГУ, по одному – преподавателям Арзамасского филиала ННГУ и Ухтинского государственного технического университета, аспиранту Чувашского государственного университета.

В члены Совета УМО принята Надежда Александровна Беляева.

В решении 18-го заседания Совета УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона отмечается:

1) усилить предметную подготовку будущих учителей математики и информатики, внося необходимые изменения в учебные планы соответствующих профилей Педагогического образования;

2) определить достаточный минимум использования ИКТ в обучении математике бакалавров направления подготовки 02.03.01 Математика и компьютерные науки;

3) к сентябрю 2014 г. разработать базовую программу сетевого взаимодействия ВятГГУ и СыктГУ по направлению подготовки Математика и компьютерные науки.

IV. На базе ВятГГУ 25–27 сентября 2014 г. состоится **XXXIII Международный научный семинар преподавателей математики университетов и педагогических вузов «Тенденции и перспективы развития математического образования»**, посвященный 100-летию ВятГГУ (сайт семинара conf-math.vggu.ru/). Бессменным научным руководителем семи-

нара является д-р пед. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А. Г. Мордкович. В состав оргкомитета вошли 7 преподавателей ВятГГУ, председатель – Е. М. Вечтомов.

В первый день семинара пройдет Пленарное заседание (6–7 докладов). Предполагается работа трех секций:

«Математические исследования» (руководители: д-р физ.-мат. наук, профессор В. П. Одинец (Сыктывкарский госуниверситет), д-р физ.-мат. наук В. В. Чермных);

«Методика обучения математике и компьютерным наукам в вузе» (руководители: д-р пед. наук, профессор В. А. Тестов (Вологодский госуниверситет), канд. физ.-мат. наук, доцент Д. В. Чупраков);

«Методика обучения математике и информатике в школе» (руководители: д-р пед. наук, профессор Т. А. Иванова (Нижегородский госпедуниверситет), д-р пед. наук, профессор С. И. Калинин).

Будет организована выставка книг участников семинара.

V. К предстоящему XXXIII семинару приурочено очередное **19-е заседание Совета УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона**, которое намечено на 26 сентября 2014 г. и на котором предполагается обсуждение следующих актуальных вопросов:

1) о конкретных мероприятиях по реализации Концепции развития математического образования в Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ № 2506-р от 24.12.2013 г., приказ Минобрнауки РФ № 265 от 03.04.2014 г.);

2) о сетевом взаимодействии между российскими вузами в области высшего математического образования;

3) присвоение учебным пособиям, прошедшим рецензирование, грифа УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона;

4) выборы новых членов Совета УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона;

5) принятие рекомендаций по злободневным проблемам развития математического образования в регионе.

VI. В рамках празднования 100-летнего юбилея ВятГГУ осуществлено:

1. На итоговой научной сессии ВятГГУ 7 апреля 2014 г. проведено расширенное заседание городского научного алгебраического семинара (руководители: д-р физ.-мат. наук Е. М. Вечтомов и д-р физ.-мат. наук В. В. Чермных).

2. В апреле 2014 г. вышел в свет 16-й выпуск «Математического вестника педвузов и университетов Волго-Вятского региона» (гл. редактор Е. М. Вечтомов), посвященный юбилею университета.

3. На факультете информатики, математики и физики 23 мая сего года состоялась презентация книги «Профессор Фёдор Нагибин. Сквозь призму времени» (авторы В. И. Варанкина, Е. М. Вечтомов, Е. С. Канин) – первой книги серии «Научно-педагогическое наследие».

4. Ряд историко-математических статей опубликовали преподаватели В. И. Варанкина, Е. М. Вечтомов, С. И. Калинин и магистранты Д. В. Кочурова, И. А. Лутошкина.

5. Изданы учебные пособия Е. М. Вечтомова, В. В. Сидорова «Абстрактная алгебра. Базовый курс» и Е. М. Вечтомова, Д. В. Широкова «Математика. Вводный курс», получившие грифы УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона.

Е. М. Вечтомов,
доктор физ.-мат. наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЗИН Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института. 140411, г. Коломна, ул. Зеленая, 30.

E-mail: bazin-oa@mail.ru

БАНДАКОВ Михаил Петрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: afk@vshu.kirov.ru

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права РАН; заместитель начальника управления по надзору за расследованием особо важных дел Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 125993, ГСП-3, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, 15а.

E-mail: bochkarvs@mail.ru;

БОЧКАРЁВА Антонина Сергеевна – доцент кафедры издательского дела и редактирования Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

ВЛАДИМИРОВА Елена Николаевна – аспирант кафедры английского и немецкого языков и методики преподавания иностранным языкам Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: yelena.vladimirova@list.ru

ВОЛЧЕНКОВА Елена Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: lena_volc@mail.ru

ГРЯЗИН Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: Sanavto43@mail.ru

ЕРЕМИН Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, начальник отдела научных исследований Ярославского государственного педагогического университета. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108.

E-mail: a.eremin@yspu.org

КАРПЕНКО Иван Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии научного исследовательского университета Высшей школы экономики. 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

E-mail: gobzev@yandex.ru

ЛОЖКИНА Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

МИЛОВСКАЯ Наталья Дмитриевна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой германской и романской филологии Ивановского государственного университета. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39.

E-mail: milnatdm@yandex.ru

МИРОНИНА Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: linguist@vshu.kirov.ru

НАПАЛКОВ Сергей Васильевич – аспирант кафедры математики, теории и методики обучения математике Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36.

E-mail: nsv-52@mail.ru

НИЖНИКОВ Сергей Анатольевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

E-mail: fgsn@rudn.ru

ОСИПОВА Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4, корп. 2.

E-mail: assya@yandex.ru

ПАШАЕВА Маргарита Расимовна – аспирант кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления. 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56.

E-mail: rita14@list.ru

ПЕРМИНОВ Евгений Александрович – кандидат физико-математических наук, зав. кафедрой высшей математики Российского государственного профессионально-педагогического университета. 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

E-mail: perminov_ea@mail.ru

ПОЗДЕЕВ Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и менеджмента Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: pavel.pozdeev1978@gmail.com

ПОЛЕВОЙ Георгий Георгиевич – аспирант кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: Gera_lider1@mail.ru

ПСИХОМАХОВА Аминат Рашидовна – кандидат исторических наук, преподаватель Государственного бюджетного образовательного учреждения среднего профессионального образования Медицинский колледж № 4 Департамента здравоохранения г. Москвы. 123182, г. Москва, ул. Академика Курчатова, 25.

E-mail: amina@lianet.ru

РЯБУШКИНА Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова. 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 4.

E-mail: svetigor@bk.ru

Сведения об авторах

ТАРБЕЕВА Оксана Викторовна – соискатель кафедры педагогики Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: oksana.tarbeeva@yandex.ru

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии, этнологии и культурной антропологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: etnos@vshu.kirov.ru

ЧОРБАЧИДИ Софья Александровна – аспирант Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 127550. г. Москва, ул. Прянишникова, 2а.
E-mail: sofibook@bk.ru.

ЯКОВЛЕВА Ольга Константиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: socio-psu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAZIN Oleg Alexandrovich – Candidate of History, Associate Professor of Department of national and world history from Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute. 140411, Kolomna, Zelenaya St., 30.

E-mail: bazin-oa@mail.ru

BANDAKOV Mikhail Petrovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of adaptive physical education and teaching methods of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: afk@vshu.kirov.ru

BOCHKAREV Sergey Alaxandrovich – PhD, Senior Research Fellow of the Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences; Deputy Head of Department for Supervision over Investigation of particularly important cases of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 125993, GSP-3, Russia, Moscow, B. Dmitrovka St., 15a.

E-mail: bochkarvs@mail.ru;

BOCHKAREVA Antonina Sergeevna – Associate Professor of publishing and editing of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

VLADIMIROVA Elena Nikolaevna – post-graduate student of Department of English and German languages and methods of teaching foreign languages, of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: yelena.vladimirova@list.ru

VOLCHENKOVA Elena Valeryevna – Ph.D., assistant professor of social work of Vyatka State Humanities University, Krasnoarmeyskaya St., 26, Kirov, Kirov region, 610002.

E-mail: lena_volc@mail.ru

GRYAZIN Dmitry Vladimirovich – post-graduate student of Department of adaptive physical education and teaching methods of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: Sanavto43@mail.ru

EREMIN Alexander Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, associate professor of Russian history, head of research at the Yaroslavl State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Republicanskaya St., 108, office. 130.

E-mail: a.eremin@yspu.org

KARPENKO Ivan Alaxandrovich – Ph.D., assistant professor of ontology, logic and epistemology of Faculty of Philosophy, Science and Research University of Higher School of Economics. 101000, Moscow, Myasnitskaya St. 20.

E-mail: gobzev@yandex.ru

LOZHKINA Tatiana Evgenyevna – Senior Lecturer of Department of Public Law of Faculty of Law of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

MILOVSKAYA Natalia – PhD, Associate Professor, Head of the Department of Germanic and Romance Philology of Ivanovo State University. 153025, Ivanovo, Ermak St., 39.

E-mail: milnatdm@yandex.ru

MIRONINA Anna Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and translation of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: linguist@vshu.kirov.ru

NAPALKOV Sergey Vasilyevich – post-graduate student of Department of Mathematics, theory and methods of teaching mathematics of Arzamas branch of Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky. 607220, Arzamas, Karl Marx St., 36.

E-mail: nsv-52@mail.ru

NIZHNIKOV Sergey Anatoljevich – Doctor of Philosophy, Professor of the History of Philosophy of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Russian University of Peoples' Friendship. 117198, Moscow, ul. Miklucho-Maclay St., 6.

E-mail: fgsn@rudn.ru

OSIPOVA Anna Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair Anglistics and Intercultural Communication Institute of Foreign Languages Moscow City Pedagogical University. 129226, Moscow, 2nd Farm pr-d, 4, block 2.

E-mail: assya@yandex.ru

PASHAYEVA Margarita Rasimovna – graduate student of Department of Social Communication and Sociology of Management of Novosibirsk State University of Economics and Management. 630099, Novosibirsk, Kamensky St., 56.

E-mail: rita14@list.ru

PERMINOV Evgeniy Alexandrovich – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Head of the Department of Mathematics of the Russian State Professional Pedagogical University. 620012, Ekaterinburg, ul. Mashinostroiteley, 11.

E-mail: perminov_ea@mail.ru

POZDEEV Paul Vyacheslavovich – Candidate of History, Associate Professor of Department of Public Administration and Management of the Vyatka State University of Humanities, Krasnoarmeyskaya St., 26; 610002. Faculty of Management.

E-mail: pavel.pozdeev1978@gmail.com

POLEVOY Georgy Georgievich – post-graduate student of Department of adaptive physical education and teaching methods Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: Gera_lider1@mail.ru

PSIHOMAHOVA Aminat Rashidovna – Candidate of historical sciences, professor of the State budget educational institution of secondary vocational education Medical College № 4 of Department of Health, Moscow. 123182, Moscow, Academician Kurchatov St., house 25.

E-mail: amina@lianet.ru

RYABUSHKINA Svetlana Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian language of Ilya Ulyanov State Pedagogical University. 432700, Russia, Ulyanovsk, square of the 100th anniversary of the birth of VI Lenin, 4.

E-mail: svetigor@bk.ru

TARBEEVA Oksana – Researcher of Department of Pedagogy of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: oksana.tarbeeva@yandex.ru

TRUSHKOVA Irina Yurjevna – doctor of historical sciences, professor, head of Department of Archeology, Ethnology and Cultural Anthropology of Vyatka State Humanities University, Krasnoarmeyskaya St., 26, Kirov, Kirov region, 610002.

E-mail: etnos@vshu.kirov.ru

CHORBACHIDI Sophia Alexandrovna – Moscow State University named after Ivan Fedorov printing, post-graduate student. 127550. Pryanishnikov St., 2A.

E-mail: sofibook@bk.ru

YAKOVLEVA Olga Konstantinovna – candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Sociology and Political Science of Perm State National Research University. 614990, Perm, Bukirev St., 15.

E-mail: socio-psu@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 8(2014)

Подписано в печать 25.07.2014 г.
Формат 60x84 ¹/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 1000. Заказ № 108.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674